

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАННЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Е. Р У М Я Н Ц О В А,

ТОВАРИЩА ПРЕДСѢДТЕЛЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ВЫПУСКЪ III.

Съ 7-ю черными таблицами снимковъ и 1-ю хромофотографическою.

МОСКВА
1887

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства. Докладъ въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ 19 и 20 декабря 1885 года. Д. чл. **А. В. Прахова.** . . . 1—31.

Реставрація древнихъ архитектурныхъ памятниковъ (по Віолетте-Дюку). Д. чл. **Н. В. Никитина.** 32—52.

О значеніи слова „Деисусъ“. Д. чл. **С. А. Усова.** . . . 53—59.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Шестокриль. Д. чл. **Д. И. Прозоровскаго.** 60—64.

Новая надпись изъ Херсониса таврическаго. Д. чл. **В. В. Латышева.** 65—69.

Икона съ изображеніемъ монастыря и передъ нимъ Христа въ образѣ нищаго. Д. чл. **В. Е. Румяцова.** 70—72.

III. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№№ 233—239. 75—99.

(ОСОБОЙ ПАГИНАЦІИ)

IV. Приложенія. Рѣчи читанныя на засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 15 ноября 1886 г., посвященномъ памяти д. чл. Сергѣя Алексѣевича Усова. Рѣчи: **А. Н. Шварца, В. О. Ключевскаго и Д. Н. Анучина.** I—XXIX.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.
Москва, 4 Іюня 1887 года.

Секретарь Общества А. Орѣшниковъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

КІЕВСКІЕ ПАМЯТНИКИ

ВИЗАНТІЙСКО-РУССКАГО ИСКУССТВА.

ДОКЛАДЪ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

19 и 20 ДЕКАБРЯ 1885 ГОДА

Д. чл. А. В. Прахова.

Наука о византійскомъ искусствѣ самая юная изъ художественно-историческихъ дисциплинъ. Еще свѣжи воспоминанія о пренебрежительномъ отношеніи къ Византіи.

Истинное значеніе византійскаго искусства, значеніе всемірно-историческое, состоитъ въ томъ, что 1) оно создало и установило типы христіанскихъ сказаній и 2) впервые внесло въ искусство начало живописное въ собственномъ смыслѣ слова.

Параллель съ античнымъ эллинизмомъ полная: тотъ же эллинъ, который около V—IV в. до Р. Х. установилъ образцовые типы языческой религіи и внесъ въ міръ начало пластическое въ высшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ слова, тотъ самый народный геній явилъ себя еще разъ съ другой стороны: прежній великій ваятель сталъ первымъ великимъ живописцемъ, и эта послѣдовательная смѣна условлена ни чѣмъ инымъ, какъ смѣною идеаловъ внутреннихъ: міровоззрѣніе языческое было пластично, христіанское міровоззрѣніе сначала и до конца живописно.

Древній человѣкъ былъ наивный раціоналистъ и всѣ заботы свои прилагалъ къ сохраненію личнаго эгоистическаго существованія на землѣ, во плоти, съ которою онъ жилъ въ полномъ мирѣ и согласіи.

Обожаніе здоровья и плотской красоты, какъ вышшняго проявленія физическаго совершенства, обожаніе физическаго совершенства, какъ залога совершенства нравственнаго,—*mens sana in corpore sano*,—были руководящими принципами язычника, который нравственное совершенство полагалъ въ полномъ и гармоническомъ развитіи и сохраненіи земнаго человѣка. Задаваясь высшими вопросами о мірозданіи и міроправленіи и связывая то и другое съ своею человѣческою личностію, древній эллинъ подѣлилъ міръ вышній и міръ внутренній на извѣстный рядъ крупныхъ обобщеній, соподчинивъ ихъ въ іерархическомъ порядкѣ, и для каждаго изъ этихъ обобщеній онъ создалъ по идеальному существу, воплотивъ въ немъ высшее совершенство каждаго сознаннаго имъ почина въ природѣ физической и нравственной. Эти живыя идеальныя существа сѣли надъ міромъ, какъ широко и разнообразно развитое вотчинно-удѣльное царство. Ни одно изъ этихъ существъ не обладало высшими качествами божества: ни одно не было вѣчнымъ, безконечнымъ, вездѣсущимъ, всевѣдущимъ, всемогущимъ, всеблагимъ. Напротивъ, всѣ онѣ носили на себѣ всю ограниченность тѣхъ отдѣловъ феноменальнаго міра, которые онѣ собою представляли, и всѣмъ имъ свойственно было одно лишь высшее качество—всѣ онѣ были чудно прекрасны. Притомъ, степень обладанія красотою соотвѣтствовала идеальному значенію божества и падала по мѣрѣ пониженія самихъ божествъ; такъ, если сопоставить всѣ идеальныя существа эллинской міеологіи, начиная съ 12 высшихъ божествъ и кончая панами, силенами и сатирами, то на долю высшихъ выпадаетъ полное человѣкообразіе съ характернымъ признакомъ высшей красоты, на долю послѣднихъ—помѣсь формъ человѣческихъ съ формами животными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умаленіе красоты человѣческой. Явивъ въ себѣ всѣ остальные особенности древнеэллинской жизни, греческія божества усвоили себѣ и эту существеннѣйшую черту. Холя свою плоть и умышленно и сознательно стремясь всѣмъ строемъ воспитанія создать изъ себя въ самой жизни художественное произведеніе, грекъ не могъ представить себѣ божества иначе, какъ живымъ организмомъ, совершенство котораго выражается въ цвѣтущемъ здоровьѣ и красотѣ. Когда пришла пора явить наглядно это внутреннее настроеніе, древній грекъ сосредоточился на томъ искусствѣ, которое располагаетъ наибольшими средствами воспроизводить плоть, т. е. на ваяніи. Пусть намъ не говорятъ, что мы не знаемъ памятниковъ эллинской живописи: мы знаемъ отзывы современниковъ о величайшихъ произведеніяхъ эллинской живописи и знаемъ отраженіе этой живописи въ дошедшихъ до насъ греческихъ и римскихъ мозаикахъ и помпейскихъ фрескахъ. Всѣ восторженные похвалы произведеніямъ эллинской живописи, сохранившіяся у древнихъ авторовъ, сводятся либо на прославленіе чрезвычайной живости изображеній, слѣдовательно, оптиче-

скаго обмана, либо чрезвычайной тонкости формъ,—т. е. двухъ качествъ, которыя одинаково свойственны и пластикѣ, и въ ней также имѣли своихъ усердныхъ панигиристовъ. Что до мозаикъ и помпеянскихъ фресокъ, то всякій ихъ знающій согласится, что ихъ скорѣе всего можно сравнить съ раскрашенными изваяніями, поставленными передъ условнымъ одноцвѣтнымъ фономъ, либо нѣсколько напоминающимъ пейзажъ или архитектурную обстановку. О живописи, какъ о гармоническомъ настроеніи въ переливахъ красокъ и свѣтотѣни, какъ о музыкѣ цвѣтовъ и свѣтотѣни, нѣтъ еще и помину.

Христіанство выступило съ началами противоположными языческимъ. На мѣсто обоготворенія личной эгоистической земной жизни и плоти оно ставитъ обоготвореніе духа и идеаль жизни переноситъ за предѣлы гроба. О физическомъ совершенствѣ нѣтъ и помина, сторона плотская преслѣдуется какъ начало враждебное, такъ какъ плоть эгоистична, а идеаломъ христіанина стало самопожертвованіе. вмѣсто красоты формъ, художнику пришлось воспроизводить красоту духа лицъ, не вымысленныхъ фантазіей, но дѣйствительныхъ, историческихъ, такъ какъ сама исторія поднята была на пьедесталь высшаго идеала. Эти историческія личности могли зачастую вовсе не имѣть красоты, плоть свою стыдливо прятали, и искусству ставилось задачею рассказать великіе духовные поступки и дѣянія этихъ людей. Притомъ на мѣсто рационалистическаго эгоизма, вмѣстѣ съ идеалами самопожертвованія, альтруизма, ворвалась въ жизнь струя глубокаго возбужденнаго чувства, такъ сказать, элементъ мистическо-сентиментальный. Что было дѣлать ваянію среди этихъ новыхъ идеаловъ?! Оно принуждено было уступить мѣсто новой художественной формѣ: изъ всѣхъ наглядныхъ искусствъ самымъ рассказывающимъ и наиболѣе способнымъ выразить жизнь духа даже въ отдѣльныхъ формахъ, наиболѣе пригоднымъ для воплощенія мистическо-сентиментальнаго настроенія и наиболѣе способнымъ извлечь эстетическій эффектъ среди общества людей, тщательно кутававшихъ свою наготу, была и есть, конечно, живопись,—и вотъ эллинъ бросаетъ пластику и весь свой гений сосредоточиваетъ въ живописи: изъ эллина-ваятеля онъ превращается въ византійца-живописца. При этомъ, конечно, не осталось безъ вліянія и то обстоятельство, что вмѣстѣ съ великимъ наплывомъ новой мистической религіи съ востока на рационально-пластическую Элладу произошелъ наплывъ и восточныхъ расъ и восточныхъ художественныхъ вкусовъ, искони тянувшихъ къ живописи. Великое соединеніе эллинскаго творческаго ума съ мистическимъ полетомъ фантазіи востока и съ смѣлостью славянина дало тѣ безцѣнные плоды, которые играютъ столь же важную всемірно-историческую роль, какъ и плоды эллинско-языческой культуры, такъ какъ можно смѣло утверждать, подъ всю европейскую культуру и европей-

скимъ искусствомъ въ такой же мѣрѣ лежитъ слой византійскій, какъ и слой классическо-эллинскій. При этомъ византійское искусство дѣйствуетъ вызывающимъ образомъ на зародыши живописи, какъ соприкосновеніе съ искусствомъ древней Эллады будить дремлющее ваяніе, и это вліяніе сохраняетъ всю свою силу не только по отношенію къ народамъ варварскимъ, но и ко второму великому отечеству образованности, къ Италіи, въ такой степени, что мѣра присутствія грековъ въ Италіи навсегда осталась рѣшающимъ условіемъ для развитія итальянской живописи: пребываніе византійцевъ въ Венеціи закладываетъ основаніе славной венеціанской школы, присутствіе византійцевъ въ Равеннѣ вліяетъ на образованіе умбрійской школы, наполнившей міръ своею славою, и вообще первые итальянскіе живописцы всюду являются прямыми учениками византійцевъ.

Эта великая двойная эллино-византійская волна плеснула и на нашъ берегъ; первая, эллино-классическая, разбилась чудно-прекрасною пѣною на самомъ побережьи Чернаго моря; вторая, христіанско-византійская, залила потокомъ всю крещеную Русь до Новгорода, Владиміра, Москвы.

Въ виду ея важности, каждая брызга этой волны драгоценна. Для насъ въ высшей степени важно отдать себѣ отчетъ: 1) что принесли намъ христіанинъ-византіецъ: мертвенное ли что либо, или зажигающее новую жизнь, и 2) какъ мы отнеслись къ этому культурному дару: были ли мы тѣмъ лукавымъ рабомъ, который зарылъ въ землю свой талантъ, или мы были способны и готовы на тотъ живой откликъ, какой мы видимъ во всей западной Европѣ.

М.г! Мои шестилѣтнія работы надъ кievскими древностями дали обильный матеріалъ для рѣшенія этихъ вопросовъ. То, что вы видите кругомъ васъ, есть выборъ изъ всего найденнаго мною между 1880 и 1885 г. въ различныхъ Кіевскихъ церквахъ; этотъ выборъ равняется, впрочемъ, не болѣе какъ одной трети всего, что въ этотъ срокъ явилось на свѣтъ Божій.

Съ 1880 г. меня начинаютъ увлекать все болѣе и болѣе родная старина; лѣто этого года я посвятилъ изученію художественныхъ древностей Кіева, поразившихъ меня своимъ великолѣпіемъ,—прежде всего, конечно, безцѣнныхъ мозаикъ, фресокъ и другихъ древностей Кіево-Софійскаго собора (XI в.). Плодомъ этого изученія былъ цѣлый рядъ небольшихъ копій акварелью и масляными красками, сдѣланныхъ мною съ возможною точностію, при помощи фотографіи и калекъ. На первыхъ порахъ мои работы въ Софійскомъ соборѣ имѣли послѣдствіемъ, кромѣ моего личнаго просвѣщенія, еще исправленіе нѣкоторыхъ промаховъ изданія Кіево-Софійскаго собора, предпринятаго лѣтъ 10 тому назадъ,—главнымъ образомъ, Софійской Евхаристіи, которая нынѣ переиздается Русскимъ Археологическимъ Обществомъ по моей копіи.

Нѣсколько послѣднихъ, еще остававшихся у меня дней отъ лѣта 1880 г., я употребилъ на знакомство съ Кирилловскою церковью XII вѣка и, очистивъ два лика ангеловъ, видѣвшихся въ сѣверномъ аркасоіи внутренней паперти изъ-подъ штукатурки, снялъ съ нихъ копіи и включилъ ихъ въ коллекцію, выставленную мною въ общемъ собраніи Русскаго Арх. Общества 7 ноября того же года. Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ моихъ предложеній, общему собранію угодно было принять предложеніе открыть и скопировать Кирилловскія фрески. По всеподданнѣйшему докладу г. Министра внутреннихъ дѣлъ, Государю Императору благоугодно было дать свое Монаршее соизволеніе и средства на выполненіе этой задачи, что было исполнено мною въ теченіе 1881, 1882, 1883 годовъ.

Въ то же время незабвенный графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ почтилъ меня лестнымъ для меня порученіемъ сдѣлать копіи въ величину подлинниковъ съ кіевскихъ мозаикъ для Имп. Росс. Ист. Музея. Лѣтомъ 1881 г. была исполнена копія съ средней части Софійской Евхаристіи, а въ то же время я исподволь изучалъ малоизвѣстныя и до сихъ поръ неизданныя мозаики Михайловскаго-Златоверхаго монастыря XII в. Эти предварительныя этюды выразились небольшими копіями масляными красками. Слѣдующимъ лѣтомъ, 1882 г., удалось сдѣлать копіи въ величину подлинниковъ, съ мозаикъ Златоверхаго-Михайловскаго монастыря, Евхаристіи, св. Оадея, Димитрія и Стефана и съ мозаичнаго Благовѣщенія Кіево-Софійскаго собора. Все это нынѣ въ И. Р. И. Музеѣ.

Въ прошломъ 1884 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ воспользовавшись очисткою стѣнъ св. Софіи даже до главнаго купола, мнѣ посчастливилось открыть новыя и, конечно, послѣднія мозаики въ св. Софіи Кіевской: І. Христа, Ангела и ап. Павла въ главномъ куполѣ, св. Аарона въ главномъ алтарѣ.

Наконецъ въ нынѣшнемъ году случай привелъ меня къ только-что отысканному замѣчательному кладу древнерусскихъ драгоценностей, поступившему при моемъ посредствѣ въ Императорскій Эрмитажъ, рисунки съ котораго я также буду имѣть честь представить вашему вниманію.

Вотъ вкратцѣ ходъ моихъ Кіевскихъ работъ; позвольте, м.г., познакомиться васъ съ ихъ плодами въ частностяхъ и представить на ваше просвѣщенное сужденіе отвѣты на два вопроса, которые я имѣлъ честь поставить выше.

О томъ, въ какомъ видѣ пришло къ намъ византійское искусство, мы можемъ судить лишь по памятникамъ XI в., такъ какъ единственное важное сооруженіе X в.—Десятинная церковь въ Кіевѣ—погибла совершенно, за исключеніемъ фундаментовъ. Если допрашивать фундаменты, то они могутъ засвидѣтельствовать, можетъ быть, одно

только: что въ планѣ Десятинная церковь похожа на церкви Херсониса Таврическаго. Знакомство со всѣми прочими церквами Кіева XI и XII в. убѣждаетъ насъ, что между ними и Константинопольскими церквами вовсе нѣтъ того спеціальнаго сходства, о которомъ говорилось не разъ. Напротивъ, ближайшее сходство съ нашими церквами представляютъ церкви не столицы, но провинцій византійскихъ: церкви Греціи, острововъ Архипелага и Херсониса Таврическаго. Естественно, что в. кн. Владиміръ, принявшій крещеніе въ Тавридѣ, увезшій отсюда съ собою священниковъ, мощи и пр., долженъ былъ отсюда же заимствовать и первое храмоздательство.

Богатую картину для наблюденій представляетъ, напротивъ, главный памятникъ XI вѣка, св. Софія Кіевская.

Исторія ея вкратцѣ слѣдующая.

Какъ памятникъ своей побѣды надъ Печенѣгами, «заложи князь Ярославъ, въ 1037 году, церковь (каменную) святыя Софія Премудрость Божию, митрополію; украси ю златомъ и серебромъ и сосуды церковными и положи въ ней книги многи, ими же научахуся вѣрнии.» Освящена была самое позднее въ 1049 г., а въ 1054 г. «преставися князь Ярославъ и положиша его въ рацѣ мраморянѣ, въ церкви св. Софіи». Здѣсь былъ вѣнчанъ на царство бармами Константина Мономаха славный Владиміръ Мономахъ (1113 г.), и здѣсь же сложены были его брѣнные останки (1126 г.). Пострадавъ отъ пожара (1180 г.), Софія дважды была разграблена, сперва «Рюрикомъ, Ольговичами и всею Половецкою землею» (1203) и затѣмъ окончательно—Батыемъ (1240 г.); шестьдесятъ лѣтъ спустя, митрополитъ Максимъ, «не терпя насилія татарскаго», покидаетъ св. Софію кіевскую и бѣжитъ «въ Суждальскую землю». Литовскіе князья, стараясь основать для ю.-з. Руси свою митрополію, заботятся и о Софіи (Витовтъ въ 1414 г.); но татары еще дважды разграбляютъ великую страдалицу (1416 г. и 1484 г.). Въ теченіе всего XVI вѣка, не смотря на временное приведеніе въ порядокъ (1577), св. Софія находится въ крайне печальномъ состояніи: на ея крышѣ растутъ кустарники. Послѣ измѣны митрополита Михаила Рогозы и трехъ епископовъ, въ Софіи богослуженіе прекращается. Въ 1610 г. Софію захватываютъ уніаты и за ихъ хозяйничаньемъ обрушивается ея западная паперть (1625). Съ возвращеніемъ Софіи въ руки православныхъ (1632 г.) начинаются заботы о ея обновленіи. Эти обновленія идутъ чрезъ все XVII и XVIII столѣтія «трудами и коштомъ» Петра Могилы и гетмана Мазепы; при этомъ древняя фресковая живопись была забѣлена и по ней написаны вселенскіе соборы. При императорѣ Николаѣ I, между 1843 и 1853 годами, древнія фрески были открыты и приведены въ порядокъ подъ руководствомъ Ѳ. Г. Солнцева.

На долю нашего поколѣнія осталось, впрочемъ, еще кое-что. Впервые, со времени этого обновленія, въ особенности въ послѣдніе 6 лѣтъ, найдено множество мраморныхъ деталей: колоннъ, капителей, карнизовъ съ изящными узорами, мраморныхъ притолокъ, косяковъ, пороговъ и пр. и пр., что заставляетъ насъ совершенно пересоздать въ своемъ воображеніи первоначальный видъ храма: теперь бѣдная архитектурными подробностями, св. Софія кіевская первоначально блистала бѣломраморными украшеніями, среди которыхъ можно съ значительною вѣроятностію различить части, принадлежащія древней алтарной преградѣ, киворію, или сѣни надъ престоломъ, и паперти, обрушившейся въ началѣ XVII в. Въ послѣдніе же годы найдены слѣды древняго кафельнаго пола. При постройкѣ новой паперти, въ 1882—1883 г., пришлось тронуть части направо и на лѣво отъ нея и при этомъ натолкнуться на старый вопросъ о назначеніи и происхожденіи южной башни, съ ходомъ на хоры, украшеннымъ такими странными фресками съ ипподромомъ, охотами, скоморохами и пр. Очищая фрески въ древней крестильнѣ (между южной башнею и папертью), пришлось обнажить уголъ, образуемый сѣверною стѣною башни и западною стѣною церкви, и при этомъ оказалось, что стѣна башни отошла отъ стѣны церкви на три слишкомъ вершка, что стѣна башни была приложена къ стѣнѣ церкви уже совсѣмъ готовой, украшенной шифернымъ карнизомъ и фресками, виднѣющимися въ щели. Однимъ словомъ, установленъ былъ тотъ фактъ, что южная башня есть пристройка къ готовой церкви,—пристройка, судя по кладкѣ кирпичей и фрескамъ, XI или XII в. Впрочемъ я имѣлъ случай уже аргументно утверждать, что одна изъ Софійскихъ «вежъ» должна быть пристройкою, при чемъ я руководился тѣмъ, что башни въ планѣ помѣщены не симметрично, что было бы непонятно при первоначальномъ цѣлостно задуманномъ планѣ.

Самымъ крупнымъ дополненіемъ къ работамъ Солнцева являются мозаики, открытыя мною въ прошломъ году.

Въ днищѣ главнаго купола открыто колоссальное мозаичное изображеніе Иисуса Христа, поясное, заключенное въ радужный кругъ. Буквы **IC XC** и евангеліе не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ того, кто именно изображенъ. Правая рука съ древнимъ двуперстнымъ благословеніемъ. Ликъ Спасителя суровый, не имѣетъ еще изящества Монреальскаго изображенія, вблизи нѣсколько грубъ, такъ какъ рассчитанъ на дѣйствіе на большомъ разстояніи (см. Таб. I).

Напротивъ, необыкновенною прелестью поражаетъ мозаичный ангелъ, одинъ изъ четырехъ, нѣкогда украшавшихъ воронку купола, между радужнымъ кругомъ и полуциркульными верхами оконъ главной бани. Это были четыре ангела—четыре вѣстника на четыре страны свѣта, въ торжественномъ облаченіи, въ изукрашенныхъ стихаряхъ съ велико-

лѣпно задрапированными омофорами, унизанными камнями, съ жемчужными поднизями. Въ правой рукѣ ангела сфера—міръ, съ господствующимъ на немъ крестомъ; въ лѣвой рипида, въ формѣ царскаго жезла или лабаря, въ видѣ продолговатой четырехугольной дощечки съ разукрашенными наугольниками, съ жемчужными поднизями, и съ надписью:

ΑΓΝΟΣ святъ
ΑΓΝΟΣ святъ
ΑΓΝΟΣ святъ.

По типу головы, по величавому размѣру крылъ, по великолѣпію одежды, это одинъ изъ лучшихъ кусковъ среди мозаикъ св. Софіи и вообще среди византійскихъ памятниковъ XI в. (см. Таб. II).

Св. Павелъ, съ надписью (Δ) ΠΑΥΛΟΣ, выдержанный въ широкихъ формахъ, не особенно тщательный по отдѣлкѣ, сохранился между двумя окнами главной бани, конечно, какъ одинъ изъ двѣнадцати находившихся тутъ мозаичныхъ апостоловъ. Рядомъ съ нимъ налѣво,—оба прямо надъ алтаремъ,—стоятъ св. Петръ, отъ котораго уцѣлѣла только надпись, тамъ же, гдѣ она уцѣлѣла у Павла, т. е. надъ головой: (Δ) ΠΕΤΡΟΣ.

Полуциркульные верхи оконъ обрамлены были мозаичнымъ орнаментомъ, который соединялъ окна на высотѣ центровъ оконныхъ полукружій.

Великолѣпнымъ образчикомъ мозаичной палитры св. Софіи Киевской является св. Ааронъ (Δ) ΑΡΟΝ, найденный подъ новою масляною живописью на сѣверномъ столпѣ царской арки, на высотѣ архангела Гавріила. Первосвященникъ изображенъ въ типичномъ первосвященническомъ одѣяніи, съ заповѣдями на челѣ, съ кадильницею и ладоницею въ рукахъ. Изъ-подъ его исподней одежды выглядываютъ великолѣпно выложенные красные сапоги. Яркость, свѣжесть и гармонія красокъ вполне выкупаютъ нѣсколько принужденный обликъ всей фигуры, происшедшій, конечно, отъ тѣсноты мѣста, гдѣ пришлось изображать Аарона (см. Таб. III).

Если взять Аарона, Ангела съ рипидой изъ купола, главную Богоматерь, т. н. «Нерушимую стѣну» въ главномъ алтарѣ, Богоматерь изъ Благовѣщенія и святителей изъ нижняго яруса въ главномъ алтарѣ и сравнивать ихъ со всѣми прочими византійскими мозаиками Константинополя, церкви Дафны близъ Левсипы, церковей Θεσσαλονики, св. Марка въ Венеціи, церковей Равенны и Палермо, т. е. съ лучшими византійскими мозаиками отъ VI по XII в., — то всякій придетъ къ тому убѣжденію, что наши Софійскія принадлежатъ къ числу самыхъ совершенныхъ по красотѣ рисунка, по широтѣ и величавости композиціи, по глубинѣ и гармоніи красокъ, по типичности лицъ. Иными словами, что византійское искусство пришло къ намъ,

въ XI в., въ лучшихъ своихъ образцахъ и въ ту пору, когда оно само было живымъ, ищущимъ и домогающимся искусствомъ, еще не замершимъ въ условномъ схематизмѣ, т. е. что Византія въ области художества дала намъ могучій и живой толчекъ. Византійскій учитель, благодаря мудрому Ярославу, былъ хорошій учитель. Остается посмотрѣть, какъ мы воспользовались его ученіемъ.

На это даютъ отвѣтъ памятники Кіева XII вѣка.

Мозаики Михайловскаго-Златоверхаго монастыря относятся къ началу XII в. Монастырь былъ построенъ в. кн. Святополкомъ-Михайломъ Изяславичемъ въ 1108 г., а въ 1113 г. строитель былъ уже въ немъ погребенъ. Кирилловская церковь была начата в. кн. Всеволодомъ II Ольговичемъ, взявшимъ Кіевъ въ 1140 г., и окончена его супругою Маріей Мстиславовной, погребенной въ этой церкви въ 1179 г. Итакъ, эти два памятника представляютъ почти весь XII вѣкъ.

Рѣшительною новостью въ памятникахъ XII вѣка является то обстоятельство, что всѣ подписи на этихъ памятникахъ исключительно русскія, между тѣмъ какъ на памятникахъ XI вѣка онѣ исключительно греческія. Софія вся въ греческихъ надписяхъ. Мозаики Михайловскаго монастыря, фрески Кирилловской церкви, фрески Нередицкаго-Спаса въ Новгородѣ конца XII в., фрески XII в. Старо-Ладожской Георгіевской церкви, Дмитріевскаго собора въ Владимірѣ и пр.—исключительно съ русскими надписями. Этотъ важный фактъ самъ по себѣ не допускаетъ мысли о случайности, но онъ освѣщается еще болѣе, когда мы вспомнимъ, что и въ церквахъ Италіи повторяется то же явленіе: въ церквахъ X—XI вѣка, какъ св. Маркъ въ Венеціи, надписи греческія и отчасти латинскія; въ церкви Martoroma въ Палермо, самаго начала XII в., надписи частью греческія, частью латинскія; въ церквахъ Capella Palatina и Monreale, въ Палермо же, середины и конца XII в., надписи исключительно латинскія.

XII вѣкъ былъ для Европы, просвѣщенной Византіей, вѣкомъ возобладанія мѣстныхъ элементовъ, для Россіи вѣкомъ возобладанія русскаго духа.

Но сперва нѣсколько словъ о Кирилловской церкви и ея фрескахъ.

Напомню вамъ вкратцѣ исторію этого памятника.

Кіевскія сооруженія X, XI и XII вѣка группируются, какъ извѣстно, около двухъ центровъ, одного—политическаго, другаго—религіознаго. Десятинная церковь, Васильевская-Трехсвятительская, св. Софія, исчезнувшія теперь Георгіевская и Ирининская церкви, Михайловскій-Златоверхій монастырь,—всѣ эти памятники X, XI и XII вѣковъ сосредоточены на плоской вершинѣ одного Кіевского взгорья, въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ другъ отъ друга: всѣ они заключены въ древнемъ кремлѣ Владиміра, Ярослава, Изяслава, Святополка. Дру-

гіе памятники тѣхъ же вѣковъ сосредоточены на Печерскѣ, вокругъ главнаго религіознаго центра, — Кіево-Печерской лавры, или по дорогѣ къ ней. Церковь, надъ которою мы работали въ теченіе трехъ лѣтъ, Кирилловская церковь, и бывший при ней монастырь одиноко расположены въ противоположномъ сѣверо-западномъ концѣ Кіева, въ $\frac{3}{4}$ часа ѣзды отъ древняго Кремля, на послѣднемъ возвышенномъ выступѣ кіевскихъ горъ. Откуда такое своеобразное положеніе?

Кіевъ, нынѣ доступный со всѣхъ сторонъ, далеко не былъ такимъ въ древности. Съ юга его замыкали густые боры, съ востока естественною преградой являлась быстрина широкаго Днѣпра; единственный удобный доступъ къ нему былъ съ запада и сѣверо-запада. Въ сѣверо-западномъ углу, подъ тѣмъ холмомъ, гдѣ стоитъ Кирилловская церковь, сходились всѣ дороги, ведшія въ праматерь русскихъ городовъ; здѣсь было знаменитое въ лѣтописи Дорожиче, или Дорогожиче. Едва ли еще гдѣ-либо въ Кіевской Руси найдется мѣсто, въ такой степени напоенное человѣческою кровію и усѣянное человѣческими костями, какъ это Дорожиче. Всякій врагъ, наступавшій на Кіевъ, проходилъ по этой мѣстности, и подъ первымъ холмомъ, подъ первою естественною твердынею Кіева, угрожавшею нападающему съ праваго фланга, происходили первыя схватки. Кто овладѣвалъ этимъ ключемъ, предъ тѣмъ нижній городъ, теперешній Подоль, былъ беззащитенъ. Народная фантазія кіевлянъ въ такой степени освоилась съ представленіемъ о врагѣ на Дорожичѣ, что сложился мифъ о двѣнадцатиглавои змѣи, гнѣздившейся въ пещерахъ Кирилловской горы и оттуда пожиравшей кіевлянъ. Ихъ избавителемъ явился нѣкій Кирило Кожемяка, разорвавшій при вѣсти о змѣи двѣнадцать воловьихъ шкуръ, которыя онъ мѣлъ въ своихъ богатырскихъ рукахъ. На этой же мѣстности рѣшилась судьба и честолюбиваго Ольговича Черниговскаго, Всеволода II, пришедшаго добывать себѣ великокняжескій престолъ. Напавъ на кіевлянъ на Дорожичѣ, онъ зажегъ Копыревъ конецъ и овладѣлъ Кіевомъ и престоломъ 5-го марта 1140 г. Надъ мѣстомъ своей побѣды, на роковомъ холмѣ, онъ поставилъ памятникъ этой побѣды — Кирилловскій монастырь, съ большою церковью, съ главнымъ престоломъ въ честь св. Кирилла Александрійскаго. По обычаю того времени, монастырь сдѣлался «отнимъ» въ родѣ Ольговичей. При немъ возникъ «княжій дворъ», въ которомъ охотно жилаи Ольговичи; здѣсь же скончался сынъ Всеволода II, Святославъ III, и былъ положенъ «въ отнемъ ему монастырь». Его мать, Марія Мстиславовна, княгиня Всеволожа, также «положена бысть въ Кіевѣ у св. Кюрила, юже бѣ сама создала» (1179 г.). Итакъ, будучи «отнею» въ родѣ Ольговичей, Кирилловская церковь стала ихъ усыпальницею. Въ паперти церкви видно всего четы-

ре мѣста, гдѣ стояли княжескія гробницы: два въ южной стѣнѣ и два въ западной. Самъ храмоздатель, Всеволодъ II, однако, не былъ погребенъ здѣсь: его похоронили въ Вышгородѣ; въ Кирилловской же церкви, кромѣ Маріи Мстиславовны, могли быть погребены сынъ Святослава III Всеволодъ и его супруга Марія Казиміровна.

Бѣдственный 1240 годъ, естественно, легъ тяжелымъ бременемъ и на Кирилловскую обитель; но, благодаря ея удаленности отъ Кіевского кремля, она повидимому пострадала менѣе другихъ храмовъ. Порча Кирилловской церкви произошла главнымъ образомъ отъ расхищенія свинцовыхъ крышъ, которыми были покрыты, по общему обычаю, ея своды; дождь и снѣгъ сдѣлали свое дѣло и вотъ, какъ видно изъ разрѣзовъ церкви, главное разрушеніе представляютъ верхнія части храма. Послѣ 1240 г. всякія свѣдѣнія о Кирилловской церкви прекращаются вплоть до XVI вѣка. При видѣ нашихъ древнихъ храмовъ миѣ всегда приходятъ на память житія мучениковъ: какъ житія пострадавшихъ подвижниковъ начинаютъ быть краснорѣчивыми только съ той минуты, какъ подвижникъ принялъ мученическій вѣнецъ, такъ и исторія нашихъ древнихъ храмовъ становится нѣсколько болѣе подробною лишь съ той минуты, какъ она превращается въ ихъ мартирологію.

Первое позднѣйшее свѣдѣніе о Кирилловской церкви относится къ 1555 году, когда король Сигизмундъ II предоставилъ нѣкому Богдану Ивановичу Шавулѣ «тую церковь на себѣ до живота своего держати... якъ и предки его тую церковь на себѣ держали». О монастырѣ ни слова. Полнымъ своимъ возстановленіемъ церковь и монастырь обязаны были знаменитому ревнителю православія и русской народности, князю Константину Константиновичу Острожскому, который, получивъ этотъ храмъ во владѣніе на правахъ патроната, поручилъ возстановленіе и управленіе храмомъ и монастыремъ своему любимцу, игумну Василю Красовскому, «Чорнобрівцу» (1605 г.), для чего перевелъ его изъ г. Острога, изъ монастыря св. Креста, въ Кіевъ. Къ этому времени должна быть отнесена починка сводовъ, малыхъ куполовъ и ихъ бань, крышъ, и попытки подправить и поддержать разрушающіяся отъ сырости фрески. Въ церкви устроено было три престола, въ главной абсидѣ—въ честь Св. Троицы, въ южной (прежнемъ діаконикѣ) въ честь св. Кирилла Александрійскаго, въ сѣверной (прежнемъ жертвенникѣ)—въ честь св. Архангела Михаила. Въ 1614 г. Василій Красовскій скончался и былъ погребенъ въ Кирилловской церкви за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за нимъ идетъ цѣлый рядъ настоятелей, которые придали Кирилловской обители первенствующее значеніе въ борьбѣ за православіе и русскую народность;

въ числѣ ихъ были люди высокообразованные, какъ Иннокентій Гизель, воспитанникъ западныхъ университетовъ; люди высокой святости, какъ Димитрій Саввичъ Туптало, святитель Ростовскій; наконецъ отличные хозяева, какъ Иннокентій Монастырскій. Такъ шло дѣло до XVIII в. Въ 1787 году Кирилловскій монастырь былъ упраздненъ, и мѣсто съ церковью было отдано инвалидному дому; затѣмъ тутъ были устроены существующія и нынѣ богоугодныя заведенія. Религіозное значеніе отошло на второй планъ; въ колокольні, въ бывшей теплой церкви, была устроена аптека; вѣроятно, въ то же время подверглись закрытію и фрески, смущавшія новыхъ хозяевъ своимъ пятнистымъ видомъ. Церковь была забыта до 1860 года, когда случайно, при начатомъ было перетираніи штукатурки, обнаружена была древняя стѣнопись; перетираніе было остановлено, но для открытія фресокъ не было сдѣлано ничего. 1874 годъ, годъ третьяго Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, также прошелъ безслѣдно для созданія Ольговичей; даже болѣе: кажется, съ этого времени устанавливается неблагоприятное мнѣніе о Кирилловскихъ фрескахъ, такъ какъ при открытіи нѣкоторой части ихъ для съѣзда случайно попали на худшую ихъ часть.

Ознакомившись съ памятниками лѣтомъ 1880 года, я старался прежде всего убѣдиться въ тождественности сооруженія, извѣстнаго намъ изъ лѣтописи, съ сохранившимся на Кирилловской горѣ. Въ этомъ случаѣ играло важнѣйшую роль изслѣдованіе его кладки, которая показала, что церковь построена совершенно такъ, какъ строились всѣ зданія XI и XII вѣковъ, а именно, стѣны кладены изъ тонкихъ кирпичей, на толстомъ свѣтлорозовомъ цементѣ, съ прокладкою на разныхъ высотахъ горизонтальныхъ поясовъ изъ булыжниковъ (кладка Золотыхъ воротъ, напримѣръ). Итакъ, существующее зданіе дѣйствительно XI или XII вѣка. Слѣдовъ отъ какой-либо другой церкви на этомъ холмѣ не уцѣлѣло, а съ другой стороны, въ живомъ и лѣтописномъ преданіи церковь Кирилловская является именно тою, которая была сооружена Всеволодомъ II между 1140 и 1146 г.

Наши работы по открытію фресокъ начались въ Кіевѣ составленіемъ точнаго протокола о состояніи стѣнъ, съ присоединеніемъ къ нему пояснительныхъ чертежей.

Задача, которую я поставилъ себѣ съ самаго начала, была троякая. Впервыхъ, мнѣ представлялось необходимымъ всесторонне изслѣдовать архитектурную сторону, опредѣлить части древнія и новѣйшія; вовторыхъ, открыть и скопировать какъ фрески XII вѣка, такъ и всѣ позднѣйшія наслоенія живописи, еслибъ онѣ оказались. При этомъ мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать

копіи, такъ сказать, монументальныя, то есть, по возможности въ величину подлинниковъ, на прочномъ матеріалѣ и съвоспроизведеніемъ всѣхъ порчъ, такъ чтобъ эти копіи могли служить нагляднымъ протоколомъ о состояніи памятника въ минуту его открытія. Наконецъ, третья задача была эпиграфическая: собрать всѣ надписи, какъ начертанныя кистью въ объясненіе изображеній, такъ и всѣ случайныя рѣченія, нацарапанныя во многихъ мѣстахъ церкви, такъ какъ, собранныя въ порядкѣ хронологическомъ—а многія изъ нихъ съ годами—онѣ могли бы дать небезынтересный матеріалъ какъ для исторіи памятника, такъ и для исторіи языка.

Результатъ архитектурнаго изслѣдованія памятника выразился въ чертежахъ, представляющихъ три плана: 1) по землѣ, 2) на высотѣ хоръ, 3) на высотѣ чердаковъ, и три разрѣза: 1) продольный по среднему кораблю, 2) продольный по кораблю Кирилловскаго придѣла и 3) поперечный по главному поперечному кораблю, съ видомъ на хоры и западный входъ въ храмъ. На чертежахъ всюду древняя кладка отдѣлена (болѣе темнымъ цвѣтомъ) отъ новѣйшей; отмѣчены также нѣкоторые архитектурныя находки, а именно: въ южной стѣнѣ паперти (эсонартика) двѣ ниши съ арками (arcosolia), подобныя тѣмъ, которыя всегда оставались открытыми въ западной стѣнѣ паперти. На сводахъ всѣхъ четырехъ нишъ, справа и слева въ каждой, изображено по ангелу съ державой и скипетромъ. Это какъ бы ангелы-хранители, склонившіеся надъ могилами погребенныхъ князей, такъ какъ въ нижнихъ частяхъ этихъ аркасолевъ были вдвинуты мраморные гробы Ольговичей. Ихъ судьба была печальная: въ эпоху всеобщаго безправія, за властью польскихъ пановъ на Украинѣ, эти священные останки русской старины были выломаны однимъ кіевскимъ шляхтичемъ и перевезены въ его баню. Интересною архитектурною подробностію является, да-лѣе, ходъ внутри южной стѣны южнаго (нынѣ Кирилловскаго) алтаря. Черезъ низкую дверь вы попадаете въ узкій корридорчикъ, заканчивающійся отвѣсною стѣною, вверху которой (на высотѣ болѣе 4 аршинъ) идутъ каменные ступеньки; на нихъ, очевидно, попадали при помощи приставной деревянной лѣстницы; по каменнымъ ступенькамъ вы добираетесь до окна (которое мы застали заложенымъ); это окно, болѣе роста человѣческаго, выводитъ васъ внутрь южнаго алтаря на высотѣ $8\frac{1}{8}$ аршинъ надъ поломъ; на правой сторонѣ его амбразуры уцѣлѣли слѣды древней фрески, и верхъ увѣнчанъ шифернымъ карнизомъ: обстоятельство, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что это окно современно зданію. Назначеніе этого хода загадочно. Есть мнѣніе, по которому такіе ходы въ монастырскихъ стѣнахъ служили

для новопосвященныхъ іеромонаховъ для проведенія первыхъ семи дней безвыходно въ церкви; ставъ въ верхнемъ окнѣ, новопосвященный могъ слушать литургію.

Сверхъ того, мы нашли еще восемь оконъ, заложенныхъ впоследствии. Изъ нихъ шесть приходится на главный поперечный корабль, а именно, на южной и сѣверной стѣнахъ главнаго поперечнаго корабля было подъ теперь существующими тремя окнами еще по три меньшихъ окна: подробности, интересныя для возстановленія храма въ первоначальномъ его видѣ. При изслѣдованіи фундаментовъ, въ четырехъ мѣстахъ (въ двухъ по Кирилловскому кораблю и двухъ по главному продольному) выяснилась вся система этой несокрушимой постройки. Въ южномъ концѣ паперти мы наткнулись при этомъ на интересную гробницу XVI—XVII вѣка, въ которую заглянули случайно, но не тронули ея, дабы не заслужить упрека въ праздномъ любопытствѣ; она нанесена нами на планъ и разрѣзъ. При изслѣдованіи подпольныхъ частей паперти мы убѣдились, что древній полъ болѣе чѣмъ на 1 аршинъ былъ ниже теперешняго.

Безъ сомнѣнія, главною нашею задачею было открытіе и копированіе фресокъ. Я не буду утомлять васъ подробностями работъ изо дня въ день, но считаю нелишнимъ обратить ваше вниманіе на тѣ приемы, которыми мы пользовались при открытіи фресокъ. Снявъ известковые покровы острымъ орудіемъ, деревянными и желѣзными (притупленными) ножами, мы выкатывали открытую фреску хлѣбнымъ мякишемъ, пока хлѣбъ бралъ известъ; затѣмъ, давъ постоять фрескѣ два-три дня, мы промывали ее слабымъ растворомъ поташа. Снимая механически послѣдній слой извести, поташъ въ то же время оживляетъ краски; но по мѣрѣ того, какъ фреска высыхаетъ, она снова покрывается хотя уже и менѣе густымъ бѣлесоватымъ налетомъ, будто тончайшею бумагой. Послѣ многихъ пробъ удалось найти средство устранить этотъ послѣдній покровъ: 5% растворъ салициловой кислоты съ небольшою примѣсью соды, нанесенный кистью нѣсколько разъ (до 10 разъ), проясняетъ фреску окончательно: краски сохраняютъ свою яркость и послѣ того, какъ стѣна высохнетъ. Чтобы предохранить эту поверхность отъ дѣйствія сырости, оставалось натереть ее составомъ изъ терпентина, воску, бѣлой смолы и небольшой части очищеннаго масла, либо покрыть смѣсью эмалеваго лака пополамъ съ терпентиномъ.

Мы начали открытіе фресковъ съ хоръ, гдѣ оказались лишь жалкіе слѣды ихъ. Несравненно болѣе уловъ ждалъ насъ въ паперти и присоединенномъ къ ней тепломъ алтарѣ. Въ паперти уцѣлѣли остатки Страшнаго Суда, а именно: 1) прямо противъ входа, вверху 12 судей—апостоловъ, ниже ихъ, налѣво толпы подходящихъ праведниковъ, направо колѣнопреклоненныя фигуры, ангелы, и въ самомъ

низу—врата адавы. Налѣво отъ этого средняго изображенія, на выступающемъ плоскомъ столпѣ, группа праведниковъ въ одеждахъ XII вѣка, ведомыхъ кѣмъ-то въ идеальной одеждѣ (св. Петромъ?); на соответствующемъ правомъ столпѣ ангель, свивающій хартію; подпись поясняетъ:

АНГЕЛЪ ЗАВИВАЕТЪ НБО

Надъ сѣверо-западнымъ аркосоліемъ уцѣлѣло лоно Авраамово. Сюжеты этихъ фресокъ вполне выясняются чрезъ сравненіе съ фресками Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и Нередицкаго-Спаса въ Новгородѣ. Сверхъ того, въ аркосоліяхъ болѣе или менѣе сохранились слѣды ангеловъ, со скиптрами и державами, и въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ тѣ или другія изображенія.

Надъ главнымъ западнымъ входомъ, насупротивъ изображенія самаго суда, остались слабые слѣды фрески, представляющей цѣлый рядъ троновъ, на которые поставлены раскрытыя книги, вѣроятно на тему:

ЕГДА ПРЕСТОЛИ ПОСТАВЯТСЯ И КНИГИ ОТКРЫЮТСЯ И БОГЪ НА СЕДѢ СЯДЕТЪ Ѡ КѢИ СТРАХЪ АГГЕЛОМЪ ПРЕДСТОЯЩИМЪ.

Въ тепломъ алтарѣ лучшимъ кускомъ является изображеніе молодаго мученика въ княжой одеждѣ, сохранившееся до персей, два поясныхъ изображенія пророковъ и слѣды медальоновъ на потолкѣ съ ангелами. Въ главномъ продольномъ кораблѣ, среди множества другихъ остатковъ, обращаютъ на себя вниманіе изображенія четырехъ столпниковъ между окнами въ южной и сѣверной стѣнѣ. Яснѣе другихъ лѣвое, на южной стѣнѣ: на византійской колоннѣ изъ краснаго камня, съ зеленою базой и зеленою капителью, съ голубымъ плинтусомъ внизу и голубою абакою вверхъ, помѣщена рѣшетчатая изгородь, изъ-за которой отъ пояса виднѣется фигура святаго мужа. Ниже оконъ, на южной стѣнѣ, слѣды Рождества Христова, на сѣверной—Успенія Божіей Матери.

На фрескѣ Рождества Христова уцѣлѣла надпись:

РОЖ... ВО.

Сверху четыре ангела, видные по поясъ изъ-за земнаго шара, простираютъ длани къ яслямъ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; надъ яслями звѣзда, ниже подлѣ яслей покоится Богоматерь, надъ яслями склонились пять ангеловъ; налѣво отъ яслей св. жена держитъ на рукахъ Младенца, лѣвѣе—полуопрокинутая чаша, изъ которой льется вода. Еще лѣвѣе, изъ-за скалы, въ которой помѣщено Рождество Христово, виднѣются два всадника, одинъ на бѣломъ, другой на темномъ конѣ,—конечно, двое изъ восточныхъ волхвовъ. Въ центрѣ фрески, подъ покоящеюся на одрѣ Богоматерью, омовеніе младенца въ купели. Правѣе—св. жена съ Младенцемъ на рукахъ. Еще правѣе—отрывокъ поклоненія волхвовъ. Налѣво отъ омовенія изображеніе недостаточно ясно.

На фрескѣ противоположной, сѣверной стѣны уцѣлѣла надпись:
ОУСПЕНИЕ.

Вверху полукружіе, съ спускающимися двумя полосами въ видѣ ручниковъ. Въ синихъ небесахъ раскинуты симметрично группы ангеловъ, несущихъ на облакахъ апостоловъ. Внизу, въ центрѣ они наклонились надъ чѣмъ-то, къ чему справа и слѣва подходятъ брадатые мужи. Здѣсь выбоина, но первоначально, конечно, изображенъ былъ гробъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ пара св. фигуръ направо отъ верхняго окна, въ сѣверной стѣнѣ жертвенника. Лѣвый сохранился цѣликомъ, правый отъ пояса внизъ. У лѣваго приписано имя: св. Констан- (а) **Н** тинъ (первое **Н** въ надписи пропущено, согласно новогреческому **К Т** произношенію), въ святительскомъ облаченіи, съ евангеліемъ и **О И** благословляющимъ жестомъ; плѣшивъ, съ высокимъ челомъ и **С Н** небольшою бородою. Изъ всѣхъ Константиновъ чтимыхъ цер- **Т Ъ** ковю, это можетъ быть лишь одинъ, именно тотъ, который умирая принялъ схиму и имя Кирилла. Если это такъ, то въ этой парѣ святыхъ мы имѣемъ драгоценное изображеніе XII в. двухъ славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія. Эта догадка подкрѣпляется святыми лицами, расположенными по сосѣдству: изъ тѣхъ, у которыхъ уцѣлѣли имена, почти всѣ Македоняне или прямо Θεσσαλονικійцы. Противъ нихъ изображенъ свя- тель съ длинною бородою и чертами лица не греческими; подпись гласитъ:

(а) Св. Климентъ Болгарскій былъ ученикомъ Кирилла и Меѳодія.

КЛІ ТЪ Правѣе и ниже стоятъ: (а) Далѣе (а) **СЕ**
М ... **И МА** **ІО ЛОВ**
(св. Іоаннъ **О КЕ** **СИ НЪ** (св. Іосифъ
Македонскій) **А ДО** **ӨЪ СК** Селунскій)
Н НЪ **И**
Ъ С
К
И

Ниже, на южной стѣнѣ жертвенника, читается имя (а) (св. Наумъ);
сверхъ того, уцѣлѣли еще два имени:

(а) **М** и (а) **Р** **А**
ЕV **Е** **К** **И** **OV**
Н **И** **А** **М**
Ъ **К** **Ъ**
(св. Евменъ) **Ъ** (св. Кириакъ),
наконецъ діаконъ св. Аѳаала.

(а) **Ө**
А
И **А**
А

Интересная находка ждала насъ на столпахъ царской арки, закрытыхъ высокимъ иконостасомъ. По снятіи иконостаса и по очисткѣ, эти столпы оказались сверху и до низу покрытыми фресками въ три яруса. На сѣверномъ изъ нихъ, въ самомъ верху, остался очеркъ (гвоздемъ по сырой штукатуркѣ) благовѣствующаго ангела; ниже изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, за нею слѣва пр. Іосифъ съ парюю голубковъ. Ниже св. апостолъ Петръ съ жезломъ въ лѣвой рукѣ: (— «паси овцы моя»); подлѣ него приписано его имя:

ПЕ
Т
Р
Ъ

На соотвѣтствующихъ мѣстахъ южнаго столпа изображены св. Богопріимецъ Симеонъ и св. Пророчица Анна. Вмѣстѣ съ предыдущимъ изображеніемъ на сѣверномъ столпѣ, эта картина составляетъ одно цѣлое: Принесеніе во храмъ. Ниже Богопріимца Симеона—св. апостолъ Павелъ съ книгою; подлѣ также приписано его имя: Δ На самомъ верху южнаго столпа должна была находиться

П
Δ
....
Ъ

Богоматерь, внимающая словамъ архангела Гавріила; но фреска слиняла совершенно и только въ самомъ низу остался слѣдъ узоровъ ковра. Въ средней же церкви сѣверный придѣлъ (Михайловскій) украшенъ сверху до низу рядами отдѣльныхъ лицевыхъ изображеній—то вовесь ростъ, то погрудными, въ медальонахъ и квадратныхъ рамахъ. Многія изъ нихъ поражаютъ своимъ величіемъ; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли надписи. На столпахъ арки, вводящей въ этотъ придѣлъ, изображены другъ противъ друга солнце и мѣсяцъ, въ видѣ краснаго и зеленаго шара. Главный алтарь былъ украшенъ подобно алтарямъ большинства древнихъ церквей, а именно: въ раковинѣ алтарной ниши изображена была молящаяся Богоматерь, того же типа, что въ Софійскихъ мозаикахъ. Ниже ея—св. таинство Евхаристіи, или причащеніе подъ двумя видами; еще ниже—святители. Выше Богоматери, на сводѣ алтарной арки, долженъ былъ быть изображенъ Іисусъ Христосъ, простирающій длани; но арка эта новая. Внутренній смыслъ этого подбора священныхъ изображеній могъ быть таковъ: въ самомъ верху—Іисусъ Христосъ, то-есть, Премудрость Божія; ниже—Богоматерь, то-есть, «Заступница усердная» молящаяся за міръ; ниже

ея—Евхаристія, то-есть, таинство, связующее вѣрующихъ съ Спасителемъ; еще ниже—отцы церкви, первые толкователи догматовъ, первые учителя міра. Обыкновенно среди нихъ помѣщаются еще два перво-мученика, св. Стефанъ и св. Лаврентій, какъ первые, запечатлѣвшіе своею кровію преданность Спасителю міра. Идя снизу въ верхъ, алтарная стѣна представляла живое изображеніе Вѣры, Надежды, Любви и Премудрости. Уцѣлѣло три фигуры святыхъ воиновъ безъ надписей, свв. Константинъ и Елена (Константинъ—брадатый) держащіеся за крестъ, помѣщенный между ними, и изображеніе монаха. Всего женскихъ фигуръ уцѣлѣло (кромѣ Богоматери) двѣ: св. Елена и еще другая на переходѣ изъ внутренней паперти въ среднюю церковь съ неполною надписью, по видимому

а	Х
Г	Р
И	И
а	
	Т
	И
	Н
	а

Монашескихъ фигуръ уцѣлѣло лишь три: уже помянутая и затѣмъ два инока, изображенные направо и налево въ главномъ проходѣ изъ паперти въ средній продольный корабль; изъ нихъ правый цѣликомъ, съ хартіей, съ надписью не вполне четкою; лѣвый сохранился лишь въ верхнихъ своихъ частяхъ.

Изъ надписей въ главномъ алтарѣ уцѣлѣла лишь одна.

а	
З	
а	Х
	а
	Р
	І
	а

изображенный съ типичными атрибутами первосвященника на южномъ столпѣ царской (тріумфальной) арки въ самомъ верху.

Главною находкою слѣдуетъ считать, конечно, двѣнадцать бытовыхъ картинъ, представляющихъ событія изъ житія св. Кирилла Александрійскаго.

Св. Кириллъ принялъ управленіе церковью александрійскою 39 лѣтъ по смерти Афанасія Александрійскаго. Окончивъ свое образованіе въ свѣтскихъ наукахъ, онъ избралъ пустынную жизнь въ горѣ Нитрійской, въ скиту св. Макарія, и здѣсь преданъ изученію св. Писанія. По смерти

его дяди Θεοφιλα, архіеп. Александрійскаго, онъ былъ избранъ на его мѣсто (412 г.).

Свою пастьрскую дѣятельность онъ началъ закрытіемъ церквей новатіанскихъ. Затѣмъ принялся бороться противъ державшагося еще язычества, для чего въ селеніе Мануѣисъ, гдѣ было прорицалище Изиды, перенесъ св. мощи, затмившія своими чудесами славу языческаго храма. Въ Александріи онъ велъ дѣятельную борьбу противъ языческаго кружка Ипатіи и евреевъ. Возмущенный дерзкими поступками послѣднихъ, онъ поднялъ народъ, отнялъ у евреевъ ихъ синагоги и ихъ самихъ изгналъ массами изъ города, не смотря на противодѣйствіе префекта Ореста. О своихъ распоряженіяхъ онъ донесъ императору Θεодосію. Съ этихъ поръ началась вражда между архіепископомъ и префектомъ; печальнымъ ея результатомъ было умерщвленіе Ипатіи, будто бы отклонявшей префекта отъ примиренія съ архіепископомъ. Справляясь съ мѣстными врагами св. вѣры, св. Кириллъ пишетъ цѣлый рядъ поученій и сочиненій о правой вѣрѣ. Но ему предстояла несравненно болѣе тяжкая борьба съ еретиками въ лицѣ архіепископа Константинопольскаго Несторія. Этотъ новый подвигъ начался для святителя около 429 г. Несторій сталъ распространять, что Пресвятую Дѣву Марію должно называть не Богородицею, а Христородицею. Св. Кириллъ, отличавшійся умомъ дипломата, началъ борьбу противъ новаго ересіарха, всячески щадя его самолюбіе и давая ему возможность самому отказаться отъ своего лжеученія. Но Несторій принялся интриговать въ Константинополѣ, подбивая проживавшихъ тамъ враговъ св. Кирилла Александрійскаго подать императору жалобу. Борьба обострилась и одинъ изъ послѣдователей Несторія, въ проповѣди при огромномъ стеченіи народа, произнесъ: «Кто назоветъ Марію Богородицею, да будетъ анаѣема». Началось великое смятеніе въ церкви. Тогда св. Кириллъ посылаетъ императору Θεодосію, императрицѣ и тремъ сестрамъ императора, свв. Пульхеріи, Аркадіи и Маринѣ, три книги о вѣрѣ, въ которыхъ опровергаетъ ученіе Несторія. Враги св. Кирилла впоследствии старались внушить императору, что три поученія были написаны святителемъ съ тою цѣлію, дабы посѣять раздоръ въ императорскомъ семействѣ. Новыя козни Несторія принуждаютъ св. Кирилла приняться за дѣятельную борьбу съ нимъ. Онъ посылаетъ письмо къ римскому папѣ св. Целестину и свои сочиненія противъ Несторія. Около того же времени папа получилъ письмо и отъ Несторія, желавшаго склонить его на свою сторону. По этому случаю въ Римѣ составленъ былъ соборъ, осудившій сочиненія Несторія и давшій ему 10 дней для принесенія раскаянія. Получивъ отвѣтъ папы, св. Кириллъ отправляетъ его епископу Антиохійскому и Іерусалимскому, желая слѣдовательно напередъ заручиться содѣйствіемъ также и восточныхъ епископовъ; но

мало того, прежде чѣмъ переслать письма и ультиматумъ римскаго собора Несторію, св. Кириллъ созываетъ соборъ египетскихъ епископовъ въ Александрію и отъ имени собора отправляетъ Несторію увѣщаніе и 12 пунктовъ, въ которыхъ произносилось осужденіе на главныя заблужденія Несторія. Борьба стала вселенскою, и нѣкоторые изъ православныхъ иноковъ просили императора Θεодосія созвать вселенскій соборъ для окончанія споровъ. О томъ же просилъ и Несторій. Императоръ, изъявивъ свое согласіе на созваніе вселенскаго собора, отправилъ св. Кириллу два письма, одно было наполнено упреками за то, будто святитель старался посѣять вражду въ царскомъ семействѣ, другое заключало приглашеніе на соборъ въ Ефесъ.

Вскорѣ послѣ пасхи 431 г., св. Кириллъ отправился на соборъ въ сопровожденіи 50 египетскихъ епископовъ. На соборъ не явился ни Несторій, ни его другъ епископъ антиохійскій Іоаннъ. Св. Кириллъ рѣшился открыть засѣданія безъ нихъ. Онѣ происходили въ церкви Пресвятыя Богородицы. Несторій и комитъ Кандидіанъ, наблюдавшій за порядкомъ на соборѣ, послали императору донесенія, которыя раздражили его не только противъ св. Кирилла, но и всего собора. Іоаннъ Антиохійскій, по наущенію Кандидіана, составилъ отдѣльный соборъ и низложилъ св. Кирилла, точно также какъ св. Кириллъ низложилъ Несторія. Начались препирательства между двумя собраніями епископовъ. При разнорѣчивыхъ донесеніяхъ, императоръ Θεодосій приказалъ взять подъ стражу Несторія, св. Кирилла и епископа ефесскаго Мемнона. Сторонники св. Кирилла въ Константинополѣ взяли наконецъ верхъ, благодаря особенно тому, что за святителя вступился предъ императоромъ св. Далматъ. Θεодосій приказалъ явиться депутатамъ, по 8-ми человекъ отъ каждой стороны, въ Халкидонъ; здѣсь разобралъ дѣло и возстановилъ Кирилла и Мемнона. На мѣсто Несторія былъ избранъ св. Максиміанъ. Св. Кириллъ благополучно вернулся въ Александрію, но борьба этимъ не кончилась. Св. Кириллу стоило еще большихъ усилій склонить на свою сторону Іоанна антиохійскаго и другихъ епископовъ. Въ 436 г. императоръ Θεодосій указомъ запретилъ чтеніе сочиненій Несторія и повелѣлъ ихъ жечь. Тогда несторіанцы начали распространять тѣ мѣста изъ сочиненій старѣйшихъ отцовъ церкви, въ которыхъ они находили подтвержденіе своему ученію. Св. Кириллъ неутомимо боролся въ своихъ сочиненіяхъ противъ всѣхъ этихъ ухищреній, и счелъ необходимымъ написать опроверженіе на книги Юліана богоотступника. Эти возраженія помирили съ нимъ самыхъ упорныхъ изъ его противниковъ.

При св. Кириллѣ былъ установленъ праздникъ въ память св. Іоанна Златоустаго.

Св. Кириллъ скончался въ 444 г., на 32 году своего епископства.

Вотъ житіе этого святителя и изобразилъ русскій художникъ на стѣнѣ южной абсиды теперешняго Кирилловскаго придѣла. При этомъ дѣло не обошлось безъ сокращеній и вторженія русской жизни. Девять картинъ лучше сохранившихся, кромѣ ихъ художественнаго и бытового интереса, драгоценны еще надписями, поясняющими сюжеты. Въ видѣ заголовка ко всѣмъ картинамъ вы встрѣчаете здѣсь идеальное изображеніе съ надписью: **СѢА ВѢА БАГОСЛОВЛАСТЬ КЮРИЛА И АДАНА**

СІА
МР ДОВ

Между дѣятельностью св. Аѳанасія и св. Кирилла 39 лѣтъ промежутка, но они оба трудились надъ установленіемъ догмата о Пресвятой Дѣвѣ; и вотъ Она благословляетъ ихъ на общій подвигъ. Картина съ надписью **СѢА ВѢА БАГОСЛОВЛАСТЬ КЮРИЛА И АДАНА** (Св. Кириллъ исцѣляетъ бѣсноватыхъ) переноситъ насъ въ первые годы его дѣятельности, еще въ предѣлахъ Египта, гдѣ онъ изгонялъ «*daemones*» (*Acta sanctorum*), то-есть, древнихъ египетскихъ боговъ (напримѣръ, Изиду изъ Мануеиса); здѣсь это выражено фигурно въ видѣ исцѣленія одержимыхъ. Сцена въ гористой мѣстности. На фонѣ красной горы справа двое бѣсноватыхъ, полунагіе, съ закрученными назадъ руками, кидаются на святителя, который умиротворяетъ ихъ благословленіемъ. Слева башня, въ глубинѣ стѣны. Картина съ надписью: «св. Кириллъ учитъ люди», **СѢА ВѢА БАГОСЛОВЛАСТЬ КЮРИЛА И АДАНА** — переноситъ насъ на его пастырскую каеедру: налѣво св. Кириллъ на пастырской каеедрѣ, съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; правая поднята въ знакъ рѣчи. Передъ нимъ справа толпа людей, передній въ красномъ длиннополомъ кафтанѣ стоитъ «спустя рукава». На фонѣ стѣны со входомъ, съ задвижкой, и два оконца. Выше, налѣво бесѣдка въ видѣ киворія съ куполомъ, направо крыша зданія. Другая съ надписью: «св. Кириллъ пишетъ заповѣдь Божию»: **КЮРИЛА ПИШЕ**

ТЬ ЗАПОВѢ
ДЬ БЖІЮ

представляетъ намъ святителя въ его жилищѣ, въ присутствіи его учениковъ, стоящихъ также «спустя рукава», то-есть, въ полномъ покоѣ. Картина интересна своими подробностями: она переноситъ зрителя въ ученый кабинетъ того времени. Св. Кириллъ сидитъ на мягкомъ креслѣ и пишетъ перомъ, держа книгу лѣвою рукою; ноги его покоятся на мягкомъ креслѣ. Передъ нимъ низкій письменный столъ съ шкафомъ, который наполовину открытъ и внутри его виднѣются двѣ бутылочки

изъ бѣлой немуравленной глины, съ узкими длинными горлами и понынѣ употребительныя въ Египтѣ для очищенія и охлажденія Нильской воды. На столѣ длинная чернилица восточнаго типа, съ перьями въ ней. На подставкѣ, въ видѣ витаго столбика и рыбы, пюпитръ или аналогій и на немъ раскрытая книга въ богатомъ окладѣ. На фонѣ вырисовывается бесѣдка и башня. Но вотъ другая, прекрасно сохранившаяся фреска: «св. Кириллъ учитъ царя»: **сѣѣи кѣрилл**

оучитъ црѣ (см. Таб. IV).

уже приближаетъ насъ къ главному подвигу всей жизни св. Кирилла. Лично, сколько извѣстно изъ его житія, св. Кириллъ не училъ царя; не видно даже, чтобъ онъ бывалъ въ Константинополѣ; но онъ писалъ три книги о вѣрѣ, изъ которыхъ одну послалъ императору, другую его супругѣ, третью его сестрамъ. Это, слѣдовательно, то самое поученіе, за которое императоръ упрекалъ святителя, видя въ посланіи трехъ различныхъ поученій желаніе посѣять раздоръ въ его семействѣ. Интересенъ костюмъ царя,—это полный нарядъ Русскаго князя XII вѣка: вѣнецъ съ тремя образками, бармы, въ видѣ воротника съ нагрудникомъ, узинанные самоцвѣтными камнями, темнокрасный короткій кафтанъ съ широкими рукавами, въ которыхъ виднѣется разшитая сорочка, зеленые шаровары и высокіе до колѣна мягкіе красные сапоги съ бусами, плотно охватывающіе ноги. Слѣдующія три картины представляютъ уже три послѣдовательные акта св. Кирилла въ борьбѣ съ Несторіемъ. На одной изъ нихъ надпись гласитъ: «св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру»,—**сѣѣи кѣрилл проповѣ** По срединѣ святитель въ своей бѣлой

дѣѣтъ пра
кѣю кѣ
рѣу

сѣтчатою скуфейкѣ, по бокамъ четыре епископа съ ореолами. Вѣроятно, это соборъ Александрійскій. На немъ, конечно, было гораздо болѣе участниковъ, но четверо изъ нихъ отправились апокрисиаріями въ Константинополь и способствовали побѣдѣ св. Кирилла. Засѣданіе происходитъ на полукруглой скамѣ, слѣдовательно, скорѣе всего—на алтарномъ сопрестоліи. Надпись на другой: «св. Кириллъ учитъ въ соборѣ»:

сѣѣи кѣрилл оучитъ кѣ скорѣ (см. Таб. V).

заставляетъ видѣть въ ней изображеніе не чего инаго, какъ третьяго вселенскаго собора, въ Ефесѣ; но на соборѣ въ Ефесѣ императоръ не присутствовалъ, а на картинѣ онъ возсѣдаетъ по срединѣ въ вѣнцѣ,

бармахъ, пурпуровой далматикѣ, со свиткомъ въ рукахъ; если же это изображеніе собранія въ Халкидонѣ, то тамъ не было св. Кирилла, находившагося въ заключеніи. Очевидно, мы сталкиваемся съ русскимъ сокращеніемъ: художнику XII вѣка важно было изобразить вообще соборъ, на которомъ Кириллъ одолѣлъ ересь при помощи императора. Не потому ли у императора ореолъ? Третья картина вполне ясна: «св. Кириллъ проклиная еретиковъ»... **ЛИНА БТЪ І-ЕРЕТН**... то-есть несторіанцевъ, стоящихъ въ характерной позѣ глубокой задумчивости, — взявшись за бороды. Наконецъ, на большой фрескѣ, находящейся въ самомъ низу алтарной стѣны, изображено погребеніе св. Кирилла. Отъ надписи уцѣлѣло: **...ПОГРЕБ. НІЄ**... Двое молодыхъ людей полагаютъ тѣло святителя въ мраморную розовую раку съ крестомъ; налѣво опечаленные ученики, направо — кадящій священникъ. На фонѣ — налѣво верхъ зданія, посрединѣ киворій, за всѣмъ высокая стѣна. Но этими отлично сохранившимися картинами не ограничивалось изображеніе житія св. Кирилла. Уцѣлѣло еще нѣсколько отрывковъ: на одномъ св. Кириллъ съ благословляющимъ жестомъ подходитъ къ полуотверженнымъ вратамъ съ крестомъ, можетъ быть, храма; на другомъ онъ предстоить предъ царскими вратами алтарной преграды; на третьемъ онъ изображенъ среди моря, на кораблѣ съ парусомъ, а на берегу курульный стулъ и на немъ нѣкто въ пурпурной одеждѣ. На четвертомъ отрывкѣ отъ центральной группы не уцѣлѣло ничего, лишь въ углахъ видны головы и части зданій.

Кромѣ этихъ драгоценныхъ картинъ, отличающихся яркостью красокъ и тонкимъ исполненіемъ, въ томъ же Кирилловскомъ придѣлѣ оказалось нѣсколько превосходныхъ отдѣльныхъ фигуръ святыхъ, нѣкоторые съ надписями, какъ св. Іоаннъ, св. Прохоръ, св. Евлогій Александрійскій,

А	ПРОХО
Г	Р
Н	Ъ
О	Ⓐ
С	ІШ
Ⓐ	А
Є	ЛЕ
ВЛО	ЗА
ГН	НДРЬ
Н	СКИ
	Н

Масса прекрасныхъ узоровъ дополняетъ картину: нѣтъ уголка въ храмѣ, гдѣ не уцѣлѣло бы слѣдовъ узоровъ; собранные вмѣстѣ, они

сразу даютъ вамъ почти полную картину орнаментики, употреблявшейся въ Россіи въ XI и XII вв.

Но этимъ не ограничились наши работы надъ стѣнописью. Кромѣ фресокъ XII вѣка, тамъ и сямъ оказались фрески XVI—XVII столѣтій; такъ, въ полукуполѣ главнаго алтаря исполинское изображеніе молящейся Богоматери есть фреска XVI—XVII в., писанная по слабымъ слѣдамъ древнѣйшей, XII в. Живопись эпохи возстановленія храма сохранилась также и въ полукуполѣ Кирилловскаго придѣла, и въ паперти. Но самымъ важнымъ ея кускомъ является портретъ игумна Василія Красовскаго, на столпѣ въ теперешнемъ тепломъ алтарѣ. Подъ нимъ виднѣется фреска XII в.; но чья же рука подымется на драгоценный образецъ живописи этихъ, хотя и позднѣйшихъ вѣковъ, и кто посягнетъ на достопочтенныя черты чело-вѣка, которому дорогой для насъ памятникъ обязанъ своимъ спасеніемъ! Каково значеніе этихъ фресокъ? Во первыхъ, для Кіева, онѣ являются совершенно новою и краснорѣчивою страницей въ исторіи его искусства, такъ какъ до открытія Кирилловскихъ фресокъ единственнымъ представителемъ кіевского XII вѣка были немногія мозаики, уцѣлѣвшія въ алтарѣ Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря, упомянутыя выше. Далѣе, если сравнить Кирилловскія фрески съ прочими извѣстными памятниками XII вѣка, какъ фрески Георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ, въ Нередицкомъ Спасѣ въ Новгородѣ, въ Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ,—то, кромѣ рѣшительнаго превосходства въ художественномъ отношеніи, Кирилловскія выгодно отличаются еще тѣмъ, что только среди нихъ мы встрѣчаемся съ картинами бытовыми.

Но этимъ еще не ограничивается выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ наблюденія надъ новооткрытымъ кіевскимъ искусствомъ XII вѣка. Я говорилъ уже о томъ, что всѣ изображенія мозаичныя и фресковыя XI вѣка (напримѣръ, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ) сопровождаются греческими надписями. Всѣ фрески и мозаики (Михайловскія) XII вѣка сопровождаются надписями русскими; фрески Кирилловскія, Нередицкія, Ладожскія, Дмитріевскія,—всѣ онѣ пояснены русскими надписями. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что въ XII вѣкѣ мы имѣли уже нашу собственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы и естественно всѣ греческія пояснительныя надписи замѣнила своими русскими? Если это такъ, то мы можемъ сдѣлать еще одно интересное наблюденіе. Сравните фрески и мозаики Софійскія, греческія, XI вѣка, съ Михайловскими мозаиками и Кирилловскими фресками, русскими, XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенноти, что въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный, уступаетъ мѣсто

большей естественности, большей свободѣ. Взгляните на двѣ мозаики: Евхаристію Софійскаго алтаря и Евхаристію Михайловскаго алтаря, и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Иисусу Христу съ чашей,—вы неминуемо отдадите преимущество Михайловскому изображенію: сколько естественности въ движеніи и въ выраженіи благоговѣнія въ первой наклоненной фигурѣ, сколько благородной граціи во второй! На сколько фигуры выросли и стали стройны! (Табл. VI.)

Стиль колеблется, такъ какъ въ принесенныя Византіей формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить живыя наблюденія: то-есть, на нашихъ глазахъ начинается тотъ органическій, творческій процессъ, который помогъ, на примѣръ, итальянцамъ, воспользовавшись всѣмъ, что могла дать имъ Византія, повести дѣло искусства—исканіе красоты внѣшней и внутренней жизни человѣка—далѣе и далѣе, до феноменальнаго совершенства въ созданіяхъ XVI столѣтія! Въѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, въѣкъ XII—началомъ самостоятельной, художественной дѣятельности; да, самостоятельной, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія въ искусство.

М. г. Не радостно ли встрѣчать тѣ рѣдкіе моменты, когда мы можемъ воочию уловить прямую связь науки съ дѣйствительностію, съ ея живыми потребностями! Тѣмъ болѣе въ нашей наукѣ, которая по самой своей задачѣ призвана разрабатывать вещи устарѣлыя. Но иногда давно-былое дѣлается столь старымъ, что повторительное его появленіе смотритъ рѣшительною новизной и это старое вдругъ оказывается давно желаннымъ и лишь къ сожалѣнію забытымъ,—на него начинаютъ смотрѣть какъ на якорь и иногда какъ на соломинку спасенія. Такъ итальянцы XV—XVI вв. смотрѣли на міръ классическій, такъ сѣверные европейцы смотрѣли на тотъ же классическій міръ во второй половинѣ прошлаго вѣка. Чувствуя нѣчто неладное въ настоящемъ, человѣкъ склоненъ возвращаться къ давно забытымъ эпохамъ съ упованіемъ почерпнуть тамъ новыя, лучшія силы для жизни, какъ путникъ, заблудившійся въ лѣсу, старается вернуться къ тому перекрестку двухъ просѣкъ, откуда онъ надѣется на этотъ разъ попасть на настоящую дорогу.

Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить и то вниманіе къ древнѣйшему христіанству, господствующее въ теченіи болѣе четверти вѣка и выразившееся и теоретически, и практически, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ? И художественная археологія безсознательно, инстинктивно подчинилась этому общему влеченію къ изначальнымъ вѣкамъ нашего исповѣданія: на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ Россіи, въ Петербургѣ, Севастополѣ, Ригѣ и Кіевѣ,—куда бы ни заглянуть въ Россію, гдѣ только созидаются храмы,—всюду вы видите одно и то же: въ дѣло

чисто-религиознаго порядка входитъ археологія, такъ какъ всюду раздается одно и то же желаніе, чтобы сооружаемый домъ Божій былъ непременно древнѣйшаго типа. Конечно, это только пѣна той внутренней волны, которая неудержимо несетъ насъ къ первоисточникамъ нашей вѣры, какъ къ источникамъ нашего внутренняго обновленія и укрѣпленія.

Какъ бы то ни было, но на дѣлѣ выходить такъ, что современность при удовлетвореніи самой возвышенной потребности нуждается въ подспорьѣ археологіи.

Важнѣйшая задача, которую современность ставитъ церковной археологіи, есть возстановленіе типа древнехристіанскаго храма.

Задача эта тройкая:

во 1-хъ—требуется установить архитектурный типъ древнехристіанскаго храма;

во 2-хъ—установить древнѣйшій типъ его внутренняго убранства вообще и росписанія въ частности;

въ 3-хъ—установить древнѣйшій типъ всей совокупности его обиходныхъ вещей.

Первый вопросъ можетъ считаться достаточно выясненнымъ трудами многихъ ученыхъ, какъ Зальценбергъ, Гюбшъ, Пульгеръ и др.

Третья часть задачи—установленіе типа обиходныхъ вещей и отчасти внутренняго убранства—нашла себѣ дѣятельныхъ работниковъ въ мірѣ французскихъ ученыхъ, въ особенности двухъ Rohault-de-Fleury, отца и сына, тщательно собирающихъ и издающихъ все, что можетъ служить для возстановленія всего древняго церковнаго обихода.

Вторая часть задачи, именно вопросъ о внутреннемъ убранствѣ храма, и спеціально о росписаніи его стѣнъ, остается въ тѣни,—и вотъ, согласно нашему національному преданію, слѣдуетъ въ настоящее время сосредоточить наши силы на научной постановкѣ и рѣшеніи этой капитальной задачи.

Задача эта не новость въ Россіи, но рѣшеніе ея путемъ строго научнымъ было бы новостью, и новостью практически и теоретически полезною.

Первая постановка этой задачи относится ко временамъ Стоглава. По 43 главѣ Стоглава вмѣнялось въ обязанность митрополиту, архіепископамъ и епископамъ бреши о св. иконахъ и о живописцахъ, по священнымъ правиламъ, чтобы они съ великимъ тщаніемъ писали образа Иисуса Христа, Богородицы, пророковъ, апостоловъ, священномучениковъ, св. мученицъ и преподобныхъ женъ, святителей и преподобныхъ отцевъ, по образу и по подобію и по существу, смотря на образы древнихъ живописцевъ, и знаменовати съ добрыхъ образцевъ.

Послѣдствіемъ этого требованія было появленіе толковаго и лицеваго подлинника, въ основу котораго хотя и былъ положенъ византійскій подлинникъ, но у насъ на Руси онъ получилъ своеобразную обработку. Все его развитіе произошло въ какія нибудь 150 лѣтъ, отъ конца XVI и до начала XVIII вѣка. Все разнообразіе русскихъ толковыхъ и лицевыхъ подлинниковъ сводится, какъ извѣстно, къ пяти редакціямъ:

- 1) Редакція древнѣйшая, безъ добавленія русскихъ святыхъ и праздниковъ;
- 2) — со внесеніемъ русскихъ святыхъ и праздниковъ, но краткая, съ незначительными замѣтками о сюжетахъ, или вовсе безъ нихъ;
- 3) — подробная, съ описаніемъ каждаго сюжета и даже вариантовъ;
- 4) — сводная и вмѣстѣ критическая, съ полнымъ мѣсяцесловомъ, съ выписками изъ прологовъ и съ устраненіемъ противорѣчій;
- 5) — позднѣйшая, исправленная по минеямъ св. Дмитрія Ростовскаго.

Итакъ практическая задача, поставленная «Стоглавомъ», разрѣшилась рядомъ практическихъ руководствъ, отъ которыхъ нельзя, конечно, требовать археологической точности.

Задача, предлагаемая церковной археологіи современностію, идетъ далѣе и рѣшеніе ея можетъ быть достигнуто лишь совмѣстнымъ изученіемъ сохранившихся памятниковъ и древнихъ византійскихъ руководствъ по иконописанію и стѣнописи.

Помимо подлинника Діонисія Фурнографіота, которымъ исключительно пользовались западные ученые и который образцово переведенъ у насъ преосвященнымъ Порфіріемъ (Ерминія, или наставленіе въ живописномъ искусствѣ, составленное іеромонахомъ и живописцемъ Діонисіемъ Фурнографіотомъ, 1701—1733 г.), тому же ученому обязаны мы, русскіе, знакомствомъ еще съ другой важной рукописью, именно съ книгою о живописномъ искусствѣ священника Даніила (1674 г.).

Итакъ оба подлинника греческихъ не старше XVII вѣка.

Но если бы даже нашелся византійскій подлинникъ древній V—XII в., то и тогда онъ служилъ бы намъ лишь вождельнымъ руководствомъ, а настоящимъ источникомъ всетаки оставались бы сохранившіеся памятники, точно такъ, какъ сочиненіе Витрувія объ архитектурѣ не замѣнитъ никогда свѣдѣній, почерпаемыхъ нами изъ изученія классическихъ построекъ.

Установить и объяснить типъ церковнаго росписанія значитъ установить сумму совмѣстно повторявшихся извѣстное время сюжетовъ и способъ ихъ расположенія въ церкви и открыть мысль, руководившую ихъ подборомъ и расположеніемъ.

Понятно, что при установленіи типа путемъ изученія памятниковъ

безцѣнную услугу оказали бы церкви, художественно даже второстепенныя, но сохранившія цѣликомъ свое внутреннее росписаніе, такъ какъ мы встрѣтились бы въ нихъ съ живыми примѣрами цѣльныхъ типовъ.

Такихъ церквей немного.

1) Нередиц- Вѣ нашемъ отечествѣ можетъ быть названа лишь одна, а именно кій Спасъ въ Нередицкій-Спасъ въ Новгородѣ, росписанный въ 1192—1199 г. Всѣ его Новгородѣ. фрески, хотя и полинялыя и потертыя, всетаки на мѣстѣ и узнаваемы; онѣ классически скопированы академикомъ Мартыновымъ и его копіи составляютъ собственность Императорскаго Россійскаго Историческаго музея въ Москвѣ.

Изъ церквей внѣ Россіи заслуживаютъ особаго вниманія мало изслѣдованныя и вовсе не изданныя церкви Греціи.

Аѳинскія церкви, весьма интересныя въ архитектурномъ отношеніи, переписаны внутри и, слѣдовательно, могутъ быть полезны лишь условно.

2) Церковь Но недалеко отъ Аѳинъ, на древней дорогѣ въ Элевсину, возвышается Дафны. Дафны. древній монастырь Дафны: его церковь есть одна изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, не смотря на всѣ порчи, произведенныя турками. Осматривая эту церковь въ апрѣлѣ 1882 г., я замѣтилъ вскользь слѣдующіе сюжеты.

Въ днѣ купола мозаичный Христосъ-Вседержитель (съ глазами, выбитыми турецкими пулями). Въ тамбурѣ купола 12 мозаичныхъ пророковъ. Въ парусахъ также мозаичныя: Благовѣщеніе, Рождество Христово, Крещеніе и Преображеніе. Въ главной абсидѣ Богоматерь съ Младенцемъ. Вся церковь внизу росписана фресками.

3) Церковь Далѣе, у подношья Эликона расположенъ монастырь св. Луки-отшельника, который побудилъ своего современника императора Романа старшаго въ монастырѣ св. Луки. построить здѣсь самую богатую церковь во всей Греціи. Весь низъ церкви отдѣланъ мраморомъ. Верхъ украшенъ мозаиками на золотомъ фонѣ, представляющими ветхій и новый заветъ. Конха абсиды, архивольты главнаго четырехугольника, паруса, тамбуръ и куполь—все въ мозаикахъ. Св. Маркъ Венеціанскій больше, но не богаче церкви св. Луки.

4) Церковь Третія важная церковь Греціи находится въ средневѣковомъ городѣ Мистрѣ, на часъ разстоянія отъ новой Спарты, на первыхъ взгорьяхъ Тайгета. Городъ основанъ былъ французскими рыцарями подъ начальствомъ Жоффуа-де-Вимсъ-Гардуина, племянника извѣстнаго историка и сенешаля Шампани, около 1241 г. Къ этому времени, конечно, относится прекрасно сохранившаяся и вся росписанная церковь Аіа Перилевеосъ, осмотренная мною въ апрѣлѣ 1882 г. Въ моемъ дорожникѣ замѣчены были слѣдующіе сюжеты.

Въ днѣ купола—Христосъ-Вседержитель, съ надписью вокругъ прекраснымъ уставомъ:

**ΤΟ ΣΤΕΡΕΩΜΑ ΤΟΝ ΕΠΙ ΣΟΙ ΠΕΠΟΙΘΩΤΩΝ ΣΤΕΡΕΩΣΟΝ
ΚΕΤΗΝ ΕΚΚΛΗΣΙΑΝ ΗΝ ΕΚΤΙΣ ΩΤΟΤΙ ΜΕΙΩΣΟΥ ΑΙΜΑΤΗ-**

т. е. Τὸ στερέωμα τῶν ἐπὶ σοὶ πεποιθότων στερέωσον, κ (ὅρι) ε, τὴν ἐκκλησίαν, ἣν ἐκτήσω τῷ τιμίῳ σου αἵματι—Утверждение на Тя надѣющихся, утверди, Гѣи, церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію. (Канонъ на Срѣтеніе, ирмосъ 3-й пѣсни).

Ниже Вседержителя, по выше оконъ тамбура,—Пророки. Во внѣшней части церкви замѣчены слѣдующіе сюжеты: 1) Успение Божіей Матери, 2) Преображеніе Господне, 3) Тайная Вечера, 4) Въѣздъ въ Иерусалимъ, 5) Рождество Христово, 6) Крещение, 7) Снятие со Креста. Въ алтарѣ: 1. Христосъ среди 4-хъ ангеловъ, Богородица, сидящая на тронѣ среди двухъ ангеловъ, Святители въ два яруса и др.

Къ числу достопримѣчательностей этой церкви слѣдуетъ отнести мраморный рельефъ: Христосъ на тронѣ съ евангеліемъ и благословляющимъ жестомъ.

Четвертою славною церковью Греціи считается монастырская цер- 5) Церковь на ковь на островѣ Саламинѣ, Панаіа Фанеромени, украшенная внутри островъ Сала- 3724 фигурами святыхъ, представляющихъ всю священную исторію миніа, Панаіа Фанеромени. отъ сотворенія міра до страшнаго суда, чрезъ всѣ эпохи: патріарховъ, судей, царей, пророковъ, чрезъ весь Новый Завѣтъ: апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ и пр. Надписи заключаютъ имя художника и его помощниковъ. Хотя живопись и различныхъ эпохъ, но какъ богатѣйшій иконографическій образецъ, церковь всегда будетъ имѣть значеніе.

Церковь въ Софадѣ, на равнинѣ Фарсаль, вся росписана фресками. 6) Церковь На западной сторонѣ аллегорическое изображеніе міра, на ту же тему, въ Софадѣ. какъ и Страсбургская миниатюра Hortus deliciarum.

Въ Θεσσαλί, въ Калабшѣ, каѳедральная церковь съ мраморнымъ 7) Церковь трономъ императора Андроника (?), равно какъ и кладбищенская церковь, въ Калабшѣ. обѣ росписаны фресками съ надписями, въ которыхъ означены имена художниковъ и пр.

Въ монастырѣ Метеорѣ, въ Θεσσαλί, церковь въ честь Преобра- 8) Монастырь женія Господня, трехкорабельная, съ трансептомъ, абсидою и двумя Метеоръ. папертями на сѣверной и южной сторонѣ, вся росписана фресками. Въ папертяхъ изображены страданія мучениковъ, въ церкви—житія святыхъ и евангельскіе сюжеты. Въ куполѣ изображенъ рай—небеса. Въ серединѣ Христосъ-Вседержитель, окруженный девятью хорами ангеловъ, съ предстоящими Богородицею и Предтечею. Тамбуръ занятъ 19-ю пророками, въ парусахъ 4 евангелиста. Въ абсидѣ изображена литургія. Напротивъ изображенъ «нечестивый Аріи» и св. Петръ Александрійскій предъ юнымъ Иисусомъ Христомъ въ растерзанныхъ ризахъ, съ надписью: «Кто твои ризы раздра, Христе?—Нечестивый Аріи, Петре». Въ сѣверной абсидѣ (жертвенникѣ) изображенъ Христосъ,

уснувший подлѣ Богоматери. Богоматерь приподымаетъ покрывало съ его лица, а ангелъ приносить орудія страстей: копіе, губу, крестъ и терновый вѣнецъ.

На стѣнахъ трансепта и кораблей, на архивольтахъ, въ парусахъ и на сводахъ изображена вся жизнь Спасителя, начиная съ его родословія и до его смерти, а также вся священная исторія отъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ и до христіанскихъ святыхъ. Присутствіе на фрескахъ золотыхъ вѣнцовъ рядомъ съ просто желтыми указываетъ на позднѣйшія передѣлки. Относительно нѣкоторыхъ частей живописи есть прямыя указанія въ надписяхъ, что онѣ исполнены не далѣе, какъ въ началѣ нынѣшняго вѣка.

9) Монастырь св. Варлаама. Въ монастырѣ св. Варлаама въ Θεσσαλίи церковь всѣхъ святыхъ вся росписана фресками. Въ главной абсидѣ изображена Литургія; въ южной—І. Христосъ безъ браны—Εμμανουήλ; въ сѣверной—І. Христосъ безъ браны, съ крыльями—т. е. ὁ ἄγγελος τῆς μεγάλης βουλῆς—Вѣстникъ великаго совѣта.

Въ нартикѣ на западной сторонѣ—Страшный судъ. Подлѣ главной церкви другая, небольшая, трехъ іерарховъ, т. е. Василия Великаго, Іоанна Златоустаго и Григорія Богослова. Она также вся росписана.

Церкви главныхъ Аѳонскихъ монастырей, какъ Аіа-Лавра, Ивиرونъ, Хиландари, Ватопеди, и даже 16-ти второстепенныхъ (Симену, Пантократоръ, Ставреникита, Каракаллу, Филоѳеу, Кутлумусіу, Зографу, Павлу, Діонисіу, Григоріу, Симо-Петра, Ксиропотаму, Россиконъ, Ксенофу, Дохіаріонъ, Константину) переполнены фресковою живописью, встрѣчаются даже остатки мозаикъ (какъ въ Ватопеди),—но всѣ церкви много разъ переписывались и слѣдовательно, представляя отъ древняго росписанія лишь части, получаютъ надлежащее освѣщеніе лишь когда типъ древняго росписанія будетъ установленъ въ общихъ чертахъ по памятникамъ, сохранившимъ свое древнее росписаніе цѣликомъ. Тогда все отрывочное, что представляютъ намъ многія церкви Россіи, Кавказа, Турціи и Греціи,—все это, попадая какъ часть въ намѣченное въ общихъ чертахъ цѣлое, получить новое и весьма важное освѣщеніе и въ свою очередь освѣтитъ и цѣлое.

II duomo di Monreale XII в. Но мы какъ будто забываемъ византійскія церкви Италіи. Наше молчаніе не означаетъ, чтобы этими сооруженіями не было надобности пользоваться для помянутой задачи,—напротивъ такой храмъ, какъ il duomo di Monreale близъ Палермо, есть драгоцѣннѣйшій образецъ цѣльной системы XII вѣка въ примѣненіи къ базиличной формѣ, но онъ уже образцово изданъ аббатомъ Гравиной; San-Marco венеціанскій великолѣпно издается Онганьей (Ongagna), продолжателемъ Крейца; древнѣйшія базилики Рима изданы Росси; нѣтъ сомнѣнія, что и замѣчательныя церкви Равенны также скоро найдутъ своихъ издателей среди западныхъ ученыхъ.

Вотъ почему казалось бы, что намъ можно ограничить свою задачу Греціей и Турціей и отъ магистральнаго пути, соединяющаго Новгородъ съ Мистрой, вести дальнѣйшія изслѣдованія по направленію къ востоку.

Не претендуя на то, чтобы въ короткихъ словахъ исчерпать всю задачу и, упоминая тотъ или другой памятникъ, точно установить его значеніе для общей задачи, я довольствуюсь пока простымъ указаніемъ на задачу, убѣжденный въ томъ, что только живая связь съ дѣйствительностью сообщаетъ настоящую жизненность и устойчивость наукъ и что только установленіе крупныхъ, широкихъ задачъ дисциплинируетъ научныя силы, даетъ единство и стройность научному движенію и каждому отдѣльному, даже самому мелкому, усилію оказываетъ поддержку, давая ему возможность выдѣлиться и почувствовать себя хотя и маленькою, но все таки связною частью великаго цѣлаго.

РЕСТАВРАЦІЯ

ДРЕВНИХЪ АРХИТЕКТУРНЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ (ПО ВІОЛЕ-ЛЕ-ДЮКУ).

Д. Чл. Н. В. Никитина.

Реставрація есть дѣло новое, также какъ и его названіе. Реставрировать какое либо зданіе не значитъ починить его, исправить, перестроить; но возстановить его вполне въ первобытномъ видѣ, который никогда не доходитъ въ сохранности до нашего времени. Только со второй четверти нашего вѣка начали реставрировать зданія прошедшихъ временъ, и мы не знаемъ, чтобы кѣмъ либо было ясно опредѣлено, что такое архитектурная реставрація; поэтому слѣдуетъ дать себѣ точный отчетъ въ томъ, какъ понимаютъ и какъ должно понимать дѣло, которое называется реставраціей. Мы уже сказали, что и дѣло и слово—новыя; дѣйствительно, ни одинъ народъ прошедшихъ временъ не помышлялъ о реставраціяхъ въ смыслѣ, принятомъ въ настоящее время.

Въ Азіи, какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, если храмъ или дворецъ разрушается отъ времени, то строили и строятъ новый рядомъ съ разрушающимся, оставляя старое зданіе доживать свой вѣкъ. Римляне возстановляли, но не реставрировали, чему служитъ между прочимъ доказательствомъ то, что въ латинскомъ языкѣ нѣтъ слова, отвѣчающаго слову реставрація, въ смыслѣ придаваемомъ ему въ настоящее время. *Instaurare, reficere, renovare*—не значитъ реставрировать, но возобновить, передѣлать заново. Императоръ Адріанъ, предпринявъ возобновленіе множества древнихъ памятниковъ Греціи и малой Азіи, дѣйствовалъ такимъ образомъ, что живи онъ въ настоящее время, поднялъ бы противъ себя всѣ европейскія археологическія общества, не смотря на то, что онъ отличался антикварскими познаніями. Возобновленіе храма въ Бальбекѣ не есть реставрація, но перестройка въ современномъ ей модномъ стилѣ. Даже Птоломеи, гордившіеся архаизмомъ, возобновляя памятники древнихъ династій Египта, не строго

держались ихъ древнихъ формъ, а исправляли ихъ тоже по современной имъ модѣ. Греки никогда не реставрировали своихъ зданій, т. е. не возстановляли точно поврежденные ихъ части, но всегда предпочитали при возобновленіи придавать имъ видъ современной постройки. Постройку триумфальной арки Константина въ Римѣ, съ употребленіемъ для нея фрагментовъ снятыхъ съ арки Трояна, нельзя назвать ни реставраціей, ни перестройкой, но вандальствомъ, варварскимъ грабежемъ. Покрытіе стюкомъ архитектуры храма Фортуны Вирилы въ Римѣ никакъ не реставрація, но искаженіе. Должно замѣтить, что заботы о возобновленіи зданій проявлялись во всѣ времена въ концѣ періодовъ цивилизаціи обществъ. Чинили древніе памятники Греціи тогда уже, когда угасалъ геній грековъ подъ тяжелой рукой Рима. Самъ Римъ принялся возобновлять свои храмы передъ тѣмъ временемъ, когда христіанство сдѣлало ихъ ненужными. Наканунъ появленія Лютера и реформаціи спѣшили исправлять и достраивать католическіе соборы.

Въ средніе вѣка понимали реставрацію точно такъ же, какъ и древніе народы. Нужно ли было въ зданіи XII вѣка перемѣнить поврежденную капитель, — вставляли на ея мѣсто капитель XIII, XIV, XV вѣка, смотря по времени поправки. Если въ длинномъ фризѣ XIII вѣка, состоявшемъ изъ характернаго украшенія этой эпохи — листьевъ загнутыхъ крючкомъ — хотя бы только одинъ изъ нихъ былъ уничтоженъ временемъ, то на его мѣсто вставляли подобный же орнаментъ, но современный поправкѣ. Отъ этого часто случалось, что позднѣйшія вставки рассматривались какъ капризы архитектора, а относительно времени фрагментовъ дѣлались невѣрные заключенія.

Можно сказать, что одинаково опасно реставрировать, воспроизводя въ точнѣйшихъ копіяхъ все, что находится въ зданіи, также и замѣняя послѣдующія формы первоначальными. Въ первомъ случаѣ чрезмѣрная точность художника сохранить позднѣйшую вставку; во второмъ замѣна вставки первоначальной формой уничтожитъ видимый слѣдъ прежняго исправленія, который можетъ послужить доказательствомъ существующей въ зданіи какой либо особенности въ его расположеніи. Мы этому дадимъ объясненіе.

Въ наше время мы видимъ новое явленіе, не встрѣчавшееся прежде, примѣра которому не находимъ отъ самыхъ доисторическихъ временъ. Мы хотимъ анализировать, сравнивать, классифицировать, создать истинную исторію, изслѣдуя шагъ за шагомъ прогрессъ и измѣненія чело-вѣчества. Такое чрезвычайное дѣло не можетъ быть, какъ то полагають поверхностные умы, модой, капризомъ, старчествомъ; это явленіе сложное. Кювье своими трудами по сравнительной анатоміи, своими геологическими изысканіями открываетъ, на глазахъ современниковъ, исторію міра до появленія чело-вѣка. Филологи открываютъ происхожденіе евро-

пейскихъ языковъ изъ одного общаго корня. Этнологи работаютъ надъ изученіемъ расъ и ихъ способностей. Наконецъ археологи, изучая всѣ страны отъ Индіи до Египта и Европы, сравниваютъ и опредѣляютъ произведенія искусства, изслѣдуютъ ихъ начало и преемственность и достигаютъ мало-по-малу, при посредствѣ аналитическаго метода, ихъ согласованія по опредѣленнымъ законамъ. Видѣть въ этомъ фантазію, моду, капризъ—значить судить поверхностно о дѣлѣ обширномъ. Если же дѣло значительно въ общемъ, то могутъ ли быть неважны его детали? Всѣ упомянутые труды взаимно соприкасаются, помогаютъ одинъ другому. Если европеецъ достигъ этой фазы человѣческаго ума, идя къ предназначенной цѣли ускореннымъ шагомъ и, можетъ быть, даже слишкомъ быстро, то онъ чувствуетъ потребность привести въ порядокъ все собранное, какъ приводить въ порядокъ обширную бібліотеку предъ началомъ новой работы; разумно ли обвинять его въ капризѣ, эфемерной фантазіи? Не отсталые ли и не слѣпцы ли тѣ, которые пренебрегаютъ этими изслѣдованіями, считаютъ ихъ ненужнымъ хламомъ? Разрушать ложныя понятія, выводить на свѣтъ забытыя истины есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ способствовать прогрессу.

Заслуга нашего времени передъ потомствомъ состоитъ уже въ томъ, что мы передадимъ ему новый методъ, какъ изучать прошедшее съ матеріальной и духовной стороны. Но мы знаемъ однако, что наше время не довольствуется только наблюденіями надъ прошедшимъ. Эти наблюденія служатъ къ уясненію предположенныхъ задачъ, къ облегченію ихъ рѣшенія. Тутъ за анализомъ слѣдуетъ синтезъ.

Не смотря на то, испытателямъ прошлаго, археологамъ, терпѣливо выкапывающимъ малѣйшіе остатки искусства, считавшагося потеряннымъ, приходится бороться съ предразсудками многочисленнаго класса людей, для которыхъ каждое новое открытіе, каждый новый кругозоръ есть потеря традиціи, т. е. удобства умственнаго покоя. Исторія Галилея встрѣчается во всѣ времена. Она возвышается на одну или нѣсколько ступеней, но встрѣчается по всей лѣстницѣ, проходимою человечествомъ. Замѣтимъ между прочимъ, что всѣ эпохи сильнаго движенія впередъ отличаются изученіемъ хотя бы части прошлаго. На западѣ XII вѣкъ былъ истиннымъ возрожденіемъ политики, общественности, философіи, искусствъ и словесности, и въ то же время нѣсколько людей помогали этому движенію своими изысканіями въ прошедшемъ. XVI вѣкъ представлялъ то же явленіе. Археологамъ нечего много беспокоиться о препятствіяхъ, которыя имъ дѣлаютъ въ настоящее время; потому что не только во Франціи, но во всей Европѣ труды ихъ стали цѣниться публикой, стремящейся проникнуть подъ ихъ руководство въ прошедшія времена. Пусть археологи иногда оставляютъ пыль прошедшихъ временъ и займутся полемикой: это будетъ время не потерянное, потому что полемика рождаетъ

идеи и заставляетъ внимательно изслѣдовать сомнительные вопросы; противорѣчіе помогаетъ ихъ рѣшенію. Не станемъ обвинять умы, застывшіе въ созерцаніи настоящаго, или зараженные предразсудками, величающимися именемъ традиціи, считающіе начало человѣчества только со дня ихъ собственнаго рожденія, но мы должны принять въ соображеніе недостатокъ ихъ зрѣнія, близорукость, и показать имъ вблизи результаты нашихъ изслѣдованій.

Что же сказать о тѣхъ фанатикахъ, искателяхъ опредѣленныхъ сокровищъ, не позволяющихъ рыться въ той почвѣ, которою они пренебрегли, разсматривающихъ прошедшее какъ матеріаль, который долженъ быть разрабатываемъ не иначе, какъ монопольно, громко объявляющихъ, что человѣчество создавало прекрасныя произведенія, достойныя быть собираемыми только въ извѣстныя, ими опредѣленные, историческіе періоды; которые претендуютъ на право вырывать цѣлыя главы изъ исторіи труда человѣческаго, которые дѣлаютъ изъ себя цензоровъ класса археологовъ, говоря имъ: «такой-то слой вреденъ, не раскапывайте его; если вы выведете его на свѣтъ, то мы объявимъ васъ совратителями съ пути истины». Такъ поступали нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ людьми, посвятившими себя на изысканіе искусства, обычаевъ, литературы среднихъ вѣковъ. Въ настоящее время упомянутые фанатики если и уменьшились числомъ, то замѣнъ того сдѣлались болѣе страстными въ своихъ нападеніяхъ, приняли ловкую тактику, дѣйствующую на людей поверхностныхъ. Они разсуждаютъ такъ: «Вы изучаете и желаете познакомить насъ съ искусствомъ среднихъ вѣковъ; слѣдовательно вы хотите возвратитъ насъ къ среднимъ вѣкамъ и исключаете изученіе античнаго міра; если бы васъ допустить, то вы устроили бы каменные мѣшки при каждомъ полицейскомъ участкѣ, застѣногъ при шестомъ отдѣленіи. Вы намъ рассказываете о работахъ монаховъ: не хотите ли вы ввести у насъ и монашеское управленіе, десятину, подчинитъ насъ одуряющему аскетизму? Вы рассказываете о феодальныхъ замкахъ, слѣдовательно вы не сочувствуете принципамъ 1789 года, и если васъ послушать, то, пожалуй, слѣдуетъ возстановитъ натуральныя повинности». Но что смѣшно—это то, что фанатики намъ даютъ эпитетъ исключительныхъ: вѣроятно, потому что мы не исключаемъ изученія искусства среднихъ вѣковъ и рѣшаемся его предлагать.

Намъ, можетъ быть, скажутъ: какое отношеніе имѣетъ эта перебранка къ статьѣ о реставраціи? Мы на это дадимъ отвѣтъ. Архитекторы во Франціи не поторопятся. Уже съ первой четверти этого столѣтія изученіе среднихъ вѣковъ приняло въ литературѣ серьезное развитіе, а архитекторы видѣли въ готическихъ сводахъ только подражаніе лѣсамъ Германіи, въ стрѣльчатой аркѣ—арку искалѣченную. Церкви среднихъ вѣковъ, опустошенныя во времена революціи, заброшенныя,

почернѣвшія отъ времени, испорченныя сыростью, представляли изъ себя видъ пустыхъ большихъ гробовъ. Отсюда мрачныя фразы Коцебу и повторенія ихъ его подражателями. Внутренности готическихъ зданій наводятъ грусть. Сквозные шпили, рисующіеся на туманныхъ облакахъ, напоминали о романтическомъ періодѣ; описывали кружева изъ камня, колоколенки поставленныя надъ контрфорсами, легкія колонки, сгруппированныя для поддержки сводовъ на ужасающей высотѣ. Эти памятники благочестія (а другіе говорили—фанатизма) нашихъ отцовъ свидѣтельствовали о состояніи общества на половину мистическаго, на половину варварскаго, въ которомъ царствовалъ произволъ. Безполезно распространяться объ этихъ пошлыхъ галиматyahъ, которыми восхищались въ 1825 году. Но какъ бы то ни было, эти пустыя фразы при помощи музея французскихъ историческихъ памятниковъ и нѣсколькихъ коллекцій, какъ напр. Дю-Соммерара, сдѣлали то, что многіе изъ художниковъ принялись изъ любопытства осматривать остатки вѣковъ невѣжества и варварства. Эти осмотры, хотя поверхностныя и робкіе, тѣмъ не менѣе повели къ важнымъ указаніямъ. Художники прятались, рисуя эти памятники, воздвигнутые Готами,—какъ называли ихъ строителей нѣкоторыя важныя особы. Не художники, но люди не состоявшіе подъ академической указкой, начали компанію трудами замѣчательными для того времени.

Въ 1830 году М. Вите былъ назначенъ генеральнымъ инспекторомъ историческихъ памятниковъ. Изысканный писатель, онъ съумѣлъ внести въ исполненіе новой своей должности, не говоримъ большія археологическія познанія,—ихъ тогда ни у кого не было,—но критику и анализъ, которыми освѣтилъ исторію нашихъ древнихъ памятниковъ. Въ 1831 году Вите представилъ министру внутреннихъ дѣлъ ясный и методическій рапортъ объ обзорѣ имъ сѣверныхъ департаментовъ, въ которомъ раскрылъ для просвѣщенныхъ людей неизвѣстныя до тѣхъ поръ сокровища. Этотъ рапортъ и теперь считается образцомъ этюдовъ этого рода. Мы просимъ позволенія сдѣлать изъ него нѣсколько выписокъ.

«Я знаю,—говоритъ авторъ,—что въ глазахъ большей части людей авторитетныхъ считается парадоксальнымъ говорить о скульптурѣ среднихъ вѣковъ. По ихъ мнѣнію, отъ Антониновъ до Франциска I-го не можетъ быть и вопроса о скульптурѣ въ Европѣ, а скульпторы были не болѣе, какъ необразованные и грубые каменщики. Достаточно имѣть глаза и быть справедливымъ, чтобы оцѣнить по достоинству этотъ предразсудокъ, чтобы признать, что, по выходѣ изъ вѣковъ полного варварства, появляется большая и прекрасная школа скульптуры, наслѣдница пріемовъ работы и даже стиля античнаго искусства, хотя совершенно новая по духу и впечатлѣнію, производимому ея твореніями.

Эта школа, подобно всѣмъ школамъ, имѣла свои фазы и измѣненія, т. е. младенчество, возмужалость и паденіе.

«.... Не слѣдуетъ ли считать себя счастливымъ, если случай помогъ намъ открыть въ какомъ-либо углу нѣсколько фрагментовъ прекрасной и благородной скульптуры, до которой не достигъ молотъ разрушителей?»

И, какъ бы въ опроверженіе бывшей тогда въ ходу при описаніи средневѣковыхъ памятниковъ похоронной фразеологіи, Вите говоритъ о росписи архитектуры: «Дѣйствительно, современные путешествія, неопровержимыя испытанія не позволяютъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что древняя Греція любила раскраску, что она покрывала красками даже внѣшность своихъ зданій, хотя наши ученые, основываясь на нѣсколькихъ обломкахъ мрамора, лишившихся отъ времени окраски, заставили насъ въ продолженіи трехъ вѣковъ представлять себѣ эту архитектуру холодною и безцвѣтною. То же сдѣлали относительно среднихъ вѣковъ. Дознано, что въ концѣ XVI вѣка, благодаря протестантству, педантизму и многимъ другимъ причинамъ, воображеніе людей съ каждымъ днемъ дѣлалось менѣе живо, менѣе естественно, потемнялось, такъ сказать,—и вотъ начали бѣлить прекрасныя росписанныя церкви, полюбили гладкія стѣны и гладкую столярную работу и, если писали внутри какія либо украшенія, то дѣлали ихъ какъ бы въ миниатюрѣ. Такъ какъ это продолжалось двѣсти и даже триста лѣтъ, то привыкли думать, что такъ всегда и было, что наши памятники всегда были блѣдными и ободранными, какими они стоятъ въ настоящее время. Но если вы ихъ внимательно осмотрите, то вы скоро откроете нѣсколько лоскутовъ прежней ихъ одежды: всюду, гдѣ лунится обѣлка, вы найдете слѣды первоначальной росписи».

Въ заключеніе своего рапорта о памятникахъ сѣвера Франціи, Вите, пораженный величественнымъ видомъ развалинъ замка Куси, обращается къ министру съ просьбой, которая какъ нельзя болѣе подходитъ къ настоящему времени:

«Оканчивая все, что относится къ памятникамъ и ихъ сохраненію, позвольте мнѣ, г. министръ, сказать еще нѣсколько словъ по поводу памятника самаго замѣчательнаго, можетъ быть, самаго драгоцѣннаго изъ всѣхъ, о которыхъ я говорилъ, надъ которымъ я предполагаю сдѣлать опытъ реставраціи. Поистинѣ, для этой реставраціи не потребуется ни камня, ни цемента, но только нѣсколько листовъ бумаги.

«Возстановить въ цѣломъ и малѣйшихъ деталяхъ средневѣковую крѣпость съ ея внутреннимъ украшеніемъ и мѣблировкой, однимъ словомъ, возстановить ея форму, ея цвѣтъ, ея первоначальную жизнь,—таковъ проектъ, который явился у меня въ мысли при входѣ въ ограду замка Куси. Эти огромныя башни, этотъ колоссальный дожонъ кажутся съ нѣкоторыхъ точекъ какъ будто вчера выстроенными. Сколько остатковъ

живописи, скульптуры, внутренних раздѣленій въ полуразрушенныхъ стѣнахъ! Сколько документовъ для воображенія! Сколько источниковъ, ведущихъ прямой дорогой къ открытіямъ прошедшаго, не считая старинныхъ плановъ Дю-Серсо, которые хотя и не вѣрны, но могутъ оказать большую помощь при реставраціи.

«Работы этого рода прилагались до сихъ поръ только къ памятникамъ античной древности. Приложенныя къ области среднихъ вѣковъ, они могли бы привести къ результатамъ еще болѣе полезнымъ, потому что для указаній мы имѣемъ и время болѣе къ намъ близкое, и памятники болѣе сохранившіеся; то, что относится къ античной древности, бываетъ не болѣе, какъ догадка, становится относительно среднихъ вѣковъ почти вѣроятностью. Напр. реставрація, о которой я говорю, при сравненіи съ самимъ реставрируемымъ замкомъ, встрѣтитъ весьма мало недовѣрія».

Программа, такъ живо начерченная знаменитымъ критикомъ тридцать четыре года тому назадъ, осуществилась въ настоящее время не на бумагѣ, не въ недолговѣчныхъ рисункахъ, но въ камнѣ, деревѣ и желѣзѣ, для замка Пьерфонъ, не менѣе интереснаго, чѣмъ Куси. Много событій прошло со времени рапорта 1831 года, поданнаго генеральнымъ инспекторомъ историческихъ памятниковъ, много споровъ объ искусствѣ было поднято, но сѣмена, брошенныя Вите, принесли плоды. Вите первый занялся серьезной реставраціей нашихъ древнихъ памятниковъ, первый вложилъ въ это дѣло практическія идеи, первый ввелъ критику въ этотъ родъ работъ; дорога была открыта, по ней пошли другіе критики и ученые, а за ними и художники.

Четырнадцать лѣтъ спустя, тотъ же ученый, преданный дѣлу такъ хорошо имъ начатому, составилъ исторію Нойонскаго собора, и въ этомъ замѣчательномъ трудѣ означилъ этапы, пройденные учеными и художниками, занимавшимися изученіемъ средневѣковыхъ памятниковъ.

«Дѣйствительно, чтобъ знать исторію какого-либо искусства, недостаточно опредѣлить различные періоды, пройденные имъ въ данной мѣстности; надобно изслѣдовать его ходъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно проявлялось, указать различіе формъ его въ ихъ послѣдовательности и изобразить сравнительную картину всѣхъ его измѣненій, сопоставляя не только каждую изъ націй, но каждую провинцію одной страны.

«. . . . Къ этой цѣли и въ этомъ духѣ были направлены почти всѣ изысканія послѣднихъ двадцати лѣтъ, предпріятыя нами по поводу средневѣковыхъ памятниковъ. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка нѣкоторые изъ англійскихъ и германскихъ ученыхъ подали намъ примѣръ своими опытами изученія памятниковъ ихъ странъ. Труды ихъ проникли во Францію и возбудили, въ особенности въ Нормандіи, живое соревнованіе. Въ Эльзасѣ, Лотарингіи, Лангедокѣ, Пуату, во всѣхъ нашихъ провинціяхъ быстро распространилась любовь къ этому рода

изысканіямъ и въ настоящее время всюду работаютъ, разыскиваютъ, приготавливаютъ и собираютъ матеріалы. Мода, вторгающаяся и примѣшивающаяся ко всякимъ новинкамъ, часто чтобъ ихъ портить, не пощадила, къ несчастію, и этого зарождающагося знанія и, можетъ быть, немного повредила его успѣху. Свѣтскіе люди всегда торопятся воспользоваться новинкой: они требовали поспѣшныхъ системъ для возможности опредѣленія времени каждаго видѣннаго ими памятника. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ ученыхъ, увлекшись излишнимъ рвеніемъ, впали въ догматизмъ, лишенный доказательствъ, но съ рѣзкими опредѣленіями,—средство сдѣлать невѣрующими тѣхъ, кого хотятъ убѣдить. Не смотря на эти препятствія, неизбѣжныя при каждомъ новомъ дѣлѣ, настоящіе работники продолжали трудиться настойчиво и скромно. Основные истины были добыты, наука уже существуетъ, остается ее подкрѣплять и дополнять, освобождая отъ смутныхъ понятій, заканчивая неполныя указанія. Остается еще много сдѣлать, но полученные результаты таковы, что цѣль навѣрное будетъ достигнута».

Мы сдѣлали большую часть этихъ выписокъ чтобы показать, насколько авторъ подвинулся въ изученіи и оцѣнкѣ искусства среднихъ вѣковъ и какъ появлялся свѣтъ въ окружавшей ихъ тьмѣ. Вите, доказавши, что архитектура этихъ вѣковъ была искусство законченное, имѣвшее свои новыя законы и свой здравый смыслъ, говорить: «Надо имѣть закрытые глаза, чтобы называть эти истины химерами и замыкаться въ презрительное недовѣріе».

Когда Вите оставилъ должность инспектора историческихъ памятниковъ, его мѣсто съ 1835 года занялъ Меримѣ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся умовъ нашего времени.

Подъ руководствомъ Вите и Меримѣ устроилось первое гнѣздо молодыхъ художниковъ, жаждавшихъ подробно изучить забытое искусство. По ихъ мудрымъ указаніямъ, всегда основаннымъ на строгой критикѣ, были предприняты реставраціи, сначала съ большой осторожностію, потомъ уже смѣлѣе и способомъ болѣе широкимъ. Съ 1835 по 1848 годъ Вите предсѣдательствовалъ въ Коммисіи по историческимъ памятникамъ и въ это время большое число зданій римскихъ и средне-вѣковыхъ было изучено и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранено отъ разрушенія. Слѣдуетъ сказать, что программа реставраціи была тогда вещь совершенно новая. Дѣйствительно, не говоря уже о реставраціяхъ прошедшихъ вѣковъ, которыя можно считать не болѣе какъ подлогами, въ началѣ нынѣшняго вѣка воображали дать идею о предшествовавшемъ намъ искусствѣ довольно фантастическими композиціями, воображая, что воспроизводить древнія формы.

М. Ленуаръ въ составленномъ имъ музеѣ французскихъ памятниковъ сдѣлалъ попытку собрать, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ спасенные

отъ разрушенія фрагменты. Но должно сказать, что въ этотъ трудъ знаменитаго консерватора вошло болѣе воображенія, чѣмъ знанія и критики. Такъ, напримѣръ, гробница Элоизы и Абеяра, перенесенная въ настоящее время на западное кладбище, была составлена имъ изъ арочекъ и колонокъ, взятыхъ изъ боковаго нефа церкви St-Denis, барельефовъ съ гробницъ Филиппа и Людовика, брата и сына Людовика святаго, маскаронъ съ часовни de-la Vièrge de Saint-Germain de Prés, и двухъ статуй—начала XIV вѣка. Также: статуи Карла V и Анны Бурбонской, взятая съ гробницы въ Сентъ-Дени, были поставлены на деревянной рѣзной работѣ XVI вѣка, содранной въ часовнѣ замка Галлонъ и покрыты сѣнью конца XIII вѣка. Такъ зала, названная залой XIV вѣка, была украшена аркадой съ jubé изъ St-Chapelle и статуями XIII вѣка, прислоненными къ пилерамъ того же зданія. Такъ, за неимѣніемъ статуй Людовика IX и Маргариты Прованской, были взяты статуи Карла V и Анны Бурбонской, нѣкогда украшавшія порталъ Целестиновъ въ Парижѣ, и окрещены именами святаго короля и его супруги. Эта подмѣна была причиной того, что съ тѣхъ поръ всѣ живописцы и скульпторы въ своихъ работахъ придаютъ св. Людовику видъ Карла V. Музей историческихъ памятниковъ былъ разрушенъ въ 1816 году, памятники перенесены по большей части въ Сентъ-Дени; путаница еще болѣе увеличилась.

По волѣ императора Наполеона I-го, во всемъ опередившаго свое время и понимавшаго важность реставрацій, церковь Сентъ-Дени была назначена служить не только усыпальницей новой династии, но вмѣстѣ съ тѣмъ образцемъ искусства во Франціи отъ XIII до XVI вѣка. Были назначены суммы на эту реставрацію; но исполненіе такъ мало отвѣчало ожиданію императора, что архитекторъ долженъ былъ выслушать жесткіе упреки государя и умеръ, какъ говорятъ, отъ огорченія.

Надъ этой несчастной церковью Сентъ-Дени, какъ надъ мертвецомъ, учились реставраціи тогдашніе художники. Въ продолженіи тридцати лѣтъ она подвергалась всевозможнымъ искаженіямъ до того, что послѣ значительныхъ издержекъ, послѣ измѣненій древняго расположенія, послѣ перестановки прекрасныхъ памятниковъ въ ней находившихся,—должны были, вслѣдствіе поврежденія прочности самаго зданія, прекратить дорого стоившіе опыты и вспомнить о программѣ для реставраціи, составленной Коммиссіей по историческимъ памятникамъ.

Пора объяснить, въ чемъ состоитъ эта программа, которой въ настоящее время слѣдуютъ Англія и Германія, опередившія насъ на пути изученія античнаго искусства, принятая въ Италіи и Испаніи, которыя въ свою очередь начинаютъ вносить критику въ сохраненіе ихъ древнихъ памятниковъ.

Эта программа ставитъ непремѣннымъ правиломъ, что каждое зданіе и каждая часть зданія должны реставрироваться въ стилѣ, имъ принадлежащемъ, не только по внѣшности, но и по постройкѣ. Мало есть зданій, въ особенности средневѣковыхъ, которыя были бы построены въ одинъ пріемъ, или не потерпѣли бы значительныхъ измѣненій отъ пристроекъ и передѣлокъ. Существенно необходимо, до работъ по исправленію, опредѣлить точно время и характеръ каждой части, составить, такъ сказать, протоколъ, опирающійся на вѣрныхъ документахъ, состоящій изъ писанныхъ замѣчаній и чертежей снятыхъ съ натуры. Во Франціи каждая провинція имѣетъ свой собственный стиль, свою школу: слѣдуетъ знать ихъ правила и практическіе способы. Указанія, взятые съ памятниковъ Иль-де-Франса, не могутъ служить для реставраціи зданій Шампаньи или Бургони. Эти различія школъ существовали до поздняго времени; они слѣдовали извѣстному закону не всегда въ строгой послѣдовательности. Такъ, напримѣръ, въ XIV вѣкѣ искусство Нормандіи весьма близко приближается къ искусству Иль-де-Франса того же времени; ренессансъ Нормандскій существенно отличается отъ ренессанса Парижа и его окрестностей. Въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ провинцій такъ называемая готическая архитектура всегда была пришлою; поэтому готическое зданіе, напр. Клермонта, могло выйти изъ одной школы, и въ ту же эпоху зданіе Каркасона—изъ другой. Архитекторъ, на котораго возложена реставрація, долженъ точно знать не только типы, принадлежащіе каждому періоду искусства, но и стили, принадлежащіе каждой школѣ. Эти различія замѣчаются не только что въ среднія вѣка, но это явленіе замѣчено и въ древности греческой и римской. Римскіе памятники временъ Антониновъ, находящіеся на югѣ Франціи, во многомъ отличаются отъ памятниковъ Рима того же времени. Римскій стиль восточныхъ береговъ Адриатики нельзя смѣшивать съ римскимъ средней Италіи, Прованса или Сиріи.

Относительно среднихъ вѣковъ трудность реставраціи увеличивается. Часто памятники, или части ихъ, извѣстной эпохи и извѣстной школы были исправляемы неоднократно и артистами не принадлежавшими къ провинціи, гдѣ построено это зданіе. Отсюда происходятъ важныя затрудненія. Если приходится реставрировать зданіе, въ которомъ есть части, принадлежащія къ первоначальной постройкѣ и части измѣненныя, то должно ли отстранять послѣднія и возстановлять нарушенное единство стиля, или возстановлять его со всѣми послѣдовавшими въ немъ измѣненіями? Тутъ принятіе строгаго рѣшенія въ томъ или другомъ направленіи можетъ быть опасно и можетъ быть необходимо не принимать рѣшенія слѣдовать непремѣнно тому или другому пути, но дѣйствовать на основаніи особыхъ причинъ и обстоятельствъ. Какія эти особые обстоятельства? Мы не можемъ ихъ всѣ исчислить, но достаточно обо-

значить нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ, чтобы выяснитъ критическую сторону работъ. Прежде всего, прежде чѣмъ быть археологомъ, архитекторомъ, которому поручена реставрація, долженъ быть знающимъ и опытнымъ строителемъ не только съ общей точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія частной, то есть онъ долженъ знать способы постройки, принятые въ различныя эпохи нашего искусства и въ различныхъ школахъ. Эти способы постройки имѣютъ относительное значеніе, они не все равно хороши. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ несовершенные, были оставлены. Такъ, напримѣръ, зданіе, построенное въ XII вѣкѣ, не имѣвшее каменныхъ настѣнныхъ водосточныхъ желобовъ, было реставрировано въ XIII вѣкѣ и при этомъ были въ немъ устроены сточные каменные лотки. Вся корона этого зданія въ плохомъ состояніи, требуется передѣлать ее заново. Снимать ли желоба XIII вѣка, чтобы возстановитъ карнизъ XII, котораго найдены остатки? Разумѣется, нѣтъ. Надобно возстановитъ карнизъ съ желобами XIII вѣка, оставляя за нимъ форму этого времени, потому что нѣтъ карнизовъ съ желобами XII вѣка, и если бы сочинить карнизъ XII вѣка съ желобами, то это было бы анахронизмомъ въ каменной работѣ. Другой примѣръ: своды средняго нефа XII вѣка были разрушены по какому либо случаю и потомъ передѣланы не въ прежнемъ ихъ видѣ, но по модѣ того времени. Эти послѣдніе своды въ свою очередь угрожаютъ паденіемъ, требуется ихъ передѣлка. Какъ перестроить ихъ—въ формѣ первоначальной, или послѣдующей? Разумѣется, въ первоначальной, такъ какъ нѣтъ повода предпочесть форму послѣдующую, но весьма важно возстановитъ единство формъ зданія. Тутъ не представляется, какъ въ предыдущемъ случаѣ, сохранить улучшение, внесенное послѣдующей реставраціей, но слѣдуетъ устранить то, что было сдѣлано безъ разбора, слѣдуя обычаю, продолжающемуся до нашихъ дней, состоящему въ томъ, что къ поправкамъ и реставраціямъ зданій прилагали современные способы, чему мы противопоставили теперь правило возстановлять каждое зданіе въ его собственномъ стилѣ. Но если эти своды, которые должно переложить, хотя и другаго характера, чѣмъ первоначальные, но замѣчательно хороши; они дали возможность и были поводомъ къ устройству большихъ оконъ съ прекрасными переплетами, они были соединены съ цѣлой системой вѣшнихъ построекъ, имѣющихъ большое значеніе. Разрушить ли все это для возобновленія нефа въ первоначальномъ видѣ? Убрать ли оконные переплеты въ кладовую? Оставить ли контрфорсы и подпорныя арки безъ того распора, для противодѣйствія которому они были сдѣланы? Разумѣется, нѣтъ. Отсюда видно, что приложеніе принципа во что бы то ни стало можетъ доводить до абсурда.

Требуется переложить съ основанія пилеры, отдѣльно стоящіе въ какой либо залѣ, поврежденные лежащею на нихъ тяжестью и сложен-

ные изъ камня слабаго и малой толщины. Въ разныя времена нѣкоторые изъ пильеровъ были передѣланы и имъ было дано поперечное сѣченіе, имѣющее разность съ первоначальнымъ. Должно ли, вновь перекладывая эти пильеры, держаться различныхъ сѣченій и той же высоты постелей камня? Нѣтъ. Но мы сдѣлаемъ всѣ пильеры по первоначальному сѣченію и сложимъ ихъ изъ крупныхъ рядовъ камня, чтобы избѣжать на будущее время повторенія поврежденій, теперь исправляемыхъ. Но если поперечныя сѣченія нѣкоторыхъ изъ пильеровъ были измѣнены вслѣдствіе предполагавшихся перемѣнъ въ самомъ зданіи,—перемѣнъ, имѣющихъ важное значеніе съ точки зрѣнія прогресса искусства, какъ наприм., въ парижскомъ Соборѣ Богоматери въ XIV вѣкѣ,—перекладывая ихъ съ основанія, слѣдуетъ ли уничтожить эти любопытныя слѣды проэкта, который не былъ вполне исполненъ, но показываетъ направленіе школы? Нѣтъ, мы ихъ возстановимъ въ измѣненной формѣ, потому что это измѣненіе можетъ освѣтить одну изъ ступеней въ исторіи искусства. Въ зданіи XIII вѣка, когда для стока воды съ кровли дѣлались слезники, какъ напр. въ Шартрскомъ соборѣ, въ XV вѣкѣ, предполагая сдѣлать улучшение, прибавили къ настѣннымъ каменнымъ желобамъ каменные же лотки для того, чтобы лучше направлять стокъ воды. Эти лотки въ плохомъ состояніи, ихъ слѣдуетъ перемѣнить. Ставить ли на ихъ мѣсто, для единства стиля, лотки XIII вѣка? Нѣтъ; потому что этимъ мы уничтожимъ слѣдъ первоначальнаго устройства и должны настоять на возстановленіи позднѣйшаго, удерживая его стиль.

Между контрфорсами церкви впослѣдствіи были устроены часовни. Стѣны подъ окнами этихъ часовенъ и опоры пролетовъ не вяжутся съ древнѣйшими контрфорсами и ясно показываютъ на позднѣйшую придѣлку. Необходимо переложить какъ наружную сторону контрфорсовъ, поврежденныхъ временемъ, такъ и стѣны часовенъ. Должны ли мы, реставрируя одновременно, связать эти постройки различныхъ эпохъ? Нѣтъ; мы тщательно сохранимъ различіе кладки обѣихъ частей и не сдѣлаемъ перевязи для того, чтобы всегда могли видѣть, что часовни были устроены впослѣдствіи, между болѣе древними контрфорсами.

Должны ли мы даже въ закрытыхъ частяхъ зданія точно сохранять всѣ слѣды, указывающіе на прибавленія и измѣненія первоначальнаго его расположенія?

Существуютъ во Франціи соборы, перестроенные въ концѣ XII вѣка, безъ поперечныхъ нефовъ. Таковы, напримѣръ, соборы Санса, Мо, Сенлиса. Въ XIV и XV вѣкахъ къ нимъ прибавили поперечные нефы въ ширину двухъ аркадъ. Эти измѣненія были сдѣланы болѣе или менѣе искусно, но для опытнаго глаза все-таки остались видимыя слѣды первоначальнаго расположенія. Въ этихъ случаяхъ реставраторъ долженъ быть

особенно остороженъ; онъ долженъ еще рѣзче обозначить слѣды измѣненія, чѣмъ ихъ закрыть.

Если требуется построить вновь разрушенную часть памятника, отъ которой не осталось никакого слѣда, для восстановленія ли этой сломанной части, или для приспособленія памятника для какого либо назначенія, то въ этомъ случаѣ архитекторъ, на котораго возложена реставрація, долженъ исполнѣ проникнуться стилемъ порученнаго ему памятника. Пинакль XIII вѣка, скопированный съ современнаго же зданія, можетъ быть приставкой на другомъ зданіи того же вѣка. Профиль, взятый со зданія малыхъ размѣровъ, не можетъ быть употребленъ на зданіи крупномъ. Жестоко ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что средневѣковая архитектурная часть можетъ быть безнаказанно увеличиваема или уменьшаема по произвольному масштабу. Въ этой архитектурѣ каждый ея членъ сдѣланъ по масштабу зданія, часть котораго онъ составляетъ. Не придерживаясь этого масштаба, можно обезобразить эту часть. По этому поводу мы замѣтимъ, что большинство новыхъ готическихъ зданій воспроизводится по древнимъ, но въ другомъ масштабѣ. Одна церковь есть уменьшеніе Шартрскаго собора, другая — Сентъ-Оуена въ Руанѣ. Дѣйствуя такъ, идутъ по правилу, совершенно противоположному тому, которому разумно слѣдовали средневѣковые мастера. Но если этотъ недостатокъ, бросающійся въ глаза въ новыхъ зданіяхъ, лишаетъ ихъ всякаго художественнаго значенія, то онъ не терпимъ, когда дѣло касается реставраціи древняго зданія. Каждый средневѣковый памятникъ имѣетъ свой масштабъ, зависящій отъ его общаго, не смотря на то, что всегда подчиненъ размѣру человѣческаго роста. Дѣлая дополненія недостающихъ частей къ средневѣковому зданію, должно обсудить ихъ со всѣхъ сторонъ и исполнѣ уразумѣть масштабъ, принятый первоначальнымъ его строителемъ.

При реставраціи есть одно важное условіе, которое надобно постоянно имѣть въ памяти. Замѣняя старыя части новыми, слѣдуетъ употреблять матеріалы лучшаго качества и способы наиболѣе вѣрные, наиболѣе совершенные. Нужно дѣйствовать такъ, чтобы реставрированное зданіе, по окончаніи работъ въ немъ произведенныхъ, могло существовать болѣе продолжительное время, чѣмъ то, которое оно уже прожило. Должно знать, что всѣ работы по реставраціи какого либо зданія — есть для него жестокое испытаніе. Лѣса, подпоры, пробивка, перемѣна частями кладки — все это производитъ въ зданіи потрясенія, иногда оканчивающіяся паденіемъ. Благоразуміе требуетъ принимать въ расчетъ, что, каждая чиненная постройка потеряла уже нѣкоторую часть своей крѣпости вслѣдствіе потрясеній, и должно стараться восполнить это уменьшеніе крѣпости силою новыхъ частей, улучшеніемъ системы постройки, связями хорошо расположенными, увеличеніемъ сопротивленія его частей.

Безполезно говорить, что выборъ матеріала имѣеть важное значеніе въ работахъ по реставраціи. Много зданій грозятъ паденіемъ только потому, что въ нихъ были употреблены матеріалы слабые или посредственнаго качества. Каждый вынутый камень долженъ быть замѣненъ камнемъ высшаго качества. Каждый рядъ вынутыхъ скобъ долженъ быть замѣненъ связями, проложенными на мѣстѣ бывшихъ скобъ, потому что нельзя безъ риска измѣнять условія равновѣсія зданія, простоявшаго шесть или семь вѣковъ. Должно принимать въ расчетъ, что постройки, какъ и люди, приспосаблиются къ условіямъ ихъ существованія. Про нихъ можно сказать, что они также имѣють свой темпераментъ, который слѣдуетъ хорошо изучить до начала предпринимаемаго лѣченія. Родъ матеріаловъ, качество извести, почва, общая система постройки, основанная на вертикальныхъ опорахъ или на горизонтальной перевязи, болѣе или менѣе сосредоточенное давленіе сводовъ на опоры, болѣе или меньшая эластичность постройки,—обусловливаютъ различіе темперамента зданія. Въ зданіи, въ которомъ вертикальныя опоры сильно подкрѣплены колонками изъ крупныхъ кусковъ, какъ напр., въ Бургони, работа должна быть ведена иначе, чѣмъ въ зданіяхъ Нормандіи или Пикардіи, сложенныхъ изъ мелкихъ постелей камня. Способы замѣны ветхихъ частей новыми, способы подпоръ, удачныя въ одномъ случаѣ, будутъ въ другомъ причиной поврежденій. Если можно смѣло переложить по частямъ пильеръ, сложенный сплошь изъ негрупаго камня, то эта же работа въ пильерѣ, окруженномъ колонками изъ цѣльнаго камня, произведетъ въ послѣднихъ трещины. Въ послѣднемъ случаѣ должно пропиливать желѣзомъ швы колоннъ и даже вынимать совсѣмъ монолитныя колонны на время перекладки пильеръ и ставить ихъ на мѣсто только по окончаніи осадки.

Если архитекторъ, которому поручена реставрація какого либо зданія, обязанъ знать формы и стили, соотвѣтствующіе этому зданію, школу его строителей, то онъ долженъ знать и, если возможно, то еще лучше—конструкцію этого зданія, его анатомію, его темпераментъ, потому что прежде всего слѣдуетъ возвратитъ зданіе къ жизни. Архитекторъ долженъ вникнуть и узнать всѣ части его конструкціи, такъ какъ бы онъ самъ былъ его строителемъ, и имѣть въ своемъ распоряженіи различныя способы къ замѣнѣ ветхихъ его частей. Если одинъ способъ представлялъ бы опасность неудачи, то у него долженъ имѣться другой, третій на-готовѣ.

Не забудемъ, что памятники среднихъ вѣковъ строились иначе, чѣмъ памятники римской древности; конструкція послѣднихъ основана на противопоставленіи неподвижныхъ массъ дѣйствующимъ силамъ. Въ постройкѣ средневѣковой каждая часть ея дѣйствуетъ. Распору свода противодѣйствуетъ внѣшній косоуръ (*arc-boutant*) или контрфорсъ. Если

выкрошилась первая постель камня въ пятѣ арокъ и сводовъ, лежащихъ на пиллерѣ или колоннѣ, то для перемѣны ея нельзя ограничиться вертикальными подпорами, но слѣдуетъ противоdѣйствовать распорамъ, dѣйствующимъ въ различныхъ направленіяхъ. Если арка измѣнила свою форму, то недостаточно подвести подъ нее кружала, потому что она служить противораспоромъ другимъ аркамъ, имѣющимъ боковое давленіе. Если вы снимете тяжесть, лежащую на пилонѣ,—вы должны чѣмъ-либо замѣнить dѣйствіе, которое она производила. Словомъ, вы имѣете dѣло не съ инертными силами, dѣйствующими только вертикально, но съ силами, dѣйствующими въ противоположныхъ направленіяхъ, имѣющими результатомъ равновѣсіе; отнятіе какой-либо части нарушаетъ это равновѣсіе. Если подобныя задачи, представляющіяся реставратору, разстраиваютъ и затрудняютъ на каждомъ шагу dѣло строителя, который не сдѣлалъ заранѣе точныхъ изслѣдованій условій равновѣсія зданія, то они только поощряютъ того архитектора, который предварительно хорошо изучилъ исправляемое зданіе. Можно сравнить съ войной рядъ мѣръ, принимаемыхъ при реставраціи, на основаніи постоянныхъ наблюденій надъ ихъ dѣйствіемъ. Намъ приходилось видѣть башни, колокольни, несущія тяжесть, основанныя на четырехъ точкахъ опоры, которыя, вслѣдствіе перекладки фундамента сначала въ одной точкѣ, потомъ въ другой, измѣняли свое отвѣсное положеніе на нѣсколько сантиметровъ въ продолженіи однихъ сутокъ.

Въ подобныхъ случаяхъ опытный архитекторъ можетъ dѣйствовать безъ затрудненій, но съ условіемъ имѣть десять средствъ на каждый случай, имѣть довѣренность къ нему рабочихъ на столько, чтобы паника не могла лишитъ его средствъ принимать мѣры рѣшительно и безъ страха. Архитекторъ въ трудныхъ случаяхъ, часто являющихся при реставраціяхъ, долженъ все предусмотрѣть, даже неожиданности, и имѣть въ запасѣ средства безъ торопливости, безъ замѣшательства предупреждать могущія быть несчастія. Скажемъ, что въ работахъ этого рода нами производимыхъ, рабочіе тогда вѣрно понимаютъ даваемые имъ приказанія, оказываютъ довѣріе и приверженность, когда они испытали предусмотрительность и хладнокровіе распорядителя: но тѣ же рабочіе дѣлаются недовѣрчивѣе, если замѣчаютъ признакъ смущенія въ отдаваемомъ приказаніи.

Работы по реставраціямъ, разсматриваемымъ съ серьезной и практической точки зрѣнія, принадлежать только нашему времени и дѣлаютъ ему честь. Они заставили архитекторовъ расширять ихъ познанія, изыскивать энергическія, быстрыя и вѣрныя средства для работъ, войти въ непосредственныя сношенія съ рабочими, учить ихъ и образовывать изъ нихъ умѣлыхъ людей какъ въ провинціи, такъ и въ Парижѣ; изъ этой школы вышли лучшіе мастера для всѣхъ строительныхъ работъ.

Благодаря работамъ по реставраціи зданій, возникли весьма важныя отрасли промышленности; каменную работу стали производить тщательнѣе; распространили употребленіе новыхъ матеріаловъ—и все это по той причинѣ, что архитекторамъ часто поручались реставраціи въ городахъ и селахъ почти забытыхъ; пришлось отыскивать каменоломни, открывать старыя, устраивать мастерскія. За недостаткомъ тѣхъ средствъ, которыя всегда можно найти въ большихъ городахъ, архитекторы должны были выучить рабочихъ, установить правильные методы какъ для счетоводства, такъ и для веденія мастерскихъ. Такимъ образомъ матеріалы, до сихъ поръ не разрабатывавшіеся, были пущены въ обращеніе; образовались рабочіе центры, дѣйствующіе на довольно обширные округа; умѣнье справляться съ трудностями въ постройкѣ распространилось среди населеній, едва умѣвшихъ строить самыя простыя жилища. Французская административная централизація имѣетъ свои достоинства и выгоды, чего мы не отвергаемъ: она скрѣпила политическое единство страны; но не слѣдуетъ потакать ея неудобствамъ. Говоря только объ архитектурѣ, должно замѣтить, что централизація лишила провинціи не только ихъ школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—особенностей мѣстныхъ производствъ, мѣстной промышленности, но и способныхъ людей, которые всѣ устремились въ Парижъ и въ два или три большихъ центра, такъ что тридцать лѣтъ тому назадъ въ главныхъ городахъ департаментовъ не было ни одного архитектора, ни одного подрядчика, ни одной мастерской, ни рабочаго, способнаго управлять или исполнять хотя бы самую неважную работу. Для доказательства достаточно бросить бѣглый взглядъ на церкви, меріи, рынки, госпитали и проч., построенные съ 1815 по 1835 годъ, оставшіеся до нашего времени въ провинціи (а многіе изъ нихъ были недолговѣчны). Девять десятыхъ этихъ зданій, не говоря о ихъ стилѣ, свидѣтельствуютъ о печальномъ незнаніи самыхъ элементарныхъ правилъ постройки. Централизація въ архитектурномъ дѣлѣ вела къ варварству. Знаніе, традиціи, методы, хорошее матеріальное исполненіе—мало-по-малу удалялись отъ окраинъ. Если бы парижская школа, учрежденная съ полезной и практической цѣлью, могла бы высылать на окраины художниковъ, способныхъ вести постройки, то и тогда мѣстныя школы должны бы были исчезнуть: разсылались бы люди по всей территоріи, подобно-тому какъ дѣлается въ вѣдомствѣ Путей и Мостовъ, поддерживали бы на ровномъ уровнѣ всѣ департаментскія постройки. Парижская школа, единственная для всей Франціи, заботилась совсѣмъ о другомъ: она образовывала архитекторовъ для Французской Академіи въ Римѣ,—прекрасныхъ рисовальщиковъ съ развитымъ воображеніемъ, но неспособныхъ управлять строительными работами во Франціи въ XIX вѣкѣ. Эти избранники, возвратившись изъ пятилѣтней ссылки, во время которой они сняли съ натуры нѣсколько

античныхъ памятниковъ, не имѣли ни одного случая борьбы съ практическими трудностями ремесла, предпочитали лучше оставаться въ Парижѣ, въ ожиданіи какого-либо дѣла, достойнаго ихъ таланта, чѣмъ заняться обыденной работой въ провинціи. Нѣкоторые изъ нихъ возвращались въ департаменты, но съ тѣмъ только, чтобы занять высшее мѣсто въ какомъ либо изъ большихъ городовъ. Такимъ образомъ второстепенныя мѣстности оставались внѣ прогресса искусства и знанія и должны были поручать веденіе работъ кондукторамъ дорогъ и мостовъ, землемѣрамъ, школьнымъ учителямъ, знающимъ немного геометрію. Конечно, первые, которымъ пришла мысль спасти отъ разрушенія наилучшія изъ зданій нашей страны, завѣщанныя намъ нашимъ прошедшимъ, которые устроили охрану историческихъ памятниковъ, дѣйствовали только подъ художественнымъ побужденіемъ. Они пришли въ ужасъ отъ неминуемаго разрушенія этихъ замѣчательныхъ развалинъ отъ варварства, совершавшагося надъ ними каждый день съ самымъ слѣпымъ равнодушіемъ, и не могли предвидѣть тогда всей важности послѣдствій ихъ дѣла съ точки зрѣнія пользы. Однако они скоро поняли, что чѣмъ отдаленнѣе, уединеннѣе мѣсто предпринимаемыхъ работъ, тѣмъ вліяніе ихъ будетъ благотворнѣе и сильнѣе. Черезъ нѣсколько лѣтъ мѣстности, въ которыхъ были заброшены прекрасныя каменоломни, гдѣ нельзя было найти ни каменотеса, ни плотника, ни кузнеца, способнаго ковать что-либо кромѣ подковъ,—стали давать во всѣ окружающія мѣста отличныхъ рабочихъ, экономическіе и вѣрные методы постройки; появились хорошіе подрядчики, дѣльные десятники каменныхъ работъ, начался правильный порядокъ въ администраціи построекъ. Нѣкоторые изъ каменотесовъ, работавшихъ на этихъ постройкахъ, сдѣлались десятниками на многихъ другихъ работахъ. Если рутина господствуетъ въ верхнихъ слояхъ нашей страны, то къ счастью ее можно преодолевать при настойчивости и стараніи въ слояхъ низшихъ. Наши рабочіе одарены разумомъ и признаютъ его силу. Насколько они небрежны и беззаботны на работѣ, гдѣ плата есть единственное вознагражденіе и дѣло движется только дисциплиной, настолько они дѣтельны и заботливы тамъ, гдѣ видятъ вѣрное направленіе въ системѣ работъ, гдѣ заботятся объяснять имъ удобства или неудобства такого или иного способа. Самолюбіе—очень энергическій стимулъ для нашихъ рабочихъ; обращаясь къ ихъ смыслу и разуму можно всего достигнуть.

Съ какимъ интересомъ архитекторъ, занявшійся дѣломъ реставраціи древнихъ памятниковъ, слѣдитъ изъ недѣли въ недѣлю за успѣхами рабочихъ, которые мало-по-малу получаютъ любовь къ своему дѣлу! Было бы неблагодарностью съ нашей стороны, если бы мы не засвидѣтельствовали на этихъ страницахъ чувства безкорыстія, преданности, которыя весьма часто обнаруживались у рабочихъ на нашихъ реста-

вращахъ, усердіе, съ которымъ они помогали преодолевать трудности, казавшіяся непреодолимыми, даже опасными, которыя они встрѣчали смѣло и весело, потому что понимали цѣль, которую слѣдовало достигнуть. Эти качества мы видимъ въ нашихъ солдатахъ; удивительно-ли, что онѣ существуютъ и у нашихъ рабочихъ ¹⁾?

Предпринятія во Франціи работы по реставраціямъ, сначала подъ управленіемъ Коммисіи по историческимъ памятникамъ, потомъ службою по зданіямъ епархіальнымъ, не только спасли отъ разрушенія зданія безспорно цѣнныя, но кромѣ того, принесли непосредственную услугу. Работы Коммисіи уменьшили до нѣкоторой степени опасность административной централизаціи для общественныхъ строительныхъ работъ; они дали провинціямъ то, что Школа Изыщныхъ Искусствъ не умѣла имъ дать. Если, въ виду этихъ результатовъ,—важность которыхъ мы не преувеличили,—нѣкоторые изъ ученыхъ, претендующихъ управлять архитектурнымъ искусствомъ изъ своего кабинета, не положивши сами ни одного кирпича, предписываютъ, что художниковъ, проводившихъ часть своей жизни на опасной и трудной работѣ, по большей части не получившихъ ни почета, ни выгоды, не слѣдуетъ считать архитекторами; если эти ученые изыскиваютъ способы подвергнуть ихъ остракизму, устранить отъ работъ болѣе почетныхъ и болѣе выгодныхъ, а въ особенности менѣе трудныхъ,—то ихъ мнѣніе и ихъ презрѣніе давно будутъ забыты, а зданія—слава нашей страны—спасенныя отъ разрушенія, будутъ стоять вѣкъ и свидѣтельствовать о томъ, что нѣсколько людей обрекли себя на увѣковѣченіе этой славы, а не на собственные свои интересы.

Мы показали только въ общемъ тѣ трудности, которыя приходится преодолевать архитектору-реставратору; обозначили общую программу, составленную критическими умами. Эти трудности не ограничиваются одной матеріальной стороною дѣла. Всѣ зданія, которыя приходится реставрировать, имѣютъ назначеніе, приспособлены для чего нибудь ²⁾; нельзя не обращать вниманія на новое ихъ назначеніе и ограничиваться возстановленіемъ древняго расположенія, теперь неудобнаго. Изъ рукъ архитектора зданіе должно выйти не менѣе удобнымъ, чѣмъ оно было до реставраціи. Часто археологи умозрительные не обращаютъ вниманія на эти потребности и рѣзко порицаютъ архитектора, уступившаго требованіямъ настоящаго времени, какъ будто памятникъ, ему порученный для реставраціи, былъ его собственностію, и онъ не былъ обязанъ исполнять данную ему программу.

¹⁾ Эти качества, которымъ радуется V. le Duc, вызвавши ихъ въ своихъ рабочихъ, существовали и существуютъ у насъ; надобно пожелать, чтобы они не утратились при размноженіи антрепренерскихъ работъ, въ которыхъ ставится цѣлью быстрота, наименьшій расходъ въ ущербъ прочности, предѣлъ которой—срокъ аренды, а въ собственномъ домѣ—свой собственный вѣкъ.

²⁾ Во Франціи, во время революціи, много церквей и монастырей было обращено въ помѣщенія для городскихъ и общественныхъ учреждений.

Въ этихъ-то обстоятельствахъ, постоянно встрѣчающихся, и должна проявляться находчивость архитектора. Онъ всегда имѣетъ возможность соединить въ себѣ реставратора съ художникомъ, которому поручено удовлетворить непредусмотрѣннымъ потребностямъ. Сверхъ того, наилучшее средство сохранить зданіе—это найти ему назначеніе, удовлетворить всѣмъ потребностямъ этого назначенія, чтобы въ послѣдствіи не сдѣлали какихъ либо измѣненій. Очевидно, что архитекторъ, которому, на примѣръ, поручено сдѣлать изъ монастырской столовой Сенъ-Мартенъ des Champs библіотеку для школы ремесль, долженъ постараться, уважая зданіе и даже реставрируя его, устроить такъ шкафы, чтобы въ послѣдствіи не было надобности измѣнять расположеніе залы.

Въ такихъ случаяхъ самое лучшее—ставить себя на мѣсто первоначальнаго архитектора и предполагать, что бы сдѣлалъ онъ, если бы ему предложили данную намъ программу. Но разумѣется, надобно владѣть всѣми ресурсами, которыми владѣлъ этотъ древній мастеръ, и поступить такъ, какъ поступилъ бы онъ. Къ счастью, средневѣковое искусство, ограниченное тѣми, кто его не понимаетъ, въ нѣсколько узкихъ формулъ, въ дѣйствительности есть искусство столь гибкое, столь податливое, столь широкое и свободное въ средствахъ исполненія, что нѣтъ программы, которую оно не могло бы исполнить. Оно основывается на принципахъ, но не на формализмѣ; оно можетъ существовать во всѣ времена и удовлетворять всѣмъ потребностямъ, какъ хорошо сложившійся языкъ можетъ выражать всѣ идеи, не уклоняясь отъ своей грамматики. Этой-то грамматикой слѣдуетъ владѣть, и хорошо владѣть.

Мы согласны, что путь дѣлается скользкимъ съ того момента, когда оставляютъ буквальное воспроизведеніе, что путь этотъ должно избирать только въ крайнемъ случаѣ; но должно признать, что онъ иногда требуется настоятельными надобностями, которымъ нельзя противопоставить *non possumus*. Что архитекторъ отказывается провести газовыя трубы въ церковь, чтобы избѣгнуть порчи и несчастныхъ случаевъ, это понятно, потому что можно освѣщать другимъ способомъ; но онъ не можетъ противиться устройству калорифера подъ тѣмъ предлогомъ, на примѣръ, что въ средніе вѣка не былъ извѣстенъ этотъ способъ отопленія церквей, и заставить православныхъ простужаться по волѣ археологій. Отопленіе потребуетъ устройства дымовыхъ трубъ; архитекторъ долженъ дѣйствовать такъ, какъ бы дѣйствовалъ средневѣковой мастеръ, если бы ему пришлось устраивать колориферъ, и въ особенности не стараться замаскировывать этотъ новый членъ зданія, потому что древніе мастера не только не замаскировывали то, что было необходимо нужно сдѣлать, но напротивъ старались приискать надлежащую форму, создавая изъ необходимаго предметъ украшенія. Если, передѣлывая кровлю зданія, архитекторъ отвергнетъ желѣзныя стропила, потому

что средневѣковые мастера не дѣлали стропиль изъ желѣза, то онъ сдѣласть, по нашему мнѣнію, ошибку: такъ какъ желѣзными стропилами онъ устранить причину пожара, отъ котораго такъ часто страдали наши древніе памятники. Но въ этомъ случаѣ долженъ ли онъ соображаться съ расположеніемъ точекъ опоры? Долженъ ли измѣнять условія равновѣсія? Если деревянные стропила, которыя замѣняются желѣзными, нагружали стѣну равномерно, то не долженъ ли онъ приискать такую систему желѣзныхъ стропиль, которая представляла бы то же удобство? Разумѣется, долженъ; и кромѣ того, онъ устроить такъ, чтобы вѣсъ желѣзныхъ стропиль былъ не болѣе вѣса деревянныхъ. Это пунктъ важный. Очень часто приходится сожалѣть объ излишней нагрузкѣ древнихъ зданій, о надстройкѣ верхнихъ частей зданія изъ матеріаловъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ первоначально употребленные. Эта забывчивость, это невниманіе были уже причиной нѣсколькихъ несчастій. Можно еще разъ напомнить, что средневѣковыя зданія были точно рассчитаны; организмъ ихъ нѣжный. Въ нихъ—ничего въ излишкѣ, ничего ненужнаго. Измѣняя одно изъ условій ихъ организма, измѣняете и прочія. Многіе указываютъ на это какъ на недостатокъ; по нашему, это хорошее качество, которымъ мы пренебрегаемъ въ нашихъ новыхъ постройкахъ, у которыхъ можно отнять одинъ или нѣсколько членовъ безъ вреда ихъ существованію. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, должна служить наука въ дѣлѣ постройки, какъ не для того, чтобы употреблять на нее только необходимыя силы? Для чего эти колонны, если мы ихъ можемъ вынуть, не повредивъ прочности зданія? Для чего дорого стояющія стѣны, въ два метра толщины, если стѣна въ 50 сантиметровъ, подкрѣпленная контрфорсами, можетъ имѣть достаточную устойчивость? Въ средневѣковой постройкѣ каждая часть исполняетъ свое назначеніе и имѣетъ свое дѣйствіе. Архитекторъ долженъ озаботиться узнать то и другое прежде, чѣмъ что-либо предпринять. Онъ долженъ дѣйствовать какъ искусный и опытный операторъ, который трогаетъ органъ только тогда, когда получилъ полное понятіе объ его отправленіяхъ, когда предусмотрѣлъ немедленныя и будущія послѣдствія его операціи. Если онъ дѣйствуетъ на удачу, то лучше удержаться. Лучше оставить умереть больного, чѣмъ его убить.

Фотографія, принимающая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе важное участіе въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, достигла наконецъ возможности помогать великому дѣлу реставраціи древнихъ зданій. Когда архитекторы имѣли въ ихъ распоряженіи только обыкновенные способы рисованія, даже самые точные, какъ напр. камеръобскура, имъ было трудно что-либо не забыть, не просмотрѣть какія-либо едва замѣтныя черты. Кромѣ того, по окончаніи реставраціи, могли оспаривать вѣрность записей и чертежей зданія въ такъ называемомъ существующемъ видѣ. Фотографія представляетъ то удобство, что она даетъ неопровержимыя

записи, документы, на которые можно ссылаться даже тогда, когда реставрація уже уничтожила слѣдъ, видѣнный на развалинѣ зданія. Фотографія заставила архитекторовъ быть болѣе внимательными къ малѣйшимъ остаткамъ древняго расположенія, яснѣе отдавать себѣ отчетъ въ конструкціи; она дала вѣрное средство для оправданія произведенныхъ работъ. При реставраціяхъ фотографія должна быть широко примѣняема; часто на снимкѣ открывается то, чего не могли замѣтить въ натурѣ.

Въ дѣлѣ реставраціи есть одно главное правило, отъ котораго ни подъ какимъ предлогомъ нельзя уклоняться: это—внимательно изслѣдовать всѣ слѣды расположенія частей зданія. Архитекторъ только тогда можетъ считать свой трудъ оконченнымъ и только тогда можетъ ставить рабочихъ на работу, когда онъ достигъ, что его предположеніе прилагивается наилучшимъ и самымъ простымъ образомъ къ уцѣлѣвшимъ и видимымъ слѣдамъ; если рѣшить какое либо расположеніе гадательно, не имѣя подъ рукою всѣхъ необходимыхъ для того разъясненій, то неминуемо должно будетъ впасть въ гипотезу, а ничего нѣтъ опаснѣе для работъ по реставраціи, какъ гипотеза. Если вы, по несчастію, приняли въ одномъ мѣстѣ расположеніе уклоняющееся отъ настоящаго, вы будете вовлечены потомъ, вслѣдствіе логическихъ выводовъ, на ложный путь, съ котораго уже будетъ невозможно сойти, и чѣмъ болѣе вы будете обсуждать, тѣмъ болѣе будете уклоняться отъ истины. Такъ, напримѣръ, если нужно дополнить къ зданію разрушенную его часть, то нужно до приступа къ работамъ все откопать, все изслѣдовать, соединить мелкіе обломки, отмѣчая на планѣ мѣста, гдѣ они найдены, и приступить къ работѣ только тогда, когда для всѣхъ этихъ обломковъ будетъ найдено назначеніе и мѣсто. Не сдѣлавши всего этого, можно себѣ приготовить самую досадную ошибку: какой либо обломокъ, найденный по окончаніи реставраціи, покажетъ ясно, что вы ошибались.

Что касается обломковъ, которые будутъ добыты при раскопкѣ, то слѣдуетъ разсмотрѣть постели, швы, теску. Родъ тески можетъ служить указаніемъ на высоту, на которой лежалъ камень. При перестройкѣ части зданія, нѣкогда разрушенной, архитекторъ долженъ быть постоянно при раскопкѣ и ставить на это дѣло людей знающихъ. Возводя вновь постройку, архитекторъ долженъ, по возможности, помѣщать древніе остатки, хотя бы нѣсколько попорченные, какъ доказательство внимательности и точности его изслѣдованій.

Мы достаточно сказали, чтобы объяснить всѣ трудности, которыя встрѣтитъ архитекторъ при исполненіи реставраціи, если онъ серьезно отнесется къ своей обязанности и захочетъ не только казаться внимательнымъ къ дѣлу, но кончить его съ убѣжденіемъ, что ничего не было имъ предоставлено случаю и не приходилось самому себя обманывать.

О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА „ДЕИСУСЪ“.

Д. Чл. С. А. Усова.

Въ своей статьѣ «Къ исторіи Московскаго Успенскаго Собора», по поводу слова «деисусъ» (δέσις—моленіе), я сдѣлалъ предположеніе, что едвали деисусомъ первоначально обозначалась икона со Спасителемъ въ срединѣ, съ Богородицею и Іоанномъ Предтечею молящимися по сторонамъ, тѣмъ болѣе, что въ греческихъ подлинникахъ такая икона не называется деисусомъ, а триморфами (Дидронъ). Вѣроятно, что подъ деисусомъ разумѣлись или всѣ ряды (тябла) иконостаса надъ мѣстными иконами, преимущественно приставными, или же это названіе присвоивалось по крайней мѣрѣ второму (снизу) поясу иконостаса. Мѣстныя иконы называются поклонными, т. е. имъ поклоняются и къ нимъ прикладываются, а надъ ними ставятся моленія, т. е. такія иконы, на которыя только молятся. Поэтому ряды иконъ, написанныхъ или стоящихъ на боковыхъ стѣнахъ и на западной стѣнѣ, къ которымъ молящіеся обращены или бокомъ или задомъ, слѣд. на которые не молятся, и не именуются моленіями—деисусами. Но такъ какъ, по обычаю, въ рядѣ надъ мѣстными иконами въ срединѣ, надъ царскими дверями, обыкновенно помѣщается Христосъ на престолѣ съ предстоящими Богородицею и Предтечею, присвоили въ послѣдствіи названіе деисуса именно или такой иконѣ, или же тремъ иконамъ—со Спасителемъ по срединѣ, Богородицею и Предтечею по сторонамъ, хотя бы и не въ молитвенномъ положеніи.

Мое предположеніе встрѣтило нѣсколько возраженій. Въ подкрѣпленіе и подтвержденіе моей гипотезы привожу нѣкоторыя новыя данныя, какъ мнѣ кажется, довольно убѣдительныя.

1) Деисусами назывались всѣ иконы, помѣщавшіяся въ иконостасѣ на тяблахъ надъ мѣстными (поклонными) иконами.

Въ описи ветхостей церкви Константина и Елены въ Кремлѣ 1730 г. говорится: «Въ церкви Козмы и Дамьяна на деисусѣ надъ царскими

дверьми штилистовые 25 образовъ ветхи, надлежитъ оныя починить, да при означенной церкви въ придѣлѣ Филиппа митрополита въ иконостасѣ въ деисусѣ 22 образа разныхъ мѣрь, также и въ царскихъ дверяхъ Евангелисты и Благовѣщеніе обетшало, оныя образы и Евангелисты надлежитъ починить». (Матерьялы для исторіи и археологіи Москвы, т. I, стр. 210).

Въ описи церкви Чудотворца Николы у Красныхъ колоколовъ 1683 г., по перечисленіи и описаніи мѣстныхъ иконъ, сказано: «въ деисусѣ на таблѣ одинадцать иконъ съ праздники и со пророки и съ праотцы, писма государскихъ мастеровъ» (I. с. стр. 372).

Въ описи церкви мученика Никиты въ Никитскомъ монастырѣ 1701 года сказано: «Надъ нижнимъ поясомъ штилистыхъ окладныхъ и неокладныхъ 31 образъ, въ томъ числѣ у трехъ образовъ Богородицныхъ убрусы и ожерелья и рясы низаны мелкимъ и среднимъ жемчугомъ, въ другомъ и въ третьихъ поясахъ въ деисусахъ, образы праздники и пророки и праотцы неокладные. Передъ деисусы три паникадила мѣдныя съ кистями и съ ворворки». (I. с. стр. 508).

Въ Соборныхъ дѣяніяхъ, бывшихъ въ Москвѣ ¹⁷¹⁵/₁₆₆₇ гл. 2 пунктъ 46, предписывается: «На деисусѣ вмѣсто Саваоѳа ставить Распятіе Господне».

Въ описи церкви Феодора Студійскаго 1673 г. говорится: «Надъ царскими дверьми деисусы: Вседержитель Спасъ, Пресвятая Богородица и Іоаннъ Предтеча съ Архангелы, съ дванадцать Апостолы и съ дванадцатыми праздники. Передъ деисусы паникадило мѣдное, у него 12 шандановъ. . . . » (Мат., I. с. стр. 659).

Въ описи Московскаго Благовѣщенскаго Собора: «а деисусъ три тябла, на первомъ 36 образовъ, въ другомъ 20 праздниковъ, а въ третьемъ 8 образовъ пророковъ». (Снегиревъ. Памятники Московск. Древностей. 1845 г. Примѣчаніе на стр. 6.)

2) Деисусомъ или деисусами назывался поясъ (второй) надъ мѣстными иконами.

Въ описи придѣла Николая Чудотворца въ Страстномъ монастырѣ 1702 г.: «да надъ тѣми мѣстными образами поставленъ поясъ деисусовъ 9 иконъ, предъ образы 4 лампы мѣдныя». (Мат., I. с. стр. 707).

Въ описи церкви Трехъ Святителей, что на Кулишкахъ, 1729 г., сказано: «Надъ ними (царскими дверьми) деисусъ Спасителевъ образъ, по лѣвую сторону образъ Богородицы, по правую Іоанна Предтечи; позади ихъ Ангелы и три образа Апостольскихъ, писанные иконнымъ письмомъ, безъ окладовъ, ветхи». (Ib. стр. 491).

Въ описной книгѣ Софійскаго Вологодскаго собора сказано: «Да надъ царскими дверьми въ первомъ тяблѣ деисусъ писанъ на золотѣ 25 образовъ. Да надъ деисусомъ въ другомъ тяблѣ праздниковъ Владыч-

ныхъ 24 образа на золотѣ». (Извѣстія Имп. Археологическаго Общества т. II, 1859 г., вып. 1, стр. 57).

3) Деисусомъ назывались иногда иконы на паперти надъ входными дверьми, — полагаю, потому, что входящіе во храмъ и остававшіеся на паперти на эти иконы молились. Такія иконы называются деисусами, хотя съ трехчастною иконою съ триморфами ничего общаго не имѣютъ.

Церковь Соловецкихъ Чудотворцевъ, что на Патріаршемъ дворѣ: ¹⁴⁹/₁₆₄₁ года сентября 13 по челобитію за помѣтою дьяка Ивана Головкова иконникомъ Степану Зубченину, да Леонтію Остафьеву, да Илюшкѣ Степанову по полтинѣ человѣку, писали у Соловецкихъ Чудотворцевъ паперти на стѣнѣ деисусы Спасовъ образъ, да Пресвятыя Богородицы стоящія, да Соловетскихъ преклоненныхъ». (Мат., I. с. стр. 228).

4) Въ описаніи смотра ратныхъ людей Государева двора въ Семеновскомъ, 1664 г., читаемъ:

«А въ хороминѣ стояли образы на правой сторонѣ, что къ Москвѣ рѣкѣ, Деисусъ штилистовой, окладъ сканной бѣлой, вѣнцы чеканные золочены съ каменья. А съ наружья на той же стѣнѣ 3 образа прибраны деисусомъ штилистовымъ же, окладные жъ. На лѣвой сторонѣ образъ Всемилостиваго Спаса, что великаго Государя благословлялъ въ Воскресенскомъ монастырѣ патріархъ Никонъ, образъ Пресвятыя Богородицы Владимерскіе окладъ и вѣнцы сканной, золотой; образъ чотыредесятъ мученикъ. Съ наружья три образа прибраны деисусомъ штилистовою жъ. За мѣстомъ великаго Государя изъ хоромины жъ: образъ Всемилостиваго Спаса Смоленскаго, образъ Пресвятыя Богородицы Владимерскіе, образъ Іоанна Предтечи. А въ мѣстѣ надъ главою великаго Государя: образъ Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго; образъ на камени вырѣзано Достойно есть яко воистинну, все въ лицахъ; образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы штилистоваго. Да въ хороминѣ жъ надъ дверми, въ которые входитъ великому Государю, противъ его Государева лица деисусъ чотырелистовой, окладъ чеканной, золоченой съ каменья и съ жемчугомъ. Въ хороминѣ жъ надъ задними дверьми образъ Пресвятыя Богородицы Владимерскіе. Съ наружья деисусъ, что въ Вязмѣ у великаго Государя стоялъ въ передней. Надъ другими дверми изъ хоромины жъ на лѣвой сторонѣ образъ Пресвятыя Богородицы Смоленскіе». (Мат., I. с. стр. 1228).

Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что подъ деисусомъ разумѣется здѣсь трехчастная икона съ изображеніемъ Спаса, Богородицы и святыхъ, безъ опредѣленнаго мѣста. Слова «прибраны деисусомъ» несомнѣнно означаютъ, что три иконы разновременно писаныя, и вовсе не предназначенныя для сопоставленія въ одинъ рядъ, но будучи одинаковой величины, были вставлены въ общую кѣоту. Такая трехчастная икона (миѣ, по

крайней мѣрѣ, иначе не встрѣчалось) всегда называется «деисусъ» въ единственномъ числѣ, а не «деисусы» во множественномъ, какъ иконы въ поясахъ иконостасовъ надъ мѣстными иконами. Изъ приведенной выписки мы также видимъ, что единичная (не трехчастная) икона деисусомъ не называется.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда мнѣ довольно часто приходилось ѣзжать въ Калугу (на Боровскъ и Малоярославецъ), въ деревнѣ Сѣмякинѣ, сплошь населенной раскольниками Ѳедосѣевского толка, въ каждой избѣ, въ переднемъ углу, въ одномъ кіотѣ помѣщались три иконы: въ срединѣ благословляющій Спаситель, слѣва (отъ зрителя) Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, справа Іоаннъ Предтеча съ Спасителемъ въ купели въ рукахъ. Старшины называли эти иконы деисусомъ.

Въ описи Московскаго Успенскаго собора 1635 г. писано: «Четыре вѣнца (вѣнчальныхъ) серебряны золочены, на нихъ рѣзаны деисусы». (Русск. Истор. библіотека, т. III, стр. 544). На мужскихъ вѣнцахъ вырѣзаны: Спаситель въ срединѣ, слѣва (отъ зрителя) Богородица, справа Іоаннъ Предтеча; а на женскихъ вѣнцахъ—въ срединѣ Знаменіе, слѣва св. Іоакимъ, справа св. Анна. (Древн. государства Россійскаго, отдѣлъ I, табл. 36).

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно заключить, что написанные надъ всѣми окнами терема Татьяны Михайловны деисусы (Забѣлинъ. Быть русск. царь) не были повтореніемъ одной и той же иконы, а лишь надъ каждымъ окномъ были написаны по три иконы съ образомъ Спаса или Богородичнымъ въ срединѣ.

5) Деисусомъ, наконецъ, называется трехчастная икона: Спаситель на престолѣ, а по сторонамъ—Богородица и Предтеча, или въ молитвенномъ положеніи, или же со свитками, съ молитвами въ рукахъ. (Въ Ростовѣ на сводѣ надъ жертвенникомъ всѣ три лица: Спасъ, Богородица и Предтеча—крылатые). Это уже триморфы греческихъ подлинниковъ; такая икона называется также «Царь Царемъ».

6) Если по сторонамъ Христа, во образѣ вѣчнаго Архіерея, представлены Богоматерь и Предтеча,—то икона называется «Царь Царемъ». Если при этомъ приписаны архангелы Михаилъ и Гавріилъ, апостолы Петръ и Павелъ и другіе святые—то икона называется «Седмицею», такъ какъ на ней тогда находятся для поклоненія святые на каждый день¹⁾. Три иконы: Спасъ, Богородица и Предтеча вмѣстѣ, называются Деисусомъ; Спасъ при этомъ пишется по большей части благословляющій, съ Евангеліемъ въ рукѣ, а иногда и въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ

¹⁾ Въ Воскресенье служба Спасителю; Кресту и Крестной смерти служба въ среду и пятницу; въ среду служба Богородицѣ; въ понедѣльникъ служба Безплотнымъ силамъ, во вторникъ—Предтечѣ, въ четвергъ—Апостоламъ.

былъ положенъ во гробъ (Спасъ—уныніе», итальянская *pieta*). На груди Богоматери иногда бываетъ изображеніе Спасителя: «Слово плоть бысть»; Предтеча тоже держитъ иногда чашу съ лежащимъ въ ней Спасителемъ» (Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки. Книга IV, стр. 667).

7) Въ боярскихъ (вѣроятно, и другихъ) родахъ были особо чтимыя иконы, хранившіяся у старшихъ въ родѣ,—это большею частію были Богородичныя образа;—такіе образа назывались не деисусами, а моленіями, т. е. греческое слово было переведено на родной языкъ.

Напр., въ Петровскомъ монастырѣ: «опись прикладу у образа Богородицы Казанскія, моленія Кутузова». (Русскія достопамятности. Мартынова. Кн. III, стр. 72).

«Въ Знаменской церкви (Новоспасскаго монастыря) икона Знаменія, родовая, моленіе бояръ Романовыхъ-Юрьевыхъ» (*Ibid.* кн. V, стр. 51).

Что же общаго мы можемъ вывести изъ приведенныхъ выписокъ? Мнѣ кажется, одно: что «деисусомъ» назывались иконы (не икона), на которыя молились и которыя не стояли внизу, такъ что поклонными ихъ назвать нельзя, и что слово деисусъ—моленіе не должно относиться къ молящимся Богоматери и Предтечѣ, а къ молящемуся люду, который къ этимъ иконамъ лицомъ, а не бокомъ или задомъ. Поясъ иконостаса, называемый «деисусовымъ», вполне соотвѣтствуетъ иконѣ седмицы, т. е. представляетъ моленія на весь седмичный кругъ, что вполне объясняетъ присвоеніе этому поясу названіе деисуса—моленія по преимуществу.

Когда была открыта въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ стѣнопись на каменной алтарной преградѣ, тогда нѣкоторые сомнѣвались въ томъ, что эта преграда служила иконостасомъ, гдѣ мѣстные образа были приставными, а стѣнопись была деисусовымъ поясомъ. На это находимъ отвѣтъ въ слѣдующихъ выпискахъ изъ описи Успенскаго собора 1701 г. (Историч. Библіотека, т. III):

«Въ придѣлѣ Похвалы Пречистые Богородицы Деисусъ писанъ на стѣнѣ на празелени. Да мѣстные образы» (стр. 363).

«Въ придѣлѣ мученика Христова Димитрія: Деисусъ, 7 образовъ, писанъ на стѣнѣ, на золотѣ. Да мѣстные образы» (стр. 365).

«Въ придѣлѣ Петра и Павла, верховныхъ апостолъ: Деисусъ писанъ на стѣнѣ, на золотѣ» (стр. 367).

Стѣнопись иконостаса Успенскаго Московскаго собора надъ Царскими дверьми была сбита вмѣстѣ съ штукатуркою въ то время, когда былъ поднятъ сводъ надъ Царскими вратами. Вѣроятно, на этомъ мѣстѣ были иконы Христа съ Богоматерію и Предтечею по сторонамъ.

ЗАМѢТКА.

При объясненіи миниатюры Сирійскаго Евангелія Рабулы, изображающей въ верхней части Распятіе Христово, а въ нижней событія, совершившіяся тотчасъ послѣ Воскресенія, я указалъ, что Ангелъ возвѣщаетъ о воскресшемъ Христѣ Богоматери и Маріи Магдалинѣ, а также на другой сторонѣ рисунка опять Богоматерь и Марія Магдалина падаютъ къ ногамъ воскресшаго Спасителя, ихъ благословляющаго. Ассемани, Бисціони и Кондаковъ предполагали, что отличенная нимбомъ мѣроносица не Богородица, а Марія Магдалина, не давая другой мѣроносицѣ особаго названія. Я вывелъ свое заключеніе изъ сходства одеждъ Божіей Матери и Магдалины въ сценѣ распятія съ одеждою этихъ лицъ, изображенныхъ на миниатюрѣ Воскресенія. Не сходство, а тождество одеждъ (особенно видное на весьма точной копіи этой миниатюры у Лабарта, т. II) для меня было вполне убѣдительно и я не искалъ новыхъ доказательствъ. Къ объясненію своему я прибавилъ слѣдующее предположеніе: «Художникъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду текстъ Евангелія отъ Маттея (XXVIII, 1): «По прошествіи же субботы, на разсвѣтѣ перваго дня недѣли, пришла Марія Магдалина и другая Марія посмотреть гробъ»,—разумѣя подъ словами «другая Марія»—Богоматерь. Впослѣдствіи, когда статья моя объ Рабуловомъ спискѣ четвероевангелія была уже напечатана, мнѣ припомнились, вслѣдъ за симъ приводимыя мною, доказательства въ пользу моего воззрѣнія.

1) Четвертый припѣвъ на девятую пѣснь пасхальнаго канона: «Ангелъ вопіаеши Благодатный: Чистая Дѣво, радуйся, и паки реку, радуйся: твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба и мертвыя воздвигнувый, людіе веселитесь»—прямо указываетъ на возвѣщеніе Ангела Богородицѣ о воскресеніи Христа.

2) Въ Синаксарѣ во Святую и великую недѣлю Пасхи (Пентикостарій) сказано: « Господне же воскресеніе бысть сице: воиномъ стерегущимъ гробъ, о полунощи трусъ бываетъ; сошедъ бо ангелъ камень отваливаетъ отъ дверей гроба, стражіе же ужасающіяся бѣгаютъ. И пришествіе здѣ женамъ бываетъ въ субботу поздѣ, якоже отъ полусубботныхъ ноци. И первѣе убо воскресеніе Божіи Матери познаваемо бываетъ, прямо сѣдящей гроба съ Магдалиною, якоже глаголетъ Матеей. Но да не сомнилобыся воскресеніе, за еже

къ Матери присвоенія, Евангелисти глаголютъ: первѣе является Магдалини Маріи, она же и на камени Ангела видѣ »

Въ приведенномъ мѣстѣ Синаксаря ссылка на Евангелиста Матѳея относится къ слѣдующему тексту: «Бѣ же ту Маріа Магдалина, и другая Маріа, сѣдяще прямо гроба» (27, 61).

Между прочимъ, приведенныя мѣста указываютъ также, что первообразъ Рабуловыхъ миниатюръ былъ греческій, также какъ и синаксари происхожденія греческаго.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ШЕСТОКРИЛЬ.

Д. Чл. Д. И. Прозоровскаго.

Такъ называлась одна изъ отреченныхъ, т. е. запрещенныхъ, книгъ, составлявшихъ въ древности русское чернокнижіе, о которыхъ, а въ томъ числѣ и о Шестокрилѣ, покойный Сахаровъ замѣтилъ: «мы ничего не можемъ сказать объ этихъ книгахъ, потому что ничего о нихъ не знаемъ» (Сказ. Русск. Нар., т. I, кн. 2, стр. 3). Этотъ отзывъ, можетъ стать, и былъ вѣренъ во время изданія труда Сахарова, но въ послѣдствіи составители Описанія Слав. Рукоп. Моск. Синод. Библиотеки нашли, что Шестокриломъ назывались хронологическія таблицы Іудеевъ, въ числѣ шести, и что извѣстно на греч. языкѣ сочиненіе Хрисококке (XIV в.), подъ названіемъ: *Ἐκδοσις ἐκ τοῦ Ἰουδαϊκῶν ἐξαπτερουχῶν* (рукоп. № 1—3, стр. 162)¹⁾. Значеніе Шестокрила видно изъ словъ св. Геннадія, архіепископа Новгородскаго, который, въ посланіи къ архіепископу Ростовскому Іоасафу, писалъ: «да Шестокрилъ есми училъ, по чему жидове лѣта чтутъ», «а что Шестокрилъ они (жидовствующие) себѣ изучивъ да тѣмъ прельщаютъ христіанство, мня яко съ небесе знаменіе сводятъ, ино то не ихъ составленія бысть. Шестокрилъ бо взятъ отъ астрономіи яко капля отъ моря» (тамъ же). Итакъ Шестокрилъ служилъ пособіемъ для іудейской хронологіи, построенъ былъ на началахъ астрономіи, способствовалъ распространенію лжеученія чрезъ суевѣріе и не былъ особенно обширенъ. Какъ таблица, Шестокрилъ объясняется отчасти замѣткою, находящеюся въ рукоп. Библии 1499 года, гдѣ помѣщена таблица лунныхъ круговъ, съ показаніемъ лунныхъ перемѣнъ по знакамъ зодіака; внизу этой таблицы приписано: «а по Шестокрилу кругъ лунный починается отъ септября

¹⁾ Сочиненіе это значится у Ламбеція, въ его *Commentariorum de Bibliotheca Caesarea Vindobonensi*. Находится ли оно тамъ въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно.

после руского, а по рускому отъ марта, а златое число починается отъ генваря, прежь обѣихъ» (тамъ же). Отсюда надобно заключить, что въ составѣ Шестокрила былъ своего рода Лунникъ, начинавшійся съ мѣсяца тисри, т. е. съ іудейскаго новаго года, и, по всей вѣроятности, содержавшій въ себѣ іудейскую пасхалию. Такъ какъ нашъ церковный Лунникъ, печатающійся въ Типиконѣ, Слѣдованной Псалтири и проч., начинается ущербомъ луны 1 марта, то можно полагать, что въ отвѣтъ тому и Шестокрилъ начинался ущербомъ луны 1 сентября, что бываетъ въ 14 кругѣ нашего церковнаго Лунника. Признавъ этотъ послѣдній кругъ за 1 кругъ Шестокрила, получимъ слѣдующее сравненіе круговъ луны:

1.			2.			3.			4.		
По русско-му луннику.	По Шестокрилу.		По русско-му луннику.	По Шестокрилу.		По русско-му луннику.	По Шестокрилу.		По русско-му луннику.	По Шестокрилу.	
	До сентября.	Съ сентября.		До сентября.	Съ сентября.		До сентября.	Съ сентября.		До сентября.	Съ сентября.
14	—	1	19	5	6	5	10	11	10	15	16
15	1	2	1	6	7	6	11	12	11	16	17
16	2	3	2	7	8	7	12	13	12	17	18
17	3	4	3	8	9	8	13	14	13	18	19
18	4	5	4	9	10	9	14	15	14	19	1

Что дѣйствительно таковы были совпаденія Шестокрила съ церковнымъ Лунникомъ, доказывается это другимъ памятникомъ русскаго чернокнижія, памятникомъ, несомнѣнно, восточнаго происхожденія. Это «Громовникъ» или «Громникъ», представляющій руководство для гаданій по грому. Громникъ начинается такъ: «Мѣсяць септември, рекоми Руанъ, имать днѣи 30, часовъ 360, днѣ имать час. 12, а ночь 12. Луна его свѣтитъ 29 днѣ. Раждается въ прѣвьи часъ дне» (Архивъ Историч. и Практич. свѣд., относ. до Россіи, 1860—1861, кн. I, гл. XII, стр. 9). Въ теченіи 19 лѣтняго обращенія луны она раждается въ 1 часъ дня 12 разъ, въ томъ числѣ два раза въ сентябрѣ: 16 числа въ 14 кругѣ и 2 числа въ 18 кругѣ. Мы должны остановиться на этомъ мѣсяцѣ, потому что Громникъ указываетъ именно на сентябрьскую луну и на періодъ осенняго равноденствія. По мѣсяцесловамъ, 2 числа сентября день значится въ 11, а ночь въ 13 часовъ; слѣдовательно, Громникъ имѣетъ въ виду не этотъ терминъ. По тѣмъ же мѣсяцесловамъ, равноденствіе начинается 8 и оканчивается 23 сентября, такъ что 16 числа во дни и въ ночи считается именно по 12 часовъ, и такимъ

луны съ сентября, въ августѣ же оканчивался 18 годъ; очевидно, писецъ поставилъ этотъ послѣдній годъ по недосмотру, вмѣсто 13 круга луны, сбившись въ счетѣ по пальцамъ: оба, т. е. 18 и 13 круги, стоять на четвертомъ пальцѣ одинъ подъ другимъ, и потому весьма легко было взять не второе мѣсто 13 круга, а первое мѣсто 18 круга, въ виду 18 года Шестокрила; 19 же годъ небесной луны писецъ обозначилъ, конечно, потому, что писалъ замѣтку послѣ 1 сентября ¹⁾. А что «19 лѣто» не есть ошибочно обозначенный 19 день луны, это видно изъ того, что въ замѣткѣ возрастъ луны къ 21 августа опредѣленъ прямо 22 днемъ. Дѣйствительно, по церковному Луннику, въ 13 кругѣ луны, она ущебаетъ 13 августа въ 1 часу ночи, почему 21 августа, днемъ, бываетъ именно 22 день ея возраста.

Такимъ образомъ не остается сомнѣнія въ томъ, что Шестокриль, «взятый отъ астрономіи какъ капля отъ моря» и со стороны жидовствующихъ считавшійся способнымъ сводить знаменія съ неба, былъ отчасти не что иное, какъ особый лунникъ, снабженный не только астрономическими, но и астрологическими свѣдѣніями и употреблявшійся нашими древними пасхалистами наравнѣ съ церковнымъ Лунникомъ, но примѣнительно не къ пасхальной, а къ небесной лунѣ, которую они опредѣляли однакоже своеобразно, по правиламъ пасхальной луны. Обстоятельство это позволяетъ заключить, что лунникъ Шестокрила былъ приуроченъ къ дѣйствительному теченію луны.

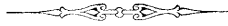
Въ виду того, что Лунники состоятъ въ связи съ пасхалією, знакомымъ съ еврейскими древностями предстоить рѣшить вопросъ: къ какой пасхаліи примѣняется Шестокриль, т. е. къ древней ли, роспись которой, подъ заглавіемъ: «Пасха евреомъ законная», извѣстна по нашимъ стариннымъ церковнымъ книгамъ, согласна съ пасхалією, бывшею при Іосифѣ Флавіи, и представляетъ единственный вѣрный способъ для опредѣленія первыхъ 33 лѣтъ христіанскаго лѣтосчисленія ²⁾, или—къ пасхаліи нынѣшнихъ Евреевъ, представляющей 247-лѣтнее обращеніе пасхальныхъ терминовъ ³⁾? По видимому, Шестокриль ближе къ древней пасхаліи, потому что по новой 1 число тисри, т. е. начало Шестокрила, совпадаетъ съ 1 числомъ сентября не въ 14, а въ 10 и 18 кругахъ луны. Еще необходимо замѣтить, что если правило, по которому у нынѣшнихъ Евреевъ 1 число тисри бываетъ черезъ 163 дня послѣ пасхи, существовало и въ древней пасхаліи, то совпаденіе 1 числа

¹⁾ Что доказываетъ и выставленный имъ 5 индиктъ, начавшійся съ сентября.

²⁾ Объ этомъ см. въ Странникѣ 1861 г., № 4, въ статьѣ: «Къ вопросу о времени совершенія Іисусомъ Христомъ послѣдней пасхальной вечера».

³⁾ Еврейскій ученый Слонимскій «относитъ введеніе нынѣшняго еврейскаго календаря къ эпохѣ, когда окончены уже были всѣ дополненія къ Талмуду, т. е. къ концу V вѣка». (Сравнительн. календарь, Лалоша, стр. 294). Талмудъ завершенъ въ концѣ V в. по Р. Х.

тисри съ 1 сентября должно происходить не въ 14, какъ выходить по вышеприведенной сравнительной таблицѣ, а въ 13 кругъ луны. Если такъ, то можно бы заключить, что разность эта произошла не столько отъ ошибки въ еврейскомъ лѣтосчисленіи, сколько отъ того, что Шестокрилъ былъ согласенъ христіанами съ церковнымъ Лунникомъ безъ отношенія къ еврейской пасхалии, при чемъ 1 тисри, для сообразности съ 1 марта и съ 1 сентября, опустилось съ 13 на 14 кругъ луны. Все это стоитъ тщательнаго обслѣдованія.

НОВАЯ НАДПИСЬ ИЗЪ ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКАГО.

Д. Чл. В. В. Латышева.

Всѣмъ, занимающимся изученіемъ вещественныхъ памятниковъ древности, извѣстно «счастливое неудобство», которое они испытываютъ при своихъ работахъ вслѣдствіе постояннаго прилива новаго матеріала; въ эпиграфикѣ и нумизматикѣ это неудобство сказывается скорѣе и яснѣе, чѣмъ въ какой либо другой дисциплинѣ: какъ бы ни старались ученые о полнотѣ общихъ эпиграфическихъ сборниковъ и нумизматическихъ каталоговъ, они немедленно послѣ выхода въ свѣтъ оказываются неполными вслѣдствіе новыхъ открытій. Этой общей участи не избѣгъ и изданный мною полтора года тому назадъ, по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, первый томъ сборника: «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*»: въ моемъ портфельѣ уже начинаютъ собираться для него «*addenda et corrigenda*», которыя предполагается отъ времени до времени издавать отдѣльными выпусками, совокупность которыхъ составитъ 4-й томъ сборника; но эти выпуски, само собою разумѣется, могутъ выходить только чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени, по мѣрѣ накопленія матеріала на нѣсколько печатныхъ листовъ, а между тѣмъ въ этомъ матеріалѣ могутъ попадаться такіе памятники, которые по интересу своего содержанія заслуживаютъ того, чтобы по возможности скорѣе дѣлаться достояніемъ науки и которые, поэтому, придется издавать отдѣльно. Одному изъ такихъ памятниковъ посвящается и настоящая замѣтка.

Въ августѣ прошлаго 1886 года почтенный секретарь Московскаго Археологическаго Общества А. В. Орѣшниковъ имѣлъ любезность сообщить мнѣ рукописную копію надписи, полученную имъ отъ другаго

лица незадолго передъ тѣмъ, въ бытность его въ Севастополѣ; по словамъ этого лица, камень съ надписью найденъ въ Балаклавѣ, но принадлежитъ онъ очевидно Херсонису Таврическому и вѣроятно былъ перевезенъ въ Балаклаву только въ позднѣйшія времена. Г. Орѣшниковъ принялъ всѣ мѣры къ приобрѣтенію памятника, но онъ не увѣнчался успѣхомъ, такъ что пока остается даже неизвѣстнымъ, гдѣ камень находится въ настоящее время. Поэтому для ознакомленія съ надписью приходится пока довольствоваться упомянутою копіею, полученною г. Орѣшниковымъ въ Севастополѣ; она сдѣлана, очевидно, лицомъ неопытнымъ въ списываніи надписей (кажется, даже не знающимъ греческаго языка); но такъ какъ надпись, по всей вѣроятности, ясно читается на камнѣ, то въ копіи оказались всего четыре ничтожныя ошибки, нисколько не искажающія смысла. Вотъ эта копія:

ΣΕΞΤΟΝΟΚΤΑΟΥΙΟΝΦΡΟΝΤΟΝΑΠΡΕΣΒΕΥ
ΤΗΝΚΑΙΑΝΤΙΣΓΡΑΤΗΓΟΝΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣΔΟΜΕ
ΤΙΑΝΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΘΕΟΥΣΕΒΑΣΤΟΥΓΕΡΜΑΝΙ
ΚΟΥ ΟΔΑΜΟΣ

Ставя въ скобки ошибочно скопированныя буквы, мы получаемъ слѣдующую транскрипцію ¹⁾:

Σέξστον 'Οκτάουιον Φρόντ(ω)να, πρεσβευ-
τήν καὶ ἀντισ(τ)ράτηγ(ο)ν Αὐτοκράτορος Δομ(ε)-
τιανοῦ Καίσαρος θεοῦ Σεβαστοῦ Γερμανι-
κοῦ, ὁ δᾶμος.

По русски это значить: «Секста Октавія Фронтонa, легата и про-
претора Императора Домиціана Кесаря бога Августа Германскаго,
[поставилъ] народъ».

По формѣ изложенія новый документъ представляетъ почти дословное повтореніе помѣщенной въ нашемъ сборникѣ подъ № 197 надписи на пьедесталѣ статуи, поставленной Херсонисскимъ народомъ въ честь Секста Веттулена Церіалиса, бывшаго легатомъ Мезіи при Веспасіанѣ ²⁾. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что и новая надпись также вырѣзана на пьедесталѣ статуи Секста Октавія Фронтонa, воздвигнутой Херсонисцами въ благодарность за какія либо услуги или

¹⁾ Я предполагаю, что на камнѣ стоитъ форма Δομ(ε)τιανοῦ, а не Δομ(ε)τιανῶν, такъ какъ при списываніи буква Ε скорѣе могла быть принята за Β, нежели Ι.

²⁾ Разница только въ томъ, что слова πρεσβευτήν καὶ ἀντισ(τ)ράτηγ(ο)ν поставлены въ ней послѣ Императорскаго титула, а этотъ послѣдній на два слова короче.

благодѣянія, оказанныя имъ Фронтономъ въ бытность его правителемъ Нижней Мезіи. Греческій титулъ *πρεσβυτης και αντιστратηγος* представляетъ, какъ извѣстно, переводъ латинскаго *legatus pro praetore*. Титулъ этотъ носили лица, посылавшіяся Римскими императорами въ принадлежавшія имъ (т. е. не сенатскія) провинціи въ качествѣ главныхъ ихъ правителей. Они были избираемы изъ бывшихъ преторовъ или, для важнѣйшихъ провинцій (въ томъ числѣ и для Мезіи), изъ бывшихъ консуловъ, и притомъ не на опредѣленный срокъ, такъ что оставались въ должности до тѣхъ поръ, пока это было угодно пославшему ихъ императору. Такъ какъ они были назначаемы лично императорами и зависѣли прямо отъ нихъ, то къ ихъ титулу нерѣдко прибавлялся полный титулъ императора, какъ мы это видимъ въ обѣихъ Херсонискихъ надписяхъ ¹⁾.

Секстъ Октавій Фронтонъ былъ уже давно извѣстенъ изъ нѣсколькихъ памятниковъ латинской эпиграфики, какъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей высшей римской администраціи въ царствованіе Домиціана. Онъ былъ по всей вѣроятности сынъ (или внукъ) того Октавія Фронтонъ, который упоминается у Тацита подъ 16 г. по Р. Хр., какъ противникъ роскоши ²⁾. Изъ государственной дѣятельности Секста до сихъ поръ были извѣстны два факта: 1) консульство, которое онъ занималъ вмѣстѣ съ Т. Юніемъ Кандидомъ Маріемъ Цельсомъ, 2) начальство надъ Мезійскимъ флотомъ. Первый фактъ былъ засвидѣтельствованъ уже очень давно двумя найденными въ Римѣ надписями ³⁾, изъ которыхъ однако годъ консульства не могъ быть опредѣленъ; онъ сдѣлался извѣстенъ только лѣтъ сорокъ тому назадъ изъ найденнаго въ Клаузенбургѣ военнаго диплома, впервые изданнаго Генценомъ ⁴⁾, а потомъ Т. Моммзеномъ въ *C. I. Lat.* III, 2, стр. 857 № XIV: оказалось, что Фронтонъ и Кандидъ были *consules suffecti* во 2-й трети 86 г. по Р. Хр. ⁵⁾. Фактъ начальствованія Фронтонъ надъ Мезійскимъ флотомъ извѣстенъ изъ другаго военнаго диплома, найденнаго еще въ XVI ст. въ Берецѣ, въ Венгріи, и послѣ многихъ предшествовавшихъ

¹⁾ Ср. объ этомъ I. Marquardt, *Röm. Staatsverwaltung* I (1873), стр. 408 сл.; W. H. Waddington, *Fastes des prov. Asiat.* chap. I.

²⁾ Tac. Ann. II, 33: Proximo senatus die multa in luxum civitatis dicta a Q. Haterio consulari, Octavio Frontone praetura functo.

³⁾ *C. I. Lat.* VI, № 227: Sex. Octavio Front. Ti. Iulio Candido cos.—Gruter, *Inscr. ant. tot. orbis Rom.* (v. III) p. 968 № 13: Non. Maias Frontone et Candido cos.

⁴⁾ *Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande* т. XIII (1848) стр. 26 сл., *Bull. dell. Inst. arch.* 1848 стр. 24 сл., *Inscr. Lat. coll.* III № 5433.

⁵⁾ Ср. Ios. Klein, *Fasti consulares inde a Caesaris morte usque ad imp. Dioclet.* (Lips. 1881) стр. 48. О срокахъ исполненія консульской должности въ Императорскую эпоху ср. H e n z e n, *De nundinis consularibus aetatis imperatoriae* въ *Ephemeris epigr.* I, стр. 187—199.

изданій помѣщеннаго въ С. I. Lat. III, 2, стр. 858 № XV. Дипломъ этотъ данъ 14-го іюня 92-го года прослужившимъ 26 лѣтъ солдатамъ Флавіева Мезійскаго флота, бывшаго подъ начальствомъ С. Октавія Фронтонъ (*his qui militant in classe Flavia Moesica, quae est sub Sex. Octavio Frontone, qui sena et vicena stipendia meruerunt*). По вопросу о томъ, въ какомъ званіи Фронтонъ командовалъ Мезійскимъ флотомъ, были высказаны разныя мнѣнія. Вотъ что говоритъ объ этомъ Генценъ въ своемъ комментарий къ Клаузенбургскому диплому ¹⁾:

«Уже въ 1-мъ выпускѣ мемуаровъ Археол. Института (стр. 47) ²⁾ Боргези высказалъ мнѣніе, что этотъ командиръ долженъ быть признанъ за одно лицо съ соименнымъ ему консуломъ и что его консульство должно быть поставлено раньше 845 г. [отъ осн. Рима=92 по Р. X.], такъ какъ тогда онъ былъ легатомъ въ Мезіи, провинціи, которая давалась только консулярамъ. Мнѣніе Кардинали (*Dipl. p. 112*), что еще не доказано, что онъ былъ Императорскимъ легатомъ, а не префектомъ Мезійскаго флота, опровергалось уже аналогіею всѣхъ военныхъ дипломовъ и теперь окончательно устраняется нашимъ новымъ дипломомъ. Префектуры флотовъ, даже такъ называемыя преторскія во флотахъ Мизенскомъ и Равеннскомъ, никогда не были занимаемы сенаторами, а тѣмъ менѣе консулярами, и если Фронтонъ былъ консуломъ въ 839 г. [=86], то въ 845 г. можно встрѣтить его въ Мезіи только въ качествѣ легата» ³⁾. Однако, несмотря на это доказательство Генцена, Моммзенъ при новомъ изданіи диплома 92 г. въ С. I. Lat. всетаки допускаетъ возможность мнѣнія Кардинали, хотя склоняется гораздо болѣе на сторону Боргези и Генцена: это очевидно изъ того, что на стр. 909 въ списокѣ правителей провинціи, упоминаемыхъ въ военныхъ дипломахъ, имя С. Октавія Фронтонъ поставлено съ оговоркою «*nisi est praefectus classis*», а въ списокѣ правителей Нижней Мезіи въ указателѣ (стр. 1129)—съ знакомъ вопроса. Новая Херсонисская надпись окончательно подтверждаетъ справедливость мнѣнія Боргези и Генцена, что Фронтонъ въ 92 г. былъ правителемъ Нижней Мезіи ⁴⁾, а не просто префектомъ флота,—и въ этомъ заключается ея главное историческое

¹⁾ Rheinl. Jahrb. стр. 34.

²⁾ Теперь въ *Oeuvres compl. de B. Borghesi*, т. III стр. 384.

³⁾ Далѣе Генценъ замѣчаетъ, что изданный имъ дипломъ усиливаетъ вѣроятность и другого предположенія Боргези,—что именно къ этому Фронтоу обращенъ стихъ Марціала (I, 55, 2): «*Clarum militiae, Fronto, togaeque decus*».

⁴⁾ Что Херсонисъ со времени подчиненія власти Рима былъ подвѣдомственъ именно правителю Нижней Мезіи, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: въ надписи Тиб. Плавція Сильвана (*Orelli № 750*) упоминается о помощи, которую онъ оказалъ Херсонису именно въ бытность легатомъ Мезіи, а въ надписи въ честь неизвѣстнаго Херсонисскаго гражданина, изданной въ нашемъ сборникѣ подъ № 196, въ числѣ прочихъ его заслугъ упоминается посольство *πρὸς τὰς Μοισίας ἀρχόνους*.

значеніе. Относительно же исторіи Херсониса мы узнаемъ изъ нея только тотъ фактъ, что при Домиціанѣ этотъ городъ находился въ такой же зависимости отъ Римскихъ правителей Мезіи, какъ и при Веспасіанѣ.

Когда именно Фронтонъ былъ назначенъ легатомъ въ Мезію и сколько времени стоялъ во главѣ управленія ею, эти два вопроса должны пока остаться безъ отвѣта, равно какъ и связанный съ ними третій,—относится ли наша надпись именно къ 92-му году, или къ одному изъ предшествовавшихъ или послѣдовавшихъ годовъ. Списки правителей Мезіи далеки отъ желанной полноты ¹⁾, а новый документъ не даетъ для отвѣта на эти вопросы никакихъ указаній ²⁾.

¹⁾ Списокъ, данный Марквардтомъ (ук. соч. стр. 148), теперь уже очень не полонъ. Изъ извѣстныхъ намъ правителей ближайшими по времени къ Фронтоу являются: C. Vettulenus Civica Serialis, правившій Мезіею въ 82 году (см. военный дипломъ, изд. И. В. Помяловскимъ въ майской книгѣ Журн. М. Н. Пр. 1880 г. и Моммзеномъ въ Ephem. epigr. т. IV, стр. 496), и Q. Pomponius Rufus, правившій въ 99 году (C. I. Lat. III, 2, стр. 863 № XX).

²⁾ Изъ прибавленія слова θεός къ императорскому титулу нельзя заключать, что надпись сдѣлана послѣ смерти Домиціана. Ср. объ этомъ замѣчанія Диттенбергера въ Hermes т. VII (1873), стр. 214 сл.

И К О Н А

СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ МОНАСТЫРЯ

И ПЕРЕДЪ НИМЪ ХРИСТА ВЪ ОБРАЗѢ НИЩАГО.

Д. Чл. Р. Е. Румянцова.

Въ собраніи иконъ покойнаго графа А. С. Уварова находится одна небольшая икона древняго письма. Эта икона писана яичными красками на левкашениной холстинѣ, срѣзана съ старой доски и наклеена на новую. На иконѣ изображенъ монастырь. Справа, передъ его воротами, нищій странникъ, босой, въ рубищѣ, съ искривленнымъ посохомъ въ рукѣ и съ крошечкою за плечами; только по надписи надъ нимъ: Іс Хс, по его лику и по золотому троечастному вѣнцу вокругъ его головы можно узнать, что этотъ странникъ—Христосъ. Онъ проситъ о чемъ-то придверника-монаха, выходящаго къ нему изъ монастырскихъ воротъ. Выше изображена внутренность игуменской кельи. Впереди за большимъ столомъ трое гостей,—судя по ихъ одеждамъ, богатыхъ и знатныхъ. Двое изъ нихъ въ шапкахъ съ собольими опушками, въ богатыхъ, обшитыхъ золотомъ кафтанахъ и опашняхъ, застегнутыхъ на груди,—одинъ съ бородою, другой молодой; послѣдній, съ позолоченою стопкою въ рукѣ, угощаетъ питьемъ сидящаго за столомъ третьяго гостя, въ такой же одеждѣ, только безъ шапки. У того же стола, справа, сидитъ игумень на складномъ стулѣ, въ мантии и клобукѣ, съ посохомъ въ рукѣ. Двое юношей прислуживаютъ: одинъ наливаетъ, другой подноситъ въ позолоченномъ ковшѣ питье игумену для угощенія гостей. Передъ игуменомъ монахъ-придверникъ, повидимому докладывающій о пришедшемъ убогомъ странникѣ. Игумень обращается къ нему съ неудовольствіемъ, показывая рукою на своихъ богатыхъ гостей. Наконецъ, слѣва у монастыря изображенъ снова тотъ же странникъ—Христосъ.

Онъ удаляется отъ монастыря и, повидимому, что-то говоритъ, обращаясь къ провожающимъ его монахамъ. Не смотря на малые размѣры, все здѣсь вырисовано очень тщательно. Лица, жесты и движенія—выразительны. Вообще, по характеру письма, эта икона имѣетъ большое сходство съ миниатюрами въ извѣстномъ лаврскомъ Житіи преподобнаго Сергія, конца XVI вѣка. Строенія монастырскія, одежды монаховъ, одежды богатыхъ и знатныхъ людей, пирующие у игумена, и другія подробности тогдашняго быта составляютъ любопытный археологическій матеріалъ, заслуживающій быть воспроизведеннымъ хромофотографически въ нашемъ изданіи.

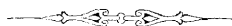
Но что означаетъ и къ какому событію или случаю относится это загадочное изображеніе?

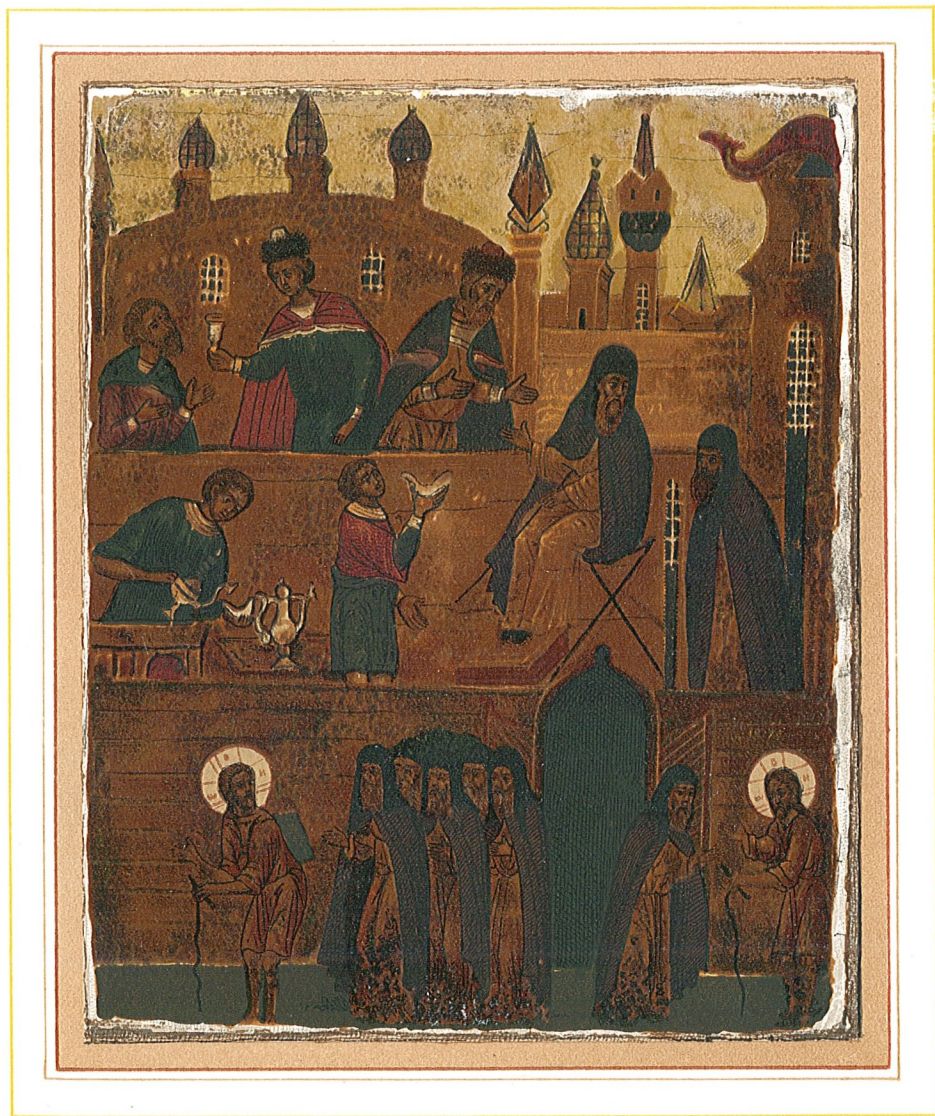
Въ древнихъ рукописяхъ XV и XVI в., а въ томъ числѣ въ большихъ Макарьевскихъ Минеяхъ Четыхъ, подъ 18 числомъ октября, въ двухъ мѣстахъ, мы встрѣчаемъ «Слово о нѣкомъ игуменѣ, егоже искуси Христосъ въ образѣ ницаго». Настоящая икона очевидно служитъ иллюстраціей этого «Слова», которое для ясности мы приводимъ цѣликомъ.

«Въ той же день (18 октября) Слово о нѣкомъ игуменѣ, егоже искуси Христосъ въ образѣ ницаго.

Общему житію бѣ нѣкто старѣйшина, игуменъ, имѣя подъ собою братій 200, иже бѣ исперва нищелюбивъ, послѣди же славолубивъ, имѣя велику любовь къ богатымъ и къ бояромъ, и отъ тѣхъ славимъ. Къ сему Господь, яко старецъ убогъ, въ монастырь вниде и рече двернику: иди ко игумену и рцы: онъ си братъ ти есть и многимъ трудомъ до тебе придохъ. И пришедъ дверникъ, обрѣте игумена съ богатыми бесѣдующа; постоявъ же мало, и извѣсти о убозѣмъ, не вѣдый, яко Христосъ есть. Игуменъ же сваряшетъ его, глаголя: не видиши ли мене съ челоуѣкы бесѣдующа, да почто еси пушалъ его? небрези нынѣ. И отъиде вратникъ. Долготерпѣливый же Господь пребываше, ожидая, дондеже приидетъ. При пятѣмъ же часѣ богатъ нѣкто прииде, егоже вборзѣ игуменъ самъ въ вратѣхъ срѣте. И ту узрѣвъ игумена съ богатыми, богатый милостію и смиренныхъ другъ Христосъ моли игумена, рекый: слово ми есть къ тебѣ, отче. Онъ же ни озрѣся, но съ богатымъ иде обѣдать, и пакы по обѣдѣ проводивъ до вратъ богатаго, и взвратися небрегъ моленія убогаго и безъзлюбиваго старца. Вечеру же бывшу, не сподобися пріяти благословенія вѣистину странна, и отъиде рекъ вратнику сице: рци игумену: понеже славѣ челоуѣчестѣй хочещи, азъ преднихъ дѣля трудовъ твоихъ и древняго житія пришелъ бѣхъ, благословенія хотя вдати тебѣ, и не восхотѣ; и се нынѣ отъ вся страны сея вельможа послю къ тебѣ, понеже требованія хочещи, благыхъ же царства моего не требуещи. И тако познася Вседръжитель Христосъ, въ образѣ ницаго пришедый. Се же слышаще, братіе, не отвращаемъ

очію отъ убогихъ, зане самъ Христосъ Вседержитель ходитъ въ образѣ нищихъ, дающей бо нищему, Христу въ руцѣ даютъ; ядущей же съ богатыми и пьюще, славохотѣніе міра сего исполняютъ, не удобъ бо есть вельбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, ни богату въ царство небесное. Азъ же, не богатство хуля, глаголю, но ихъже не умѣющихъ жити въ богатствѣ, собирающихъ съкровища и ненавидящихъ нищихъ и губящихъ свое царство и въ власть діаволу дающихъ. Молю же вы, братія моя, слышаще се, будемъ милостивы, страннопріимци, нищелюбци, да вѣчныхъ благъ сподобимся пріяти о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, емуже высылаемъ славу и державу, честь и поклонаніе святѣй, животворящій и неизреченнѣй и нераздѣлимѣй Троици, Отцю и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 233. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 27 ноября 1885 года, подъ предсѣдательствомъ В. Е. Румянцова, въ присутствіи гг. членовъ: Архимандрита Амфилохія, Н. П. Бочарова, К. А. Дубинкина, Н. В. Никитина, А. М. Павлинова, А. М. Подшивалова, Н. А. Попова, Н. М. Турбина, И. В. Цвѣтаева и секретаря Общества Д. Н. Анучина.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь Общества доложилъ слѣдующія поступившія бумаги:

а) Отношеніе епископа Уфимскаго и Мензелинскаго Діонисія, отъ 7 ноября 1885 г. за № 4.637, съ отвѣтомъ на запросъ Общества по поводу разборки стариннаго иконостаса въ Уфимской Троицкой церкви. Изъ отношенія видно, что въ означенной церкви алтарь переложень вновь по прежде снятому съ церкви плану и фасаду и покрытъ желѣзною крышею; за перестройкою же алтаря къ исправленію иконостаса приступить было невозможно, поэтому иконостасъ еще не разбирался и по настоящее время находится въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ ранѣе.—Постановлено: принять къ свѣдѣнію и передать въ Коммиссію по сохраненію древнихъ памятниковъ.

б) Отъ Тюрингенскаго Общества исторіи и древностей въ Іенѣ—съ препровожденіемъ изданій и съ просьбою объ обмѣнѣ,—что и исполнено.

в) Отъ Историческаго Общества «Онеида» въ Нью-Йоркѣ—отношеніе того же содержанія.

г) Отъ Харьковской Губернской Земской Управы отношеніе за № 7.737, съ просьбою выслать еще 10 экз. «Замѣтки о легендѣ для археологической карты Россіи». —Желаніе это исполнено.

д) Отъ э.-о. профессора Казанской Духовной Академіи Красносельцева, съ благодарностью за его избраніе въ члены-корреспонденты Общества.

е) Отъ В. И. Лѣтвицына, съ препровожденіемъ трехъ изданныхъ имъ брошюръ: 1) «Прослѣдованіе Ихъ Величествъ черезъ г. Ярославль въ 1724 году», 2) «Сапѣга въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ» и 3) «Славянскіе первоучители», каждая въ 10-ти экземплярахъ, для бібліотеки Общества и для раздачи гг. членамъ.—Постановлено: благодарить.

ж) Отъ А. А. Титова письмо на имя графини П. С. Уваровой съ указаніемъ на находящуюся на р. Сарѣ «Гору св. Маріи», гдѣ, по преданію, былъ монастырь, и съ готовностью предоставить до 150 рублей для раскопокъ на этомъ мѣстѣ.—Постановлено: благодарить и просить принять на себя попеченіе о раскопкѣ.

з) Отъ В. Чевскаго—Записка объ исторіи и древностяхъ г. Новосиля.—Постановлено: принять къ свѣдѣнію и благодарить.

и) Отъ Ѳ. Ѳ. Чекалина—съ препровожденіемъ 80 коп. за 1-й выпускъ VI т. «Трудовъ Общества», въ которомъ находится инструкція для раскопокъ кургановъ.

і) Отъ жителя мѣстечка Миръ, Новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи, Ад. Ос. Микуця, съ предложеніемъ содѣйствовать Археологическому Обществу, если его назначать блюстителемъ древностей въ Минской губерніи.—Постановлено: увѣдомить г. Микуця, что званія «Блюстителя» въ уставѣ Общества не имѣется и что Общество избираетъ въ свои члены-корреспонденты только лицъ, заявившихъ ему чѣмъ-нибудь о своей археологической дѣятельности.

к) Отъ Софуса Мюллера, представителя Королевскаго «Общества Съверныхъ Антикваріевъ» въ Копенгагенѣ, съ увѣдомленіемъ, что біографія Ворсо будетъ помѣщена въ «Мемуарахъ» означеннаго Общества.

л) Отношеніе Московскаго Губернскаго Правленія отъ 6 ноября за № 9.043, съ препровожденіемъ, въ добавленіе къ прежде присланнымъ, одного расколотаго кувшинчика и 10-ти монетъ, по опредѣленію Н. М. Турбина—царя Михаила Ѳеодоровича, нѣкоторыя съ анаграммами и съ прописью «Москва».

м) Планъ и разрѣзъ постройки новыхъ папертей въ Ѳеодоровскомъ дѣвичь-емъ монастырѣ въ Переславль-Залѣсскомъ, отъ архитектора Фрейденберга.

Постановлено: передать въ Коммиссію по сохраненію древнихъ памятниковъ.

н) Отъ В. И. Сизова—Опись вещамъ, найденнымъ въ Гнѣздовѣ при раскопкѣ большаго кургана и двухъ малыхъ.

о) Письмо профессора Кіевскаго Университета Ѳеофилактова на имя графини П. С. Уваровой, съ сообщеніемъ свѣдѣній о мѣстонахожденіи на Глубочицѣ костей человѣка, его орудій и костей хищныхъ животныхъ и съ препровожденіемъ рисунка. Постановлено: благодарить.

З. Н. В. Никитинъ предложилъ въ даръ Обществу въ полное его распоряженіе, отъ имени адмирала Н. П. Манухина (въ Севастополѣ), каменный молотокъ изъ діорита (?), найденный въ Крыму, близъ скита Анастасіи, на

р. Качъ, въ землѣ. Покойный графъ А. С. Уваровъ видѣлъ этотъ молотокъ и сказалъ, что это находка рѣдкая и имъ въ первый разъ видѣнная. Недалеко отъ мѣста нахождения молотка, въ 4—5 верстахъ отъ станціи Бахчисарайской, находятся пещерные города.—Н. В. Никитинъ представилъ собранію образцы крымскихъ діоритовъ, между которыми не встрѣчается однако породы, сходной съ той, изъ которой сдѣланъ молотокъ. Подобныя встрѣчаются у насъ только на Уралѣ, гдѣ такую породу называютъ обыкновенно серпентиномъ. Постановлено: благодарить Н. П. Манухина.

4. А. М. Подшиваловъ сообщилъ объ античной бронзовой ручкѣ отъ вазы, найденной въ одномъ курганѣ Елисаветградскаго уѣзда и бывшей на выставкѣ послѣдняго Археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Подходящій къ этой вазѣ сосудъ былъ найденъ референтомъ въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Ручка представляетъ изображеніе идущей Медузы и относится къ VI в. до Р. Х. Такъ заключаетъ референтъ изъ сравненія различныхъ изображеній Медузы въ Греціи, начиная съ древнѣйшей эпохи (VII) и кончая II стол. до Р. Х. По всей вѣроятности, она была произведеніемъ мастеровъ южной Италіи, и занесеніе ея въ Россію можетъ быть объяснено торговыми сношеніями грековъ южной Италіи съ колоніями на южномъ берегу Россіи.—Сообщеніе г. Подшивалова сопровождалось демонстрированіемъ фотографіи ручки и многихъ другихъ рисунковъ.—По поводу означеннаго сообщенія, секретарь Общества замѣтилъ, что судя по раскрашенному изображенію бронзоваго сосуда (изъ Одесскаго музея), онъ представляетъ другой цвѣтъ (патину), чѣмъ ручка, и освѣдомился по этому случаю, возможно ли допустить, что ручки сосудовъ дѣлались изъ другаго матеріала (сплава), чѣмъ самый сосудъ.

5. А. М. Павлиновъ сдѣлалъ сообщеніе о древнихъ церковныхъ сооруженіяхъ.—Наблюдая много древнихъ церквей въ натурѣ и по рисункамъ, референтъ замѣтилъ, что почти всѣ онѣ имѣютъ общій византійскій планъ, съ тѣмъ отличіемъ, что въ южныхъ и нѣкоторыхъ западныхъ русскихъ церквахъ выступъ средняго алтарнаго полукружія болѣе, нежели въ церквахъ сѣверо-восточныхъ, т. е. Владимірско-Суздальскихъ. Основываясь на отношеніи алтарныхъ выступовъ и наблюдаемой зависимости отъ этого отношенія другихъ частей зданія, референтъ пришелъ къ заключенію, что всѣ церкви, имѣющія большіе выступы средняго алтарнаго полукружія (напр. Черниговскій соборъ), въ древности крылись по аркамъ, всѣ же церкви, представляющія сравнительно малый алтарный выступъ, имѣли фронтонныя покрытія, что и относится, главнымъ образомъ, къ Владимірско-Суздальскому краю.—По поводу этого сообщенія (сопровождавшагося представленіемъ многихъ рисунковъ) Н. В. Никитинъ замѣтилъ, что фронтонныя покрытія объясняютъ назначеніе полуколоннъ Суздальскихъ церквей, которое до сихъ поръ было непонятно.

6. Н. М. Турбинъ сообщилъ «О монетахъ великаго князя Дмитрія Георгіевича (Юрьевича) и времени, въ которомъ онъ битъ» (подробно въ приложеніи № 1).

7. В. Е. Румянцовъ доложилъ три замѣтки, доставленныя А. К. Жизневскимъ: а) «Замѣчательный каменный топоръ, найденный на берегу р. Волги.

близъ с. Терешкова, Зубцовскаго уѣзда (съ рисункомъ)», —б) «Слѣды столянки человека каменнаго вѣка у г. Твери» и—в) «Поличное (corpus delicti) XVI вѣка» (подробно въ приложеніи № 2).—Постановлено: благодарить.

8. Письмо А. В. Прахова на имя граф. П. С. Уваровой, отъ 25 ноября, съ увѣдомленіемъ, что согласно предложенію графини онъ готовъ сообщить о найденномъ въ Кіевѣ кладѣ, но считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ разсказать о всѣхъ своихъ работахъ по открытію фресокъ и мозаикъ за шестилѣтній срокъ, на что потребуется, вѣроятно, два вечера, при чемъ второй вечеръ предполагается посвятить изложенію теоретическихъ взглядовъ и вопросовъ относительно значенія Византійскаго искусства и потребностей русской церковной археологіи. Свои рефераты г. Праховъ намѣренъ сопровождать демонстрированіемъ копій съ фресокъ и мозаикъ и другими рисунками. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

О монетахъ В. К. Дмитрія Георгіевича (Юрьевича)
и времени, въ которомъ онѣ биты.

Въ описаніи монетъ Чертова (ст. 66, № 136, Таб. XIX, ф. 10) и Сахарова (ст. 57, № 54) описана монета В. К. Василія Васильевича Темнаго, съ изображеніемъ: на одной сторонѣ—всадника, князя, скачущаго направо и колющаго копьемъ голову змѣи; по сторонамъ князя—буквы: позади **К**, впереди **Н**; вокругъ надпись: «кнѣз велики дмитрей». На другой сторонѣ одна только надпись: «кнѣз велики васлени».

Эта монета извѣстна у нумизматовъ подъ названіемъ «союзной». Для разъясненія вопроса, кому эта монета принадлежитъ, обратимся къ лѣтописи.

По Софійскому Временнику (изданному Павломъ Строевымъ въ Москвѣ въ 1820 году) совмѣстнаго царствованія В. К. Василія Васильевича Темнаго и Дмитрія Юрьевича не было, а значитъ, что 14 февраля 1446 года князь Дмитрій Юрьевичъ Галичскій съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ, воспользовавшись отъѣздомъ В. К. Василія Васильевича изъ Москвы въ Троицко-Сергіевскую Лавру, овладѣли Москвою и князь Дмитрій Юрьевичъ сѣлъ на великокняжескій престолъ. Князь Иванъ Андреевичъ былъ посланъ захватить въ плѣнъ В. К. Василія Васильевича, что и было имъ исполнено. Великій Князь былъ привезенъ въ Москву, ослѣпленъ и отправленъ въ Угличъ въ заточеніе. Семейство В. К. Василія, получивши отъ В. К. Дмитрія Юрьевича, черезъ митрополита Іону, обѣщаніе, что ему съ В. К. будетъ дарована свобода, прибыло въ Угличъ, но Дмитрій Юрьевичъ не сдержалъ своего слова, приказавъ заключить и семейство.

Въ началѣ слѣдующаго года, 1447, митрополитъ Іона, мучимый совѣстью, что черезъ него все семейство съ В. К. томится въ заточеніи, совмѣстно съ боярами уговорилъ В. К. Дмитрія Юрьевича освободить В. К. Василія. Дмитрій Юрьевичъ, убѣждаемый совѣтами, самъ поѣхалъ въ Угличъ, гдѣ и состоялось примиреніе великихъ князей. Дмитрій Юрьевичъ далъ при этомъ Василію Васильевичу въ удѣлъ городъ Вологду. По пути въ Вологду,

въ Твери, приверженцы В. К. Василя Васильевича уговорили его не ѣздить далѣе, а вернуться въ Москву и сѣсть на прародительскій великокняжескій престолъ. Узнавъ объ этомъ, Дмитрій Юрьевичъ выступилъ съ Иваномъ Андреевичемъ изъ Москвы противъ В. К. Василя. По выступленіи ихъ изъ Москвы, московскіе приверженцы В. К. Василя, 25 декабря 1447 года, захватили городъ. Дмитрій Юрьевичъ, получивъ вѣсть объ этомъ, бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ и былъ отравленъ.

Принимая въ соображеніе сказаніе лѣтописи, видно, что В. К. Василій Васильевичъ не имѣлъ возможности дѣлать какія либо распоряженія бить монету въ то время, когда Дмитрій Юрьевичъ сидѣлъ на Московскомъ великокняжескомъ престолѣ. И потому монета, называемая союзною, была бита въ Москвѣ В. К. Дмитріемъ Юрьевичемъ и принадлежитъ ему, какъ Великому Князю Московскому. Самое изображеніе на монетѣ подтверждаетъ принадлежность ея Дмитрію Юрьевичу: на лицевой сторонѣ изображенъ всадникъ,—несомнѣнно В. К., что выражено и буквами по сторонамъ всадника—**К Н**, и затѣмъ надпись указываетъ, кто этотъ князь: «кнѣзь велики дмитрей». Что касается обратной стороны, то нужно замѣтить, что Дмитрій Юрьевичъ былъ не такой человекъ, который бы пренебрегъ политическими видами и настроеніемъ Москвы, а потому-то, сохранившему еще титулъ Великаго Князя, Василю Васильевичу онъ и далъ мѣсто на обратной сторонѣ. Несомнѣнно, что эта монета бита была только до того времени, пока Дмитрій Юрьевичъ не рѣшилъ, что сдѣлать съ В. К. Василемъ, т. е. эта монета бита въ 1446 году. А затѣмъ, давъ Василю Васильевичу Темному удѣлъ въ Вологдѣ, Дмитрій Юрьевичъ, уже не заботясь о настроеніи Москвы и политики, бьетъ монеты съ однимъ своимъ именемъ, что и выразилось въ ряду монетъ, описанныхъ у Сахарова, стр. 57, № 55: лицевое изображеніе то же, что и на такъ называемой союзной, съ тою же надписью: «кнѣзь велики дмитрей»; на обратной сторонѣ, вмѣсто надписи: «кнѣзь велики василіи» — изображенъ князь, сидящій на престолѣ, передъ нимъ стоитъ человекъ. Эта монета, весьма рѣдкая, есть, конечно, первая по времени, битая послѣ возвращенія Дмитрія Юрьевича изъ Углича въ Москву, т. е. ее нужно отнести къ началу 1447 года, потому именно, что въ ней штампъ лицевой стороны сохраненъ безъ измѣненія, а только штампъ обратной стороны замѣненъ эмблемою доступности В. К. всякому, ищущему у него заступничества и правды. Затѣмъ слѣдующія по времени, битыя 1447 года, можно признать монеты, описанныя у Черткова, стр. 115, № 226, таб. XIII, ф. 2; стр. 114, № 225, таб. XIII, ф. 1 и приб. III, стр. 34, № 471, таб. XXIV, ф. 6.

На первой: на лицевой сторонѣ изображенъ скачущій князь, направо, подъ конемъ—змѣй; штампъ лицевой стороны, значитъ, новый; обратная сторона имѣетъ ту же надпись: «кнѣзь велики дмитрей»; на второй: лицевая сторона—князь на престолѣ, съ птицей, соколомъ, на рукѣ, и вокругъ надпись: «кнѣзь велики дмитрей»; обратная сторона: человекъ съ саблей въ одной рукѣ и сѣкирой въ другой, надпись затерта (въ нашей коллекціи этой монеты не имѣется); и наконецъ послѣдняя,—по нашему мнѣнію, битая въ ближайшемъ къ декабрю 1447 года мѣсяцѣ,—есть вѣнецъ политической

великокняжеской дѣятельности Дмитрія Юрьевича, имѣющая на одной сторонѣ всадника, князя (Московского), направо, колющаго змѣя; вокругъ надпись: «князь дмитрій юрьевичъ»; на другой: всадникъ (Литовскій) съ саблею, налѣво, кругомъ надпись: «осподарь земли рускѣ». И такъ, Дмитрій Юрьевичъ въ началѣ своего великокняженія въ 1446 году, ради политики, не отдѣляетъ своего имени отъ В. К. Василія; въ 1447 году именуетъ уже себя единственнымъ Великимъ Княземъ и въ концѣ 1447 года принимаетъ титулъ осподаря земли Рускѣ. А потому всѣ описанныя монеты должны быть записаны въ каталоги монетъ великокняжескихъ, отдѣльно отъ удѣльнаго князя Галича, Дмитрія Юрьевича.

Что касается монетъ Дмитрія Юрьевича, какъ удѣльнаго князя Галича, то извѣстна только одна, описанная Чертковымъ, стр. 114, № 223, таб. XII, ф. 12. На одной сторонѣ: князь на престолѣ, направо, лѣвая рука поднята, въ правой мечъ; по сторонамъ буквы: **К. Н.** На другой: «кнзъ дмитрій юрьевичъ»; и эту монету положительно нельзя къ нему отнести, а въ равной степени и брату его, Дмитрію Юрьевичу Красному. Но во всякомъ случаѣ, монета эта бита до 1446 года, потому что Дмитрій Красный умеръ въ 1440 году, а Дмитрій Юрьевичъ Шемяка въ 1446 году сѣлъ на Московскій великокняжескій престолъ и затѣмъ уже не возвратился въ Галичъ.

Великій Князь Дмитрій Юрьевичъ первый изъ Великихъ Князей Московскихъ принялъ титулъ Осподаря въ 1447 году, что и выражено на монетѣ его. А потому монеты В. К. Василія Васильевича Темнаго съ подписями «Осподаря» и «Осподари» должны быть отнесены ко времени, начиная съ 1448 и позже, какъ подражаніе и заимствованіе титула отъ Дмитрія Юрьевича. Затѣмъ В. К. Василій Васильевичъ титулъ Осподаря съ монетъ перенесъ и на свои грамоты, и только въ первый разъ въ грамотѣ 1451 года называетъ себя Господаремъ, а слѣдовательно ранѣе 1448 года, т. е. ранѣе принятія титула Осподаря Дмитріемъ Юрьевичемъ, В. К. Василій и не принималъ этого титула даже въ монетахъ. А потому намъ кажется, что все громадное число разнообразныхъ монетъ В. К. Василія Васильевича можно раздѣлить на два періода: битыхъ съ 1425 по 1446 годъ и 1448 по 1462 годъ, а именно: всѣ монеты, не имѣющія титула Осподаря или Осподари, биты до 1446 года, и всѣ монеты съ титулами Осподарь и Осподари—биты въ періодъ времени съ 1448 по 1462 годъ.

Н. Турбинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

а) Замѣчательный каменный топоръ.

28 октября 1885 года приобрѣтено для Тверскаго музея каменное орудіе, имѣющее видъ топора, съ закругленнымъ нижнимъ концомъ острія. Топоръ этотъ сдѣланъ изъ плиты твердаго желѣзистаго, глинистаго сланца; толщиною онъ $\frac{3}{4}$ вер., имѣетъ въ длину $4\frac{1}{2}$ верш.,—въ томъ числѣ трех-

гранная ручка, длиною $1\frac{3}{4}$ вер., служившая, вѣроятно, для прикрѣпленія его къ топоричу; лезвіе топора длиною $3\frac{1}{2}$ вер. Оно образовано пересѣченіемъ двухъ граней подъ угломъ 35° , посредствомъ обтачиванія плиты съ одной стороны. Этотъ топоръ найденъ на берегу р. Волги, близъ села Терешкова, Zubцовскаго уѣзда (№ 2825).

б) Слѣды стоянки человѣка каменнаго вѣка у г. Твери.

Въ августъ и октябрѣ мѣсяцахъ 1885 г. приобрѣтено для Тверскаго музея 34 каменныхъ орудія, изъ нихъ 4 найдены въ Твери, на лѣвомъ берегу р. Волги, и 30 у самаго города, близъ Барминской слободки, на лѣвомъ же берегу р. Волги, на бугрѣ, выше дер. Константиновки. Первые три кремневыхъ наконечника копій, одинъ—105 миллиметровъ длины и 35 ширины, бѣловатаго цвѣта; другой, чернаго цвѣта, 103 мил. длины и 40 ширины, и 3-й желтоватаго цвѣта (одна только половина)—шириною 35 мил. Куплены въ Твери, у мѣщанина Дм. Никол. Дятлова, по словамъ котораго, одинъ наконечникъ—громовая стрѣла—найденъ на берегу р. Волги, противъ церкви Филиппа Апостола; другой—въ подпольѣ дома его на берегу Волги, и третій—въ полѣ, послѣ громоваго удара. Вторымъ наконечникомъ (утверждаетъ продавецъ) онъ вылѣпилъ сына, у котораго было два горбика, дѣлая имъ наколы на тѣлѣ (№№ 2742—2744). Каменный наконечникъ копья, въ видѣ стрѣлы, съ зубчиками, по одному съ каждой стороны, длиною 83 и шириною 40 миллим., изъ бурога кремня. Найденъ на лѣвомъ берегу р. Волги, противъ Троицкой церкви. (№ 2769).

Долото изъ бѣловатаго кремня, въ видѣ треугольника, шириною 48 и вышиною 70 миллим. (№ 2786).

Пять ножиговъ: первые два темнаго кремня, длиною по 70 миллим., шириною одинъ 15, а другой 20 миллим., третій и четвертый красноватаго кремня, одинъ съ отломаннымъ концомъ, длиною 85 и шириною 12 мил. и пятый—дымчатаго цвѣта, полупрозрачный, длиною 63, шириною 18 миллим. (№№ 2787-2791).

Кремневая игла, длиною 82 мил., шириною по срединѣ 15 мил., обломокъ кремневаго ножа, длиною 57 и шириною 24 мил., ножикъ изъ бурога кремня, длиною 67, шириною 17 мил., ножъ длиною 75 и шириною 45 мил., ножъ съ обломанными концами, длиною 60 и шириною 40 мил., пять скребковъ: три изъ темноватаго кремня, длиною одинъ 57 и шириною 35 мил., другой длиною 50 и шириною 37 мил. и третій длиною 33 и шириною 35 мил., и два бурога цвѣта: одинъ длиною 55 и шириною 32 мил., другой длиною 57 м. и шириною 30 мил., три наконечника стрѣлъ: одинъ длиною 55 и другой 40 мил., съ отломаннымъ остріемъ (№№ 2797—2809) и девять кремневыхъ ножей и ножиговъ; изъ нихъ:

1-й	длинною	85 миллим.,	шириною	38 миллим.
2-й	«	60	«	40

3-й	длиною	55	миллим.	шириною	38	миллим.
4-й	«	42	«	«	30	«
5-й	«	60	«	«	15	«
6-й	«	58	«	«	35	«
7-й	«	45	«	«	28	«
8-й	«	57	«	«	22	«
9-й	«	45	«	«	13	«
(№№ 2813-2821).						

Обломок осколка отъ каменнаго ножа, длиною 55 миллим. и шириною 25 миллим. (№ 2822).

На песчаномъ бугрѣ, вдающемся въ Волгу, на которомъ найдены означенные 30 каменныхъ орудій, попадаются небольшіе обломки костей, повидимому, современныхъ каменнымъ ножамъ. Наступившіе морозы помѣшали сдѣлать на этомъ мѣстѣ раскопки.

В) Поличное (corpus delicti) XVI вѣка.

Въ описи Тверскаго музея записано: подъ № 2775-2784. Обрѣзки серебряныхъ денегъ, въ количествѣ 30 обрѣзковъ, въ видѣ молодаго мѣсяца, длиною отъ 16 до 19 миллиметровъ и шириною отъ 3 до 5 мил., вѣсомъ каждый около $3\frac{1}{2}$ гранъ. Эти обрѣзки отняты отъ денегъ: а) пяти Новгородскихъ, показанныхъ у Черткова № 286, т. XVIII, ф. 5; б) одной № 304, т. XVIII, ф. 9; в) шести Псковскихъ № 312, т. XIX, ф. 4, г) одной № 312, вариантъ, на обѣихъ сторонахъ четвероногое; д) семи № 316, т. XIX, ф. 5; е) одной вариантъ 316 съ буквою е, у графа Чапскаго № 308; ж) трехъ Великаго Князя Московскаго Ивана Васильевича III, у Черткова № 96, таб. V, ф. 6; з) одной Велик. Князя Василя Ивановича № 109, т. VI, ф. 4; и) четырехъ В. Кн. Ивана Васильевича съ татарскою надписью, № 121, т. VI, ф. 8 и і) одной № 128, т. VII, ф. 2. По чистотѣ всѣхъ этихъ обрѣзковъ и вполнѣ сохранившемуся на нихъ чекану можно заключить, что они отрѣзаны отъ новыхъ монетъ, еще мало бывшихъ въ обращеніи. Означенные обрѣзки найдены въ г. Старицѣ, на берегу р. Волги, въ глиняной кубышечкѣ, вмѣстѣ съ серебряными слитками, изъ коихъ на одномъ, вѣсомъ въ 5 зол., предназначавшемся къ переливкѣ, сохранилось изображеніе креста съ выступами. Эти предметы могутъ быть приняты за поличное (corpus delicti) преступныхъ дѣйствій, совершаемыхъ въ XVI столѣтіи серебряниками, портившими монету, обрѣзывая ее, о каковомъ преступленіи въ лѣтописи подъ 1536 годомъ говорится: «они же въ толико безуміе пришедше, яко половину у всякія деньги отрѣзати и ту же гривенку доспѣти въ пятасть денегъ и больші: тѣмъ злымъ обычаемъ клятвы и злыхъ словесъ и пренія злаго всю землю наполниша. И государь князь великій Иванъ Васильевичъ и его мати благовѣрная княгиня Елена, помысли съ своими бояры, повелѣша тѣ рѣзаныя деньги заповѣдати не торговати, а сливати ихъ въ серебро и дѣлати новыя деньги безо всякаго примѣса». (Описаніе Русскихъ монетъ Черткова, стр. 54).

А. Жизневскій.

ГОРОДСКАЯ ДЕНЬГА ДОСЕЛѢ НЕИЗВѢСТНАЯ.

Въ описи подѣ № 2812 записано: Серебряная деньга Тверскаго Великаго Князя Ивана Михайловича. На лицевой сторонѣ изображеніе Кентавра налѣво, съ короною на головѣ, и на оборотѣ круговая надпись: «КН. ВЕЛ. ГОГО ІВ (АНА ¹⁾) и по срединѣ двѣ буквы «ГО», составленныя изъ точекъ или бусъ. Эти буквы означаютъ не что иное, какъ слово «Городенскъ», что подтверждается и другими Городенскими монетами Великаго Князя Ивана Михайловича, изъ коихъ на мѣдномъ пулѣ, описанномъ у Черткова подѣ № 149, изображенъ тотъ же Кентавръ, который также встрѣчается и на другихъ Тверскихъ монетахъ Бориса Александровича (у Шодуара № 3167 и въ описаніи Тверскаго музея вариантъ этой монеты). Монета круглая, въ діаметрѣ 14 миллиметровъ, вѣситъ 12 гранъ.

А. Жизневскій.

№ 234. Протоколъ экстреннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 10 декабря 1885 г., подѣ председательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, Н. В. Никитина, В. О. Ключевского, А. М. Павлинова, А. С. Павлова, В. Е. Румянцова, В. И. Сизова, И. О. Токмакова, С. А. Усова, И. В. Цвѣтаева и тов. секр. А. В. Орѣшникова.

Тов. секретаря доложилъ отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 17 ноября 1885 г., съ извѣщеніемъ о разрѣшеніи собрать на предстоящихъ Рождественскихъ ваканціяхъ Предварительный Комитетъ по устройству предполагаемаго въ 1887 г. VII Археологическаго съѣзда въ Ярославѣ; послѣ чего графиня П. С. Уварова заявила, что И. Е. Забѣлинъ, избранный въ председатели Предварительнаго Комитета, чрезъ В. И. Сизова заявилъ о невозможности, по случаю своей болѣзни, принимать участіе въ предварительныхъ работахъ по устройству съѣзда, впредь до выздоровленія. Въ виду необходимости вскорѣ приступить къ созванію Предварительнаго Комитета, гр. П. С. Уварова предложила, на время окончательнаго выздоровленія Забѣлина, посредствомъ баллотировки, избрать исправляющаго должность председателя, а о послѣдующемъ выборѣ извѣстить И. Е. Забѣлина письмомъ. Въ послѣдовавшей за тѣмъ баллотировкѣ большинствомъ голосовъ избранъ В. Е. Румянцовъ. День, наиболѣе удобный для собранія представителей разныхъ ученыхъ обществъ, университетовъ и проч., назначенъ на 8-е января 1886 г., о чемъ опредѣлено разослать всѣмъ приглашенія. Затѣмъ засѣданіе было закрыто.

№ 235. Протоколъ двухъ обыкновенныхъ засѣданій Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, происходившихъ 19 и 20 декабря въ зданіи Историческаго Музея, подѣ председательствомъ графини П. С. Ува-

¹⁾ Въ другомъ полукружій.

ровой, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Н. П. Бочарова, К. А. Дубинкина, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго, А. А. Мартынова, Н. В. Никитина, М. В. Никольскаго, А. М. Павлинова, Н. М. Подшивалова, В. К. Попандопуло, А. П. Попова, А. В. Прахова, В. Е. Румянцова, И. Θ. Токмакова, Н. М. Турбина, И. В. Цвѣтаева и и. д. Секретаря Общества В. И. Сизова.

Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

Предсѣдатель доложилъ собранію о полученіи отъ Министра Народнаго Просвѣщенія разрѣшенія на открытіе въ Москвѣ, въ теченіи Рождественскихъ вакацій, засѣданій Предварительнаго Комитета для выработки программы VII Археологическаго сѣзда въ г. Ярославлѣ.

В. К. Попандопуло, извѣщая о горестной утратѣ, постигшей Общество въ лицѣ почившаго въ Ялтѣ послѣ тяжелой болѣзни Ивана Даниловича Мансветова, сообщилъ краткія свѣдѣнія объ ученыхъ занятіяхъ и печатныхъ трудахъ покойнаго, а также напомнилъ гг. членамъ Общества объ его многолѣтнемъ служеніи Обществу въ качествѣ секретаря. Общество съ чувствомъ глубокой печали выслушало это извѣстіе о кончинѣ И. Д. Мансветова.

Послѣ этого А. В. Праховъ приступилъ къ изложенію своего реферата о новооткрытыхъ имъ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора и фрескахъ Кирилловскаго монастыря.

Прежде всего референтъ сообщилъ о значеніи вообще Византійскаго искусства, которое долго, со стороны изученія, оставалось какъ бы въ забвеніи и только, сравнительно, въ недавнее время возбудило къ себѣ интересъ ученыхъ. Между тѣмъ это искусство оказало важную услугу тѣмъ, что установило каноническіе типы христіанскихъ легендъ, и въ то же время способствовало, главнымъ образомъ, развитію живописи.

Проведя параллель между искусствомъ языческой Эллады и христіанской Византіи,—г. Праховъ находилъ, что и то и другое искусство развивалось благодаря тѣмъ же художественно-творческимъ силамъ грека,—только идеалы искусствъ измѣнялись: такъ идеаломъ языческаго грека были красота формъ, сила, здоровье, а потому и божества древней Греціи отличались красотой своихъ формъ, тѣлеснымъ совершенствомъ. Для воплощенія этихъ идеаловъ въ искусствѣ Греки избрали ваяніе, передающее ясно формы тѣла.

Христіанство, задавшись другими идеалами, нуждалось и въ другомъ искусствѣ: о красотѣ формъ здѣсь не было помину; христіанскому искусству нужно было приспособиться къ повѣствованію, къ изображенію внутреннихъ движеній души,—вотъ почему излюбленнымъ христіанскимъ искусствомъ стала живопись.

Имѣя въ виду важность вліянія византійской живописи на Русь, референтъ считалъ необходимымъ, для уясненія этого вліянія, рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

1. Въ какомъ періодѣ своего развитія перешло византійское искусство въ Россію? 2. Что вложили въ это искусство мы?

Обращаясь затѣмъ къ памятникамъ, для рѣшенія перваго вопроса г. Праховъ находилъ, что важнѣйшимъ памятникомъ византійскаго искусства

въ Россіи можно считать храмъ св. Софіи въ Кіевѣ, оконченный Ярославомъ въ 1049 году. Дальнѣйшая судьба этого храма, какъ и большей части подобныхъ памятниковъ, представляетъ, по словамъ референта, настоящую мартирологию. Только со времени Императора Николая принялись за серьезную реставрацію этого храма, но эта реставрація еще и до сихъ поръ продолжается.

Во время производства послѣднихъ работъ по реставраціи, г. Прахову удалось опредѣлить значеніе южной башни, какъ позднѣйшей пристройки; кромѣ того, открылась возлѣ этой башни каморка съ фресками, содержаніе которыхъ даетъ право предполагать, что каморка эта служила баптистеріемъ; въ то же время г. Праховъ сдѣлалъ открытіе въ куполѣ, подъ тройнымъ слоемъ краски, слѣдующихъ мозаичныхъ изображеній: Спасителя, Ангела и двухъ фигуръ меньшаго размѣра—св. апостола Павла и св. Аарона.

Спаситель заключенъ въ радужномъ кругѣ и представляетъ, по всему вѣроятію, премудрость Божию, въ честь которой и заложенъ самый храмъ.

Демонстрируя эти изображенія, г. Праховъ указалъ, между прочимъ, на яркость мозаичныхъ тоновъ, на роскошь и красоту одѣянія въ особенности на изображеніи ангела—вѣстника, держащаго въ лѣвой рукѣ *labarum*.

Обращая вниманіе на художественное достоинство этихъ мозаикъ, референтъ находилъ, что эти памятники искусства византійскаго относятся къ періоду его процвѣтанія, а такимъ опредѣленіемъ и разрѣшается поставленный референтомъ первый вопросъ.

Отвѣтомъ на второй вопросъ можетъ служить выводъ изъ изученія того художественнаго матеріала, который заключается въ фрескахъ Кирилловскаго монастыря.

Относя эти фрески къ XII вѣку, г. референтъ находилъ въ нихъ признаки русскаго художественнаго творчества, умѣвшаго внести свое живое слово въ византійское искусство. Доказательствомъ этому служатъ не только русскія надписи, но и особенности въ сочиненіи фресокъ. Указанный г. референтомъ цѣлый рядъ фресокъ относится къ житію св. Кирилла Александрійскаго; главнѣйшіе эпизоды житія этого святаго г. Праховъ нашелъ умѣстнымъ напомнить гг. членамъ Общества, при чемъ указалъ, какія уклоненія отъ этого житія находятся въ самихъ фрескахъ.

Костюмъ царя въ короткомъ платьѣ на одной фрескѣ, по мнѣнію г. референта представляетъ сходство съ русскимъ княжескимъ костюмомъ.

Вообще же для болѣе обширной разработки этого втораго вопроса необходимо изученіе сохранившихся памятниковъ стѣнописи. Въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ представляетъ Нередицкая церковь, вполне сохранившаяся; постановка же и разработка этого вопроса, по мнѣнію г. референта, представляетъ лучшую задачу для русскихъ археологовъ. Послѣ смерти графа А. С. Уварова задача эта, по мнѣнію г. референта, принадлежитъ всецѣло Московскому Археологическому Обществу.

Въ заключеніе своего втораго чтенія, г. Праховъ демонстрировалъ рисунки древнихъ вещей, недавно найденныхъ въ Кіевѣ при копаніи канавы для фундамента на землѣ г. Ясикорскаго, близъ Софійскаго храма (въ томъ же

районѣ, гдѣ были найдены первые два клада). Кладъ этотъ, вложенный въ глиняный кувшинъ, состоялъ изъ ста пятинадцати вещей, между которыми нужно отмѣтить серебряныя гривенки, въ формѣ слитковъ ромбическаго вида, въ $48\frac{1}{2}$ золотн. вѣсомъ. По мнѣнію референта, слитки этой формы употреблялись въ Южной Россіи до XIII вѣка; въ кладѣ найдены были также серебряныя шейныя гривны, а также и остатки головного женскаго убора или діадимы, составленной на желѣзномъ прутѣ изъ серебряныхъ полуцилиндриковъ; къ тому же убору надъ ушами прикрѣплялись найденныя здѣсь золотыя привѣски съ эмалью; послѣднее украшеніе объясняетъ, по мнѣнію референта, пословицу: «у двѣушекъ уши завѣшаны золотомъ». Серебряныя привѣски въ формѣ серегъ привѣшивались, по мнѣнію референта, къ передней части головного убора. Весь этотъ кладъ, по мнѣнію референта, относится къ XIII-му вѣку—ко времени нашествія татаръ.

В. О. Ключевскій замѣтилъ г. референту, что гривны кунъ, вѣсомъ въ $48\frac{1}{2}$ золот., могли встрѣчаться не позже 1146 года, а потому и самый кладъ можно отнести къ болѣе древнему времени, чѣмъ XIII вѣкъ. В. И. Сизовъ, на основаніи характера орнамента вещей, относилъ кладъ также къ болѣе раннему времени.

№ 236. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 11 января 1886 года, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, Д. Н. Анучина, Н. П. Бочарова, К. А. Дубинкина, В. О. Ключевскаго, М. В. Никольскаго, А. П. Попова, А. М. Павлинова, А. М. Подшивалова, В. К. Попандопуло, Б. Е. Румянцова, В. И. Сизова и товарища секретаря А. В. Орѣшникова.

1. Читаны и подписаны протоколы предыдущихъ засѣданій.

2. Товарищъ Секретаря доложилъ слѣдующія, поступившія въ Общество, бумаги:

а) Письмо наблюдателя Главной Физической обсерваторіи Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи А. Микуца, съ просьбою о высылкѣ Устава Общества.

Опредѣлено: просьбу удовлетворить.

б) Письмо предсѣдателя Комитета Ростовскаго музея древностей В. Д. Левшина, отъ 6 января 1886 года, съ предложеніемъ избрать въ члены Общества Н. Θ. Орлова, какъ полезнаго дѣятеля по возстановленію зданій Ростовскаго кремля.

Опредѣлено: предложить г. Орлова къ баллотировкѣ въ члены-корреспонденты Общества въ слѣдующее экстренное засѣданіе.

в) Письмо директора Тюменскаго реальнаго училища Ив. Як. Словцова, отъ 19 декабря 1885 года, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ окрестностяхъ Тюмени имѣется много интересныхъ песчаныхъ мысовъ и древнихъ городищъ съ остатками каменныхъ орудій; для производства раскопокъ онъ проситъ дать инструкціи и, какъ предлагалъ Д. Н. Анучинъ, избрать его въ члены-корреспонденты Общества.

Определено: по избраніи его въ члены-корреспонденты, выслать отъ Общества разрѣшеніе на раскопки.

г) Письмо г. Сементовскаго, съ 8 дополненіями къ «Матеріаламъ для Археологическаго Словаря», помѣщеннымъ въ X т. Древностей.

Определено: передать въ Редакціонный комитетъ.

д) Благодарность отъ военнаго губернатора Семирѣченской области за высланныя изданія Общества.

3) В. И. Сизовъ сообщилъ вкратцѣ о дѣятельности, какъ археолога, недавно умершаго члена Общества А. И. Кельсіева, затѣмъ сдѣлалъ докладъ о произведенныхъ имъ лѣтомъ прошлаго 1885 года раскопкахъ въ Рославльскомъ и Ельнинскомъ уѣздахъ Смоленской губерніи, предпринятыхъ имъ съ цѣлью найти связь между Кривичами и Радимичами.

Раскопанные курганы референтъ относитъ къ обряду обыкновеннаго погребенія; кости лежатъ головами на западъ, при чемъ женщины лицомъ кверху. Въ курганахъ, лежащихъ на югъ отъ Рославля, по теченію рѣки Ипути, г. Сизовымъ замѣчена особенность въ погребеніи: кости мужчинъ лежатъ головами къ востоку, женщины по прежнему, т. е. головами къ западу. Сверхъ того, въ курганахъ Ельнинскаго уѣзда погребеніе трупа было на материкѣ, въ насыпи; въ курганахъ же лежащихъ къ югу видно, что покойники обертывались въ березовую кору, клялись въ ямы вырытыя въ материкѣ, причемъ попадаются остатки гробовъ и срубовъ. Не рѣшаясь дѣлать окончательнаго вывода объ этнографическомъ значеніи обряда погребенія, В. И. сообщилъ за тѣмъ одно преданіе, записанное г. Рокачевскимъ въ его книгѣ: «Исторія города Рославля», гласящее, что близъ Рославля въ деревнѣ Сидоркахъ жилъ богатырь Сидорка, рубившій лѣсъ своей сѣкирой; когда сѣкира ему надоѣла, то онъ ее перебросилъ въ деревню Радичи, богатырю той деревни Радѣ. Рада бросилъ въ это время свою сѣкиру въ Сидорку и оба богатыря одновременно убили другъ друга. Изъ этого преданія В. И. Сизовъ дѣлаетъ выводъ, что оно намекаетъ на то время, когда началась вырубка лѣсовъ и стала заселяться мѣстность. Какъ на особенность въ географическихъ именахъ этой мѣстности, г. Сизовъ указалъ на окончаніе чи, которое имѣютъ многія села и деревни: напр. Радичи, Доброносици. Переходя за тѣмъ къ опредѣленію границъ двоихъ замѣченныхъ въ Смоленской губерніи обрядовъ погребенія: обыкновеннаго и трупосожженія, референтъ указалъ, что послѣднее встрѣчается около Смоленска и до озера Сопши, и идя на сѣверъ отъ Порѣчья, соприкасается съ погребеніемъ обыкновеннымъ. На сѣверо-востокъ отъ Смоленска граница трупосожженія идетъ по рѣкѣ Вопи, и на югъ, на разстояніи 25 верстъ. Самый процессъ трупосожженія въ большомъ Гнѣздовскомъ могильникѣ, судя по тѣмъ даннымъ, которыя были добыты изъ раскопокъ, происходилъ не на назначенномъ мѣстѣ погребенія, а въ сторонѣ, и полученный пепелъ и кости клялись въ урну, которая и засыпалась; иногда сжигали и на самомъ мѣстѣ погребенія, что видно изъ одного примѣра въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, который въ другихъ мѣстахъ былъ явленіемъ обыкновеннымъ. Разматривая самые предметы находокъ референтъ нашелъ, что по нимъ можно было заключить о способѣ погребенія, путемъ ли трупосожженія, или обыкновен-

наго, и сдѣлать выводъ, что курганы съ кострищами древнѣе послѣднихъ. Опредѣленіемъ эпохи насыпки кургановъ служатъ находимыя въ нихъ монеты: въ курганахъ съ трупосожженіемъ попадаются арабскія диргеми X вѣка, а въ послѣднихъ XI вѣка, или же иногда X вѣка; то въ этихъ случаяхъ монета имѣетъ ушко, показывающее, что она служила украшеніемъ, какъ старая.

Наконецъ самый характеръ предметовъ, находимыхъ въ тѣхъ и другихъ курганахъ, различный. Въ курганахъ съ трупосожженіемъ попадаютъ предметы домашняго быта, также иногда копья, мечи и очень часто стрѣлы; курганы же съ обыкновеннымъ погребеніемъ не имѣютъ вещей домашняго быта, но заключаютъ въ себѣ сѣкиры, топоры, вообще оружіе. Существованіе сѣкиръ въ XI вѣкѣ г. Сизовъ подтвердилъ лѣтописью. Отсутствие трупосожженія на югъ отъ г. Ельни референтъ объяснилъ распространеніемъ христіанства въ этой мѣстности.

4) Д. Н. Анучинъ сообщилъ результатъ своихъ изслѣдованій надъ костями, присланными Д. И. Эварницкимъ изъ его раскопокъ въ Екатеринославской губерніи, отчетъ о которыхъ былъ читанъ въ Обществѣ.

Докладъ подробно показанъ въ приложеніи.

За тѣмъ Д. Н. Анучинъ демонстрировалъ присланныя г. Фелицынымъ фотографіи изслѣдованныхъ имъ дольменовъ въ Кубанской области, Майкопскомъ и Баталпашинскомъ уѣздахъ. Раскопки г. Фелицина знакомятъ насъ съ особымъ типомъ каменныхъ гробницъ, дольменами, которые въ западной Европѣ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ—въ Англіи, Германіи, Франціи, Испаніи и сѣвернѣе—въ Даніи. Въ сочиненіи Фергюсона приведены подробныя данныя о распространеніи этихъ гробницъ по берегамъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей и на югъ, во Франціи, Испаніи и далѣе на побережьи сѣверной Африки (въ Алжирѣ, Тунисѣ). Дольмены въ каждой мѣстности имѣютъ свои особенности: такъ въ Даніи, Бретани они гранитныя; въ другихъ странахъ, напр. средней и южной Франціи—известковые. Также предметы, находимые въ дольменахъ различныхъ странъ, носятъ не одинаковый характеръ: на сѣверѣ, въ Даніи, предметы большею частію каменные и погребеніе трупа въ сидячемъ положеніи; на югѣ, въ Испаніи, вмѣстѣ съ каменными попадаютъ и металлическіе (бронзовые) предметы; погребеніе, впрочемъ, также въ сидячемъ положеніи. Въ Алжирскихъ дольменахъ есть уже слѣды желѣза и постройка дольменовъ иногда сложнѣе: нѣкоторые изъ нихъ поставлены на возвышенныхъ каменныхъ площадкахъ, къ которымъ ведутъ каменные лѣстницы.

Факты эти показываютъ, что существовавшая одно время теорія о распространеніи дольменовъ и строившихъ ихъ народовъ съ юга на сѣверъ не вѣрна, такъ какъ трудно допустить, чтобы народъ, знавшій употребленіе желѣза и бронзы, подвигаясь на сѣверъ, утратилъ это знаніе. Дольмены встрѣчаются еще въ Палестинѣ и Сиріи, но въ небольшомъ количествѣ, а также въ Индіи, гдѣ они воздвигались нѣкоторыми племенами до новѣйшаго времени. Въ Россіи дольмены извѣстны только въ Крыму и на Кавказѣ. Въ Крыму они были изслѣдованы покойнымъ графомъ Уваровымъ и г. Филимоновымъ, и найденные въ нихъ предметы: бронзовыя стрѣлы, бусы, слѣды

желѣза дозволяютъ ихъ отнести къ эпохѣ металловъ не древнѣе начала т. наз. желѣзнаго вѣка. Кавказскіе дольмены были описаны еще французскимъ путешественникомъ Dubois de Montréguen, но до послѣдняго времени они не были обстоятельно изслѣдованы. Дольмены обслѣдованные г. Фелицынымъ, по порученію покойнаго графа Уварова, находятся въ Майкопскомъ уѣздѣ, по теченію рѣки Бѣлой, въ довольно глухой мѣстности; расположены они рядами и носятъ у казаковъ названіе «богатырскихъ могилъ», вѣроятно потому, что онѣ сдѣланы изъ тяжелыхъ плитъ, нѣкоторыя изъ коихъ вѣсятъ до 200 пудовъ. Большая часть дольменовъ теперь разрушена. Особенность найденныхъ г. Фелицынымъ дольменовъ состоитъ въ томъ, что въ передней плитѣ ихъ всегда имѣется отверстіе, которое у дольменовъ западной Европы встрѣчается рѣдко. Относительно значенія этого отверстія можно предполагать, что оно было дѣлаемо для выхода души покойника, или же для того, чтобы класть ему пищу. Подобныя отверстія существуютъ также въ Индійскихъ дольменахъ, но до сихъ поръ не было извѣстно, какъ они закрывались; г. Фелицыну удалось найти у одного дольмена каменную втулку, вполне приходящуюся къ отверстию и объясняющую, какъ послѣднее закрывалось. У нѣкоторыхъ дольменовъ встрѣчается болѣе сложное устройство; напримѣръ, одна плита входитъ въ пазы другой, или же къ дольмену ведетъ аллея изъ камней, расширяющаяся около дольмена въ кругъ. Находками эти дольмены не особенно богаты: изъ предметовъ въ нихъ найдены небольшіе глиняные сосуды съ плоскимъ дномъ, въ родѣ чарокъ, съ одною или съ двумя ручками и простымъ орнаментомъ, обломки кремней, бронзовыя колечки, бусы изъ сердолика и изъ композиціи. По словамъ кавказскаго археолога г. Байерна, въ одномъ такомъ дольменѣ былъ найденъ желѣзный мечъ римской формы, а г. Фелицынъ (судя по газетнымъ извѣстіямъ) нашелъ въ одномъ дольменѣ золотую монету одного изъ босфорскихъ Рескупоридовъ (215 года по Р. Х.). Изъ найденныхъ и присланныхъ г. Фелицынымъ человѣческихъ костей особенно интересны бедра, показывающія необыкновенно сильное развитіе задней колонки (сarina), подобнаго которому Д. Н. Анучину до сихъ поръ не приходилось встрѣчать. Изъ череповъ сохранился одинъ, довольно вмѣстительный, овальной формы, средней ширины и съ плосковатымъ носомъ.

5) Гродненскій губернаторъ г. Потемкинъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что находящійся въ Гроднѣ храмъ во имя Бориса и Глѣба, принадлежащій къ XII вѣку, приходитъ въ крайнее разрушеніе, которое уничтожило его на $\frac{1}{3}$, чему способствуетъ положеніе храма на берегу рѣки Нѣмана, которая подмываетъ его. Старина памятника обязываетъ сообщить объ этомъ Археологическому Обществу и онъ намѣренъ хлопотать реставрировать его въ прежнемъ видѣ.

Заявленіе г. Потемкина было принято къ свѣдѣнію.

№ 237. Въ происходившемъ за тѣмъ экстренномъ засѣданіи были баллотированы и избраны предложенные прежде въ члены-корреспонденты:

Гг. И. Я. Словцовъ, Софусъ Мюллеръ и Делекторскій.

Предложены въ дѣйствительные члены:

Графиней П. С. Уваровой и В. И. Сизовымъ: Бранденбургъ и Латышевъ.

Графиней П. С. Уваровой, И. В. Помяловскимъ и В. И. Сизовымъ: Графъ И. И. Толстой.

Граф. П. С. Уваровой, И. В. Цвѣтаевымъ и А. С. Павловымъ: М. А. Веневитиновъ.

Д. Н. Анучинымъ и В. Е. Румянцовымъ: А. М. Подшиваловъ.

Графиней П. С. Уваровой и В. Е. Румянцовымъ: И. А. Шляковъ;

Архіепископъ Іонафанъ, И. А. Вахрамѣевъ и М. В. Никольскій.

ВЪ ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ:

В. Д. Левшинимъ, В. Е. Румянцовымъ и графиней П. С. Уваровой: Орловъ; графиней П. С. Уваровой, на основаніи желанія гр. А. С. Уварова: Стробель и Ангелуччи.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

О костяхъ, доставленныхъ г. Эварницкимъ изъ кургана „Мухина гора“.

По разборкѣ присланныхъ г. Эварницкимъ костей, онѣ оказались принадлежавшими четыремъ скелетамъ:

1) Скелетъ большого роста, не менѣе 170 сантиметровъ. Плечевая кость—350 миллиметровъ, бедренная—470 мм., больше-берцовая—385 мм. Всѣ кости выказываютъ весьма сильное сложеніе: бедренныя съ сильно развитымъ выступомъ назадъ (сagіna), локтевыя и плечевыя съ сильными отпечатками мышечныхъ прикрѣпленій; мало-берцовая съ рѣзко-выраженными гранями. —Черепъ большой, нѣсколько перекошенъ (отъ давленія земли), несомнѣнно мужской, съ отчетливо выраженнымъ затылочнымъ бугромъ и довольно развитыми надбровными дугами. Особь была зрѣлаго возраста, но не старая: черепные швы большей частью цѣлы (внѣшній зарастаетъ). Зубы, впрочемъ, сильно стерты (рѣзцы косвенно,—взадъ), что могло зависѣть, отчасти, и отъ пищи. Надъ правымъ глазомъ (поперекъ надбровной дуги)—замѣчается перешибъ,—повидимому, сдѣланный при жизни. Всѣ кости, равно какъ и черепъ, выказываютъ красную окраску, пятнами, которая была вызвана, очевидно, положеніемъ трупа въ красноватомъ глинистомъ слоѣ, или обкладкой его, при погребеніи, какимъ-то веществомъ въ родѣ красной охры. Подобную окраску встрѣчалъ проф. Самоквасовъ на черепахъ изъ нѣкоторыхъ (но далеко не всѣхъ) могилъ въ курганахъ по р. Конхѣ (Екатериносл. губ.). Съ подобной же окраской встрѣчались иногда и другіе наши изслѣдователи, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчалась даже какъ бы намѣренная обсыпка костей (трупа) краснымъ порошкомъ. Съ такимъ фактомъ встрѣтился, напримѣръ, г. Витковский, при раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губ., на р. Ангартъ; онъ сопоставляетъ его съ обычаемъ нѣкоторыхъ черемисъ хоронить покойника

непремѣнно на красной глинѣ, при отсутствіи которой по близости родственники отправляются даже верстъ за 20 и привозятъ хотя небольшое ея количество, которымъ и выстилаютъ могилу.

Касательно особенностей этого скелета слѣдуетъ отмѣтить прежде всего удлинненную форму черепа (долихокефалию). При длинѣ въ 189 мм., ширина его—137 мм., такъ что показатель ширины черепа очень малъ,—72, 5. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе большеберцовыя кости (*tibiae*), съ рѣзко выраженною переднею, S—образною гранью и сильно сплюсненныя съ боковъ. Толщина и ширина кости на уровнѣ питательнаго отверстія (*foramen nutritium*) относятся между собою, какъ 40: 23, такъ что показатель ширины *tibiae*=58, т. е. очень малъ. Другими словами, *tibiae* этого скелета представляютъ такъ наз. платикнемію, и притомъ такъ рѣзко выраженную, какую довольно рѣдко можно встрѣтить.

2) Скелетъ меньшаго роста (около 160 сантим.): бедряная кость (*femur*) 430 мм., плечевая (*humerus*)—346 мм., *tibia*—342 мм. Задній выступъ бедряныхъ костей умѣренный; мало-берцовыя кости (*fibulae*) съ гранями не столь рѣзкими; передняя грань больше-берцовыхъ костей тоже не особенно рѣзка и кости эти много меньше сплюснены.—Къ этому скелету принадлежатъ, повидимому, кости черепа (и нижней челюсти) меньшихъ размѣровъ, съ болѣе тонкими стѣнками и съ болѣе покатымъ взадъ лбомъ.

3) Скелетъ еще меньшихъ размѣровъ: плечевыя кости длиною 314 мм.; двѣ бедряныхъ кости неполныхъ и обломки другихъ. Мускульные отпечатки довольно выражены; можетъ быть, женскій.

4) Скелетъ женскій: плечевая кость длиною 292 мм.; къ этому скелету относится, вѣроятно, фрагментъ лобной кости—очень тонкаго сложенія.

Кромѣ человѣческихъ костей, оказались еще кости животныхъ, именно нижняя челюсть баранка и кости лошади. Судя по копытамъ, лошадь была довольно мелкая, а судя по черепу, принадлежала къ степнымъ, восточнымъ породамъ. Къ сожалѣнію, черепъ этотъ не полонъ; недостаетъ задней части, такъ что нѣкоторыхъ измѣреній взять нельзя. Тѣмъ не менѣе, можно было убѣдиться, что это черепъ кобылицы (клыковъ нѣтъ, а число коренныхъ полное). Коренные зубы съ довольно отставленными и слабо раздвоенными внутренними колонками, а лобъ (220 мм., при длинѣ черепа приблизительно 435 мм.) очень широкъ. Все это признаки, указывающіе на восточный типъ лошадей (арабскій, туркестанскій, вообще степной), отличающійся отъ западнаго, который характеризуется болѣе длиннымъ и узкимъ черепомъ, болѣе шимъ ростомъ и нѣкоторыми другими особенностями въ костяхъ и зубахъ.

Г. Эварницкій приписываетъ остатки, найденные въ курганѣ, половцамъ; однако данныя, приводимыя имъ въ подтвержденіе этого мнѣнія, не достаточно убѣдительны. Такъ, говоря объ остаткахъ домашнихъ животныхъ, онъ заключаетъ, что они принадлежатъ тѣмъ же породамъ, какія были и у половцевъ, причемъ ссылается на исторію г. Иловайскаго. Но у г. Иловайскаго сказано, что половцы имѣли овецъ, крупный рогатый скотъ, лошадей и верблюдовъ; здѣсь же мы видимъ только остатки овцы и лошади, которые встрѣчаются и во множествѣ другихъ кургановъ, не только южной и средней Россіи, но и Сибири и Германіи. Бѣдность содержимаго.

железные удила, черепъ лошади степной породы, величина кургана—все это можно, пожалуй, принять за признаки, говорящія въ пользу ссылки этого кургана какими нибудь степными кочевниками, но какими именно—вопросъ трудно разрѣшимый. Длинная, узкая форма черепа сближаетъ послѣдній болѣе съ древними курганными черепами, чѣмъ съ черепами тюркскихъ народностей. Современные тюркскія племена, по крайней мѣрѣ, отличаются короткимъ и широкимъ черепомъ.

Д. Анучинъ.

№ 238. Протоколъ засѣданія Коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, 28 января 1886 года, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: Н. В. Никитина, А. Л. Обера, А. М. Павлинова, А. П. Попова, В. Е. Румянцова и тов. секр. А. В. Орѣшникова.

Доложены слѣдующія бумаги:

1. Отношеніе Московской Духовной Консисторіи отъ 27 ноября 1885 г. за № 6342, съ просьбою, не встрѣчаетъ ли Московское Археологическое Общество препятствій къ предполагаемымъ возобновленіямъ въ Николаевской, что въ Столпахъ, церкви въ Москвѣ и находящагося при церкви памятника надъ тѣломъ боярина А. С. Матвѣева.

Опредѣлено: дать резолюцію по осмотру церкви и памятника Коммиссіею.

2. Отношеніе той же Консисторіи отъ 13 декабря 1885 г. за № 6653 съ просьбою увѣдомить, не встрѣчается ли препятствій къ разобранію ветхой деревянной Христорожественской, погоста Борзецова, Коломенскаго уѣзда, церкви, построенной въ 1696 году.

3. Отношеніе той же Консисторіи отъ 3 января 1886 г. за № 32, съ просьбою, не встрѣчается ли препятствій къ капитальной ремонтнровкѣ Ильинской села Прусь, Коломенскаго уѣзда, церкви, время построенія которой неизвѣстно.

Опредѣлено: дать отвѣтъ Консисторіи по осмотру Коммиссіею обѣихъ церквей Коломенскаго уѣзда.

4. Заявленіе протоіерея Покровскаго и Вас. Блаженнаго собора Н. И. Надеждина и старосты собора А. А. Мошкина, съ просьбою дать разрѣшеніе на позолоту иконостаса въ главномъ храмѣ во имя Покрова Богородицы.

Опредѣлено: просимую работу разрѣшить, но поставить на видъ, чтобы обращать болѣе вниманія на поправленіе древнѣйшихъ частей собора, пришедшихъ въ ветхость, чѣмъ новѣйшихъ.

5. Отношеніе Московской Духовной Консисторіи отъ 24 января 1886 г. за № 396, съ просьбою увѣдомить, возможно ли приступить къ работамъ по возобновленію храма св. Маріи Египетской, при Срѣтенскомъ монастырѣ въ Москвѣ, по чертежамъ и планамъ, которые были на разсмотрѣніи Св. Синода, и, если приступить нельзя, то по какимъ основаніямъ проектъ предполагаемыхъ работъ по возобновленію означенной церкви, одобренный Московск.

Арх. Обществомъ, съ присоединеніемъ археологическихъ указаній, нынѣ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе; наконецъ, если прежній проектъ, бывшій на разсмотрѣніи Общества и имъ одобренный, съ нѣкоторыми ограниченіями, нынѣ необходимо измѣнить или дополнить, то почему своевременно, до представленія проекта Св. Синоду, не было сдѣлано Археологическимъ Обществомъ указаній, которыя, по его заключенію, должны были быть приняты въ руководство при произведеніи работъ по возобновленію храма Маріи Египетской.

Опредѣлено: увѣдомить Консисторію, что разрѣшеніе, испрошенное ею у Св. Синода, М. Арх. Общ. и Строительнаго отд. Моск. Губ. Правленія на возобновленіе церкви въ первобытномъ видѣ, не теряетъ силы относительно плана церкви, ея внутренняго расположенія и конструкціи, такъ какъ въ этомъ составитель проекта никакихъ измѣненій не предполагаетъ. Что же касается архитектурной обдѣлки фасадовъ храма, его деталей, въ чемъ составитель проекта отступилъ отъ остатковъ древности, уцѣлѣвшихъ на стѣнахъ храма, и не обратилъ вниманія на двукратное указаніе на нихъ Арх. Общ.,—то потребовать отъ составителя такихъ чертежей фасада, которые удовлетворили бы требованія Арх. Общества.

№ 239. Протоколъ экстреннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 12-го февраля 1886 года, подъ предѣлательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: Архимандрита Амфилохія, Н. П. Бочарова, К. А. Дубинкина, А. А. Мартынова, В. О. Миллера, Н. В. Никитина, М. В. Никольскаго, А. М. Павлинова, В. К. Попандопуло, В. Е. Румянцова, В. И. Сизова и товарища секретаря А. В. Орѣшникова.

1. Читаны и подписаны протоколы предыдущихъ засѣданій.

2. Товарищъ секретаря доложилъ о поступившихъ въ Общество изданіяхъ, подробно перечисленныхъ во входящей книгѣ бібліотеки Общества.

3. Доложены слѣдующія бумаги:

а) Увѣдомленія, съ благодарностью за высланные изданія Общества: отъ д. чл. Голышева, отъ Берлинскаго Общества Антропологии и Этнографіи, отъ протоіерея Лебединцева, отъ Національнаго Института Оссолинскихъ во Львовѣ, отъ Общества Любителей Древней Письменности, отъ Управленія Прусскихъ Королевскихъ музеевъ и отъ Римской Академіи Линчеи.

б) Письмо директора Прусскихъ Королевскихъ музеевъ Шёне, съ благодарностію за присылку V-го тома «Древностей» и съ просьбою прислать томы съ 1 по IV и съ VI по IX включительно, взаменъ чего предлагаетъ свои изданія по присланному реэстру.

Постановлено: выслать «Древности», съ тома VI по IX, а въ обмѣнъ просить прислать № № 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15 присланнаго реэстра г. Шёне.

в) Отъ Чешскаго музея въ Прагѣ, съ просьбою прислать «Древности»: томъ III, вып. 1 и 3; томъ IV, вып. 1 и 3; томъ V; томъ VII, вып. 1; томъ VIII и томъ IX, вып. 2 и 3, и всѣ остальные выпуски.

г) Отъ г. Патера въ Прагѣ, просьба прислать ему V, VIII и IX томы «Древностей».

Опредѣлено: объ просьбы удовлетворить.

д) Письмо проф. Скиапарелли, бібліотекаря римской Академіи Линчеи, съ увѣдомленіемъ о высылкѣ изданія «Notizie degli Scavi di antichità» въ обмѣнъ за X томъ «Древностей» и съ просьбою выслать томы I—IX, въ обмѣнъ на которые будутъ высланы ихъ изданія.

Опредѣлено: послать томы съ V по IX «Древностей» и просить прислать «Atti della R. Accademia de' Lincei» томъ I seqq.

е) Письмо г. Вулича, съ предложеніемъ выслать «Bulletino di Archeologia e Storia Dalmata» въ обмѣнъ на «Древности» за 1886 г.

Опредѣлено: выслать X томъ.

ж) Письмо на имя графини П. С. Уваровой отъ Великаго Князя Георгія Михайловича, съ общаніемъ выслать для бібліотеки Общества свое сочиненіе по русской нумизматикѣ.

з) Письмо на имя графини П. С. Уваровой отъ Великаго Князя Сергія Александровича съ увѣдомленіемъ о высылкѣ изданій Палестинскаго Общества.

и) Отношеніе предсѣдателя Московскаго Биржеваго Комитета Н. А. Найденова, съ извѣщеніемъ о препровожденіи Археологическому Обществу книгъ, изданныхъ подъ его наблюденіемъ. (Книги эти перечислены во входящей кн. бібліот. Общества).

і) Письмо секретаря Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета Н. А. Спасскаго съ увѣдомленіемъ о высылкѣ въ Археологическое Общество «Календаря Вятской губ. на 1882 г.»

Опредѣлено: жертвователей благодарить.

к) Письмо Киевскаго книгопродавца Н. Я. Оглоблина, съ запросомъ, возможно ли, и по какой цѣнѣ, получить 25 экзempl. соч. Закревскаго: «Описаніе Киева».

Опредѣлено: увѣдомить г. Оглоблина, что по высылкѣ имъ денегъ, изданіе «Кіевъ» будетъ выслано съ обычной уступкой.

л) Отношеніе попечителя Московскаго Учебнаго округа съ препровожденіемъ талона къ ассигновкѣ на полученіе изъ Московскаго Губернскаго Казначейства 5.000 руб. правительственной субсидіи Обществу на 1886 годъ.

м) Письмо г. Шестакова изъ г. Омска, съ просьбою выслать для бібліотеки сельско-хозяйственной метеорологической станціи Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ г. Омскъ изданія Археологическаго Общества.

Опредѣлено: просьбу оставить безъ послѣдствій.

н) Письмо чл.-корресп. Общества А. Н. Минха, съ просьбою прислать въ Саратовъ, А. С. Соколову, программу для Археологическаго словаря.

Опредѣлено: увѣдомить г. Минха, что особо изданной программы не имѣется, а за справками, касающимися Археологическаго Словаря можно обратиться въ бібліотеку Радищевскаго музея, гдѣ имѣются всѣ изданные «Труды» Москов. Археологич. Общества.

о) Письмо того же г. Минха отъ 29 дек. 1885 г., съ благодарностью за высланный ему X томъ «Древностей» и съ приложеніемъ слѣдующихъ

47 словъ для Археологическаго Словаря: Арматы, Бахтерцы, Бутурлыки, Волконей, Гафуницы, Дробовики, Дробъ, Единорогъ, Ерихонка, Зерцала, Колгуга, Куячная шапка, Куяки, Мажжары, Мисюрскія шапки, Наручи, Органы, Пансырь, Пищаль, Полковой нарядъ, Проломныя пушки, Сороки, Тарчъ, Тюфяки, Христовы онучки, Шишагъ, Юшманъ, Аллебарды, Бердышъ, Дротикъ, Засапожники, Казенка, Кончаръ, Ослонъ, Палица, Полозъ, Протазанъ, Саадакъ, Съкира, Совень, Усольская свѣтелка, Царевъ бугоръ, Чеканъ, Эспантонъ, Зспрядки, Окуръ, Снохачество и Снохачъ.

Опредѣлено: передать въ Редакціонный Комитетъ.

п) Письмо Чл.-корресп. Р. Г. Игнатъева, съ приложеніемъ для Археологическаго Словаря объясненія слова «Веретье, Веретья куча», и съ просьбою сообщить, не имѣется ли въ Обществѣ свѣдѣній о церкви Спаса-Обыденнаго въ г. Устюгъ-Великомъ, построенной въ XVII ст., которой теперь нѣтъ, но на мѣстѣ ея находится каменная, съ замѣчательной иконою Спасителя, по поводу которой г. Игнатъевъ желалъ бы, чтобы Общество вошло въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ.

Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію, статью же передать въ Редакціонный Комитетъ.

р) Письмо чл.-корр. Общества А. В. Черникова-Анучина съ увѣдомленіемъ о смерти Р. Г. Игнатъева, послѣдовавшей въ г. Уфѣ, 2 января 1886 г.

с) Письмо того же г. Черникова-Анучина отъ 10 декабря 1885 г., съ просьбою снабдить его инструкціями для наблюденія за работами по реставраціи въ Смоленскомъ соборѣ въ г. Уфѣ древняго иконостаса и проч., увѣдомивъ предварительно о томъ Преосвященнаго.

Опредѣлено: Просьбу исполнить.

т) Отношеніе Моск. Духовн. Консistorіи отъ 29 января 1886 г. за № 588, съ просьбою послѣдить отвѣтомъ по дѣлу о разбораніи въ селѣ Каменищахъ, Серпуховскаго уѣзда, ветхой деревянной Христорожественской церкви.

Опредѣлено: просить г. инспектора Серпуховской Александровской прогимназіи, не будетъ ли возможно учителю рисованія, за вознагражденіе, снять планъ и фасадъ этой церкви.

у) Отношеніе исправл. должн. Одесскаго городского головы бар. Витте, съ просьбою, не можетъ ли Археологическое Общество указать иллюстрированныя изданія произведеній русской народной поэзіи, откуда Комmissiя по постройкѣ городского театра въ Одессѣ могла бы позаимствовать мотивы русскаго народнаго эпоса для главной занавѣси.

Опредѣлено: Просьбу удовлетворить съ оговоркою, что Археологическое Общество не ручается за вѣрность археологическаго характера рисунковъ.

4. Товарищъ Секретаря доложилъ о смерти двухъ ученыхъ: изслѣдователя Кавказа А. П. Берже и извѣстнаго нумизмата Кёне и сообщилъ вкратцѣ объ ихъ ученыхъ трудахъ.

5. Доложено письмо г. Комарова изъ г. Тарусы, Калужской губ., съ просьбою опредѣлить, приложенную при письмѣ, одну изъ 50 найденныхъ монетъ въ Тарусскомъ уѣздѣ, на полѣ.

По опредѣленію чл.—корр. В. К. Трутовскаго, присланная монета есть саманитскій диргемя Исмаила, сына Ахмеда, царствовавшего въ 892—907 г.; бита монета въ Шанѣ, нынѣшнемъ Ташкентѣ.

О п р е д ѣ л е н о: благодарить г. Комарова за присланную монету и просить, если возможно, выслать остальные для просмотра.

6. Графиня П. С. Уварова доложила: 1) Письмо директора Національнаго музея въ Неаполѣ г. Джуліо-де-Петра съ объясненіемъ способа возобновленія древнихъ фресокъ посредствомъ жидко разведеннаго воска. «Растопите, говоритъ Де-Петра, въ фарфоровомъ сосудѣ (соотвѣтственной величины съ отверстіемъ печи) одну часть венеціанскаго воску съ десятью частями бензина; растопленный составъ охладите и перелейте въ бутылъ или иную посуду, хорошо закрытую. Для употребленія составъ снова не разогрѣвается.

«Прежде всего необходимо хорошенько обмести пыль и обмыть живопись; обтеревъ ее, возьмите широкую и мягкую кисть и покройте живопись имѣющимся составомъ.

«Черезъ нѣсколько секундъ воскъ впитывается; берите мягкую щетку и натирайте ею фрески до тѣхъ поръ, пока появится блескъ. Черезъ нѣсколько времени повторите операцію, два и даже три раза.

«Н. В. Необходимо имѣть въ виду, что наводить восковую жидкость надо съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ воскъ впитывается сейчасъ же; поэтому необходимо употреблять треніе щеткою сейчасъ же. По этой причинѣ нельзя готовить, т. е. наводить за разъ, болѣе чѣмъ $\frac{1}{2}$ квадр. метра, изъ боязни, что воскъ высохнетъ и попортитъ все дѣло».

И 2) Способъ возстановленія фресокъ проф. П р а х о в а:

«Снявъ известковые покровы острымъ орудіемъ, деревяннымъ или желѣзнымъ (притупленнымъ) ножомъ, онъ (т. е. г. Праховъ) выкатывалъ открытую фреску хлѣбнымъ мякишемъ, пока хлѣбъ бралъ известъ; затѣмъ, давъ постоять фрескѣ два-три дня, промывалъ ее слабымъ растворомъ поташу, потому что поташъ, снимая химически послѣдній слой извести, въ то же время оставляетъ краски. Но, по мѣрѣ того, какъ фреска высыхала, она снова покрывалась, хотя уже и менѣе густымъ, бѣловатымъ налетомъ, какъ будто тончайшей бумагой. Послѣ многихъ пробъ, удалось наконецъ найти средство устранить и этотъ послѣдній покровъ: пятипроцентный растворъ салициловой кислоты съ небольшою примѣсью соды, нанесенный кистью нѣсколько разъ (до 10 разъ), проявлялъ фреску окончательно: краски сохраняли свою яркость и послѣ того, какъ стѣна просыхала.

«Чтобы предохранить эту поверхность отъ дѣйствія сырости, ее натирали составомъ изъ терпентина, воску, бѣлой смолы и небольшой части очищеннаго масла».

7. Д. членъ Н. И. Троицкій сдѣлалъ краткій докладъ о знакѣ, означаемъ «тысячу» въ славянскихъ цифрахъ; докладъ свой обѣщалъ подробно написать для Археологическаго Словаря.

8. Д. членъ Н. В. Никитинъ демонстрировалъ фотографіи, сдѣланныя чл.-корресп. Общества И. Ѳ. Барщевскимъ со слѣдующихъ зданій и предметовъ:

а) Царскія двери и сѣнь надъ ними изъ Снѣтогорскаго монастыря близъ г. Пскова, обложены по деревянной основѣ бронзою; назначены къ уничтоженію.

б) Церковь Благовѣщенія въ Юрьевѣ-Польскомъ. На верху пилястръ алтаря вставлены рельефныя изображенія, вырубленныя изъ камня, взятыя, по преданію, изъ Юрьевского собора. Церковь эта предназначена нынѣшней весною къ сломкѣ.

в) Трехшатровая церковь XVII вѣка въ Предтеченскомъ монастырѣ въ г. Казани, имѣющая быть, по испрошенному разрѣшенію, сломанною.

г) Старинный домъ Сергіевской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, назначенный Городскою Управой къ сломкѣ, для регулированія улицы.

Опредѣлено: просить мѣстныхъ гражданскія и духовныя власти не допускать уничтожать старинныхъ памятниковъ архитектуры, а царскія двери Снѣтогорскаго монастыря, какъ ненужныя этому монастырю, просить выслать Императорскому Россійскому Историческому музею, за что Археологическое Общество уплатить всѣ расходы.

9. Графиня П. С. Уварова сообщила письмо г. Гатцука, при которомъ прислано было описаніе новооткрытаго христіанскаго храма на Кавказѣ, въ Сухумскомъ округѣ, въ мѣстности Цебелды.

10. Затѣмъ приступлено было къ баллотировкѣ членовъ Ревизіонной Коммисіи.

Оказались избраны большинствомъ голосовъ:

В. Ѳ. Миллеръ, М. В. Никольскій и В. И. Сизовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

Баронъ Борисъ Васильевичъ Кёне.

НЕКРОЛОГЪ.

5 февраля, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи, нахоившійся тамъ за болѣзнию въ отпуску, совѣтникъ по ученой части Императорскаго Эрмитажа, начальникъ гербоваго отдѣленія департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, тайный совѣтникъ баронъ Борисъ Васильевичъ Кёне.

Покойный, получивъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, которое онъ окончилъ со степенью доктора филологіи и философіи, пріѣхалъ въ Россію въ 1842 году.

Его многосторонняя ученость и обширныя свѣдѣнія въ нумизматикѣ ввели его немедленно по пріѣздѣ въ кругъ жившихъ въ Петербургѣ нумизматовъ; по предложенію барона Кёне, которое было сочувственно принято этимъ

кружкомъ, и при просвѣщенномъ содѣйствіи герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, было учреждено нынѣ существующее Императорское Русское Археологическое Общество, котораго покойный былъ первымъ секретаремъ. Издаваемые имъ записки Общества, рядъ появившихся ученыхъ трудовъ и ближайшее знакомство по Обществу съ директоромъ Эрмитажа Жилемъ открыли ему двери въ это учреждение, гдѣ онъ первоначально получилъ мѣсто хранителя нумизматическаго отдѣленія.

Ученые труды барона Кёне, преимущественно по нумизматикѣ, геральдикѣ и генеалогіи, помѣщались въ *Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St.-Petersbourg*, въ *Révue Belge de Numismatique*, и въ другихъ періодическихъ ученыхъ изданіяхъ. Изъ капитальныхъ трудовъ по нумизматикѣ назовемъ его описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вѣковъ, найденныхъ въ Россіи, сочиненіе подъ названіемъ: «*Description du Musée de feu le Prince Basile Kotschoubey*», доставившее ему извѣстность замѣчательнаго нумизмата. По части археологіи онъ написалъ также замѣчательное сочиненіе: «*Изслѣдованіе объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса Таврическаго*».

По части геральдики и генеалогіи подъ его руководствомъ составлены 11-я, 12-я и 13-я часть Гербовника Россійской Имперіи и издано имъ много отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ назовемъ: Девизы русскихъ гербовъ, *Récherches sur l'origine de plusieurs maisons souveraines de l'Europe*, *Les familles célèbres de la Russie*, и много другихъ.

Во время службы его въ Эрмитажѣ имъ составленъ, совмѣстно съ Ваагеномъ, Бюеромъ, Лукашевичемъ и другими учеными, каталогъ этого музея. Последнее его сочиненіе, историческое изслѣдованіе отношеній между Русскимъ и Прусскимъ дворами съ 1649 по 1763 годъ, появилось въ печати въ 1882 году подъ заглавіемъ: *Berlin—Moscau—St. Petersburg*. Отдѣльныя статьи этого сочиненія были помѣщены въ разныхъ журналахъ и газетныхъ фельетонахъ.

Труды покойнаго печатались на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, датскомъ, голландскомъ, итальянскомъ и испанскомъ языкахъ, которыми онъ владѣлъ. Онъ былъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, изъ которыхъ назовемъ:

«*Institut de France*», отъ котораго онъ имѣлъ весьма рѣдко дающуюся большую золотую именную медаль, Бельгійскаго и Французскаго археологическихъ обществъ, Стокгольмской и Мадридской археологическихъ академій, обществъ археологіи въ Берлинѣ, Копенгагенѣ и Лондонѣ, такого же института въ Римѣ, Берлинскаго *Deutscher Gerold* и *Werein für die Geschichte*. Вѣнскаго общества *Adler*, и многихъ (болѣе 20) другихъ, о которыхъ для краткости не упоминаемъ.

Покойный вращался преимущественно въ кругу своихъ ученыхъ друзей, изъ которыхъ многіе опередили его смертью, какъ-то: графъ С. С. Уваровъ, графъ А. С. Строгоновъ, Рейхель, *Sabatier*, Бартоломей, *Sauley*, *Chalor*, *Paul de la Croix* и др. Въ перепискѣ покойнаго сохранились письма А. Гумбольдта, герцога Лейхтенбергскаго, принца Гессенскаго, Данненберга и другихъ, преимущественно нумизматовъ.

Адо́льфъ Петро́вичъ Берже.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

Въ Тифлисъ скончался извѣстный изслѣдователь Кавказа, предсѣдатель Археологической Коммисіи, учрежденной при Главномъ Кавказскомъ Управленіи, Адольфъ Петровичъ Берже. Покойный сдѣлалъ весьма много для изученія Кавказа, какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Большая часть его трудовъ издана въ Тифлисъ. Изъ нихъ газета «Новости» приводитъ: Прикаспійскій край (1856), Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ (1858), Матеріалы для описанія нагорнаго Дагестана (1858), Чечни и Чеченцы (1859), Исторія Адагенскаго народа (1861), Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссіей подъ редакціей Берже (нѣсколько томовъ), Кавказъ въ археологическомъ отношеніи (1874). Берже, кромѣ того, завѣдывалъ вмѣстѣ съ г. Бакрадзе изданіемъ Записокъ Общества Любителей Кавказской Археологіи. Покойный, между прочимъ, помѣстилъ немало своихъ работъ въ «Русской Старинѣ». Въ 1865 году, по отдѣленіи физической географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Адольфъ Петровичъ получилъ награду «за постоянную и безвозмездную помощь редакціи Словаря Общества въ отношеніи исправленія и составленія вновь статей, до географіи Кавказа относящихся». Служебная карьера Адольфа Петровича была слѣдующая. Въ службу вступилъ онъ въ 1851 году, въ 1861 году получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени, въ 1866 году Св. Владиміра 3-й степени, въ 1868 году былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1871 году ему пожаловано было 2,000 десятинъ земли въ Ставропольской губерніи.

Фото Гравюра Шерера. Наброски и т. в. Москва.

С. Губб.

Р Ъ Ч И
Ч И Т А Н Н Ы Я Н А З А С Ъ Д А Н І И

И М П Е Р А Т О Р С К А Г О

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

15 НОЯБРЯ 1886 Г.,

П О С В Я Щ Е Н Н О М Ъ П А М Я Т И

Д. Чл. Сергѣя Алексѣевича Усова.

- I. Рѣчь А. Н. Шварца.
II. — В. О. Ключевского.
III. — Д. Н. Анучина.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава. Москва, 19 февраля 1887 года.

Секретарь Общества А. Орѣшниковъ.

I.

Рѣчь А. Н. Шварца.

Le voyans en dehors et l'estimans par l'extérieure apparence, n'en eussiez donné un coupeau d'oignon..... Mais, ouvrans ceste boyte, eussiez en dedans trouvé une celeste et impréciable drogue, entendement plus que humain, vertus merveilleuse, couraige invincible, sobresse non pareille, contentement certain, assurance parfaite, deprise-ment incroyable de tout ce pourquoy les humains tout veignent, courent, travaillent, navigent et bataillent.

R a b e l a i s.

И въ надгробномъ словѣ, произнесенномъ при погребеніи С. А. Усова, и въ краткихъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, не относящихся съ принципиальной враждой къ выдающимся дѣятелямъ Московскаго Университета, друзья покойнаго профессора уже сдѣлали попытку указать на нѣкоторыя наиболѣе цѣнныя качества его ума и таланта, коими опредѣлилась важность потери, понесенной въ немъ обширнымъ кругомъ его друзей и почитателей. Въ ежегодномъ отчетѣ, на страницы котораго Университетъ имѣетъ обыкновеніе заносить воспоминаніе объ умершихъ своихъ сочленахъ, найдетъ себѣ, конечно, мѣсто оцѣнка его разносторонней дѣятельности на пользу этого столь любимаго имъ учрежденія и будетъ, вѣроятно, выяснено и то, тоже выдающееся, положеніе, которое онъ, въ силу разнообразія своихъ научныхъ интересовъ и всѣми признаваемаго превосходства своего ума, занималъ въ средѣ своихъ товарищей. Специальное ученое общество, почтившее память С. А. молитвой, точно также не можетъ ограничиться однимъ этимъ выраженіемъ сочувствія къ покойному со стороны его сочленовъ. Въ обществѣ, преслѣдующемъ исключительно задачи науки и гдѣ значеніе отдѣльнаго дѣятеля опредѣляется только его научными заслугами, хотя краткое упоминаніе о нихъ и вообще, думается мнѣ, не должно отсутствовать; при воспоминаніи же о С. А., дѣятельность котораго

оставила такой замѣтный слѣдъ въ трудахъ М. Арх. Общ., умолчаніе о таковыхъ заслугахъ было бы и прямо неловкимъ. Ибо, каковы бы ни были взгляды на покойнаго какъ на человѣка и общественнаго дѣятеля,—взгляды, впрочемъ, здѣсь насъ и не касающіеся,—всѣ, полагаю, хотя немного знавшіе его, согласятся, что прежде всего это былъ ученый горячо любившій науку, беззавѣтно, со всей страстностью своей природы, ей преданный и, какъ мы рѣшаемся утверждать, добросовѣстно наукѣ послужившій.

Правда, служеніе это носило на себѣ нѣсколько своеобразный отпечатокъ и, какъ и многія другія черты въ характерѣ покойнаго, не всегда и не передъ всѣми ясно высказывавшаго свои душевныя убѣжденія, давало поводъ весьма многимъ составлять ложное представленіе объ искренности и глубинѣ его любви къ научнымъ изслѣдованіямъ. Постоянно выражаемое имъ презрѣніе ко всѣмъ внѣшнимъ атрибутамъ учености и ученому декоруму и его глубокое нерасположеніе къ узкой специализаціи,—къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе въ новѣйшее время становящейся потребностью научнаго изслѣдованія,—позволяло очень часто ошибаться на его счетъ и болѣе прозорливымъ судьямъ. Но тѣ, которые возьмутъ на себя трудъ хотя бы перечестъ его печатные труды, весьма легко могутъ убѣдиться и въ широтѣ его научныхъ интересовъ, и въ его способности къ самымъ мелочнымъ изслѣдованіямъ, какъ скоро они вызывались дѣйствительной необходимостью, и, если хотите, въ полной цѣльности и послѣдовательности взглядовъ, которой проникнуты всѣ его чисто научныя работы.

Обыкновенно принято думать (и намъ самимъ нерѣдко приходилось слышать подобныя заявленія), что это былъ естественникъ, почему-то—большинство думаетъ, совершенно случайно—измѣнившій первоначально усвоенному имъ себѣ направленію, или напешій въ своихъ занятіяхъ искусствомъ исходить тому чувству изящнаго, которое неудовлетворялось его занятіями по зоологіи.

На самомъ дѣлѣ, здѣсь не было ни случайной измѣны направленію, не было и того нѣсколько мечтательнаго культа изящнаго, который, какъ все неопредѣленное и неясное, былъ совершенно несовмѣстимъ съ основными чертами характера С. А.

Причина глукааго интереса, который внушало ему искусство и тѣсно связанная съ нимъ археологія, обусловлена была скорѣе тѣмъ широкимъ взглядомъ на науку о природѣ (онъ включалъ въ нее и человѣка), который часто любилъ высказывать покойный въ своихъ разговорахъ и который до извѣстной степени напелъ себѣ выраженіе и въ томъ наиболѣе обширномъ и наиболѣе вѣрно передающемъ его коренные взгляды на науку сочиненіи, которое представлено было имъ въ качествѣ докторской диссертациі.

Характеризуя здѣсь ¹⁾ три царства, на которыя дѣлится органическая природа—царство растительное, животное и царство человѣка—и подыскивая тѣ наиболѣе ясные признаки, которые отдѣляютъ послѣднее изъ этихъ царствъ отъ двухъ первыхъ, покойный, въ виду того, что многія психическія явленія человѣка общи съ психическими явленіями у животныхъ или представляютъ лишь количественныя различія, не умѣлъ, по его словамъ, найти болѣе рѣзкаго выраженія для этого различія кромѣ того, что человѣку изъ всѣхъ твореній единственно принадлежитъ творчество и творческая способность. Признавая все значеніе этой способности, онъ однако не считалъ нужнымъ выдѣлять изъ-за нея самое многостороннее изученіе человѣка изъ общей науки о природѣ. Мало того, онъ считалъ ознакомленіе съ произведеніями, созданными творческой способностью человѣка, столь-же необходимой принадлежностью образованнаго естествоиспытателя, какъ и изученіе произведеній самой природы. Отмѣчая въ писанной имъ для университетскаго отчета біографіи покойнаго проф. Борзенкова, котораго онъ характеризовалъ какъ типъ чистаго натуралиста, его любовь и интересъ къ обоюроду произведеній, онъ и въ себѣ самомъ, несмотря на новое, повидимому, направленіе, принятое его занятіями, не переставалъ видѣть испытателя природы по преимуществу. Разницу между собой и филологомъ онъ часто,—полу-шутя, полу-серіозно, какъ то онъ всегда дѣлалъ въ бесѣдахъ,—признавалъ не въ объектѣ изученія, но въ методѣ и пріемахъ, съ которыми оба приступали къ этому изученію.

Что изъ произведеній мысли человѣческой его затѣмъ по преимуществу интересовали созданія искусства, какъ въ области слова, такъ и въ сферѣ искусствъ образовательныхъ,—это, конечно могло обуславливаться и особенностями его темперамента, а быть можетъ, и тѣмъ, что здѣсь, говоря его собственными словами ²⁾, яснѣе всего видно, какъ идея человѣка организуетъ гетероморфныя части въ одно цѣлое, или, иными словами, какимъ образомъ создаются организмы по мысли человѣка. Въ различное время, судя по его разговорамъ, его привлекали и другія стороны этой творческой мысли; но что именно она прежде всего интересовала его, и что наблюденія надъ законами руководящими ея дѣятельностью составляли предметъ его особеннаго интереса, это, я полагаю, ясно видно изъ всего хода его работъ въ этой области.

Глубоко сочувствуя всему, что съ точки зрѣнія современнаго человѣка можетъ быть подведено подъ понятіе прекраснаго, обладая способностью зорко улавливать всѣ самыя ничтожныя его проявленія, С. А. однако никогда не переставалъ интересоваться и тѣми несовершенными

¹⁾ Таксономическія единицы и группы, 1867, стр. 161, 162.

²⁾ Тамъ же, стр. 24 и слѣд.

подчасъ, а подчасъ и грубыми произведеніями, въ которыхъ впервые, хотя иногда и съ особой силой, проявляется творческая способность человѣка. Исходной точкой и конечной цѣлью его изученія въ этой области были, безъ сомнѣнія, такіа созданія, въ которыхъ геній человѣка проявился съ особой силой: произведенія Шекспира и Микель-Анджело были тѣми любимыми его образцами, изученіе которыхъ, насколько мнѣ извѣстно, проходить черезъ всю его жизнь и въ наслажденіи которыми онъ никогда не чувствовалъ утомленія; но условія, благодаря которымъ сдѣлалось возможнымъ появленіе такихъ совершенныхъ созданій, и постепенные шаги, которые предварительно должно было для этого сдѣлать искусство,—это, быть можетъ, интересовало его еще въ болѣе степеніи и еще болѣе возбуждало его пытливость.

Начавши, такимъ образомъ, съ изученія природы въ самомъ обширномъ значеніи этого слова и уже рано отъ организмовъ, которые даетъ природа, перейдя къ организмамъ, созданнымъ, какъ онъ говоритъ, самимъ человѣкомъ въ соотвѣтствіе своимъ идеаламъ, онъ мало по малу долженъ былъ перейти вслѣдъ затѣмъ отъ тѣхъ произведеній человѣка, въ которыхъ ему удастся создать законченное цѣлое, и къ такимъ, въ которыхъ стремленіе къ этой законченности является еще въ совершенно зачаточномъ состояніи.

Произведенія не-русскаго искусства, разборъ которыхъ составлялъ предметъ его докладовъ, читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, относятся въ большинствѣ случаевъ къ произведеніямъ этого послѣдняго рода. За исключеніемъ немногихъ, небольшихъ по объему рефератовъ, иногда совершенно случайнаго характера, или вызванныхъ случайно попадавшимися ему на глаза произведеніями, всѣ болѣе крупныя и обстоятельныя доклады С. А. посвящены одному періоду искусства, а именно ранней эпохѣ христіанской живописи и ея источникамъ, въ которыхъ, особенно между IV и VIII вѣками нашего лѣтосчисленія, окончательно слагались типы христіанской иконографіи и болѣе или менѣе опредѣлилось ея дальнѣйшее развитіе.

Объ этихъ работахъ его я и взялъ на себя напомнить вамъ въ сегодняшнемъ сообщеніи съ особенной подробностью.

Смѣю думать, что мнѣ не къ чему останавливаться здѣсь, среди членовъ ученаго собранія, на важности, которую имѣетъ эта подготовительная эпоха для исторіи всей позднѣйшей христіанской живописи. Всякому, слѣдившему за постепеннымъ усовершенствованіемъ какой бы то ни было области искусства и среди какого бы то ни было народа, выработавшаго съ теченіемъ времени самостоятельныя и вѣрныя народному духу художественныя произведенія, извѣстно, конечно, въ какой тѣсной связи стоятъ эти самыя художественныя произведенія съ тѣми несовершенными по формѣ опытами первыхъ эпохъ, въ которыхъ самымъ наив-

нымъ иногда образомъ воспроизведены идеалы художника, но которые самыми формами своими и вложеннымъ въ нихъ содержаніемъ гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ, такъ сказать, предопредѣляютъ все позднѣйшее развитіе искусства. И любопытно въ этомъ отношеніи, что именно лучшіе представители искусства позднѣйшаго времени никогда не порываютъ связи и съ этими несовершенными, но родными народу образами. Пользуясь своимъ лучшимъ знаніемъ природы и лучшимъ состояніемъ въ ихъ время техники, позднѣйшіе мастера, конечно, совершенствуютъ данныя въ раннія эпохи формы, но они тщательно избѣгаютъ уклоненія отъ указаннаго древнѣйшими художниками пути, хотя бы изъ боязни едѣлаться недоступными пониманію народной массы, для которой прежде всего призваны они работать. Ибо если представленный напр. въ Страшномъ Судѣ Микель-Анджело типъ Христа и можетъ служить примѣромъ такого уклоненія, то тотъ же примѣръ, конечно, также неопровержимо доказываетъ и все неудобство для художника этого, скажемъ прямо, искаженія первоначальнаго типа.

Приглядываясь однако ближе къ характеру этихъ древнихъ произведеній, всякій, полагаю я, пойметъ и ту трудность, которая должна возникать при экзегезѣ ихъ для новѣйшаго изслѣдователя. Представляя обращенія къ публикѣ, умственный кругозоръ которой для насъ въ большинствѣ случаевъ является лишь въ неясныхъ очертаніяхъ, и со стороны художника, смыслъ идеаловъ котораго по большей части уже утраченъ, — произведенія эти уже самымъ содержаніемъ своимъ способны привести въ недоумѣніе самыхъ остроумныхъ толкователей. Будучи же выражены въ крайне наивной формѣ и съ несовершенствомъ техническихъ приѣмовъ, иногда совершенно безсильныхъ дать наглядное представленіе о мысли создававшихъ ихъ художниковъ, они дѣлаются почти загадками, ключъ къ рѣшенію которыхъ очень часто добывается лишь совокупными усиліями цѣлаго ряда экзегетовъ. А если прибавить къ этому еще и религіозныя предразсудки, съ дѣтства нами усвояемые и заставляющіе насъ невольно вкладывать въ эти, по преимуществу религіозныя, изображенія толкованія, ничего общаго не имѣющія съ первоначальнымъ замысломъ ихъ создателей, то, я полагаю, станетъ яснымъ, почему на этихъ объясненіяхъ нерѣдко терпѣли неудачу самые глубокіе знатоки ранней христіанской живописи, подходившіе къ нимъ, повидимому, во всеоружіи знанія.

Весьма вѣроятно, что въ самой трудности задачи лежала и одна изъ главныхъ причинъ, почему именно къ ея рѣшенію С. А. обращался съ особенной любовью, и послѣ представленныхъ имъ въ этомъ отношеніи работъ, я думаю, и намъ нечего жалѣть о томъ, что именно этотъ, а не какой либо изъ болѣе общинтересныхъ отдѣловъ исторіи искусства, подвергся его наиболѣе пристальному разсмотрѣнію.

Многое, дѣйствительно, способствовало тому, что Сергѣю Алексѣевичу болѣе чѣмъ кому либо удалось добиться при объясненіи этихъ произведеній особенно цѣнныхъ результатовъ.

Воспитанный продолжительнымъ наблюденіемъ надъ произведеніями природы, позволявшимъ ему съ чрезвычайной зоркостью усматривать самыя ничтожныя, повидимому, черты изучаемаго имъ произведенія искусства, обладая рѣдкой трезвостью и ясностью сужденія, онъ, кромѣ того, вносилъ въ это изученіе и ту искренность чувства и ту, если можно такъ выразиться, ученую добросовѣстность, которая не позволяетъ истинному служителю науки усматривать въ произведеніи болѣе того, что въ немъ находится, безъ выразительнаго предупрежденія читающаго. Къ тому же и историческимъ изученіемъ, которому въ послѣдніе годы С. А. отдавался съ особенной любовью, онъ опять таки былъ особенно подготовленъ къ разслѣдованію именно этой эпохи. И его познанія по ранней исторіи христіанскихъ церквей, и его замѣчательныя свѣдѣнія въ области обрядовыхъ древностей первоначальной христіанской общины, и его мелочное изученіе позднѣйшей христіанской живописи во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ—все это позволяло ему не только отыскивать общій смыслъ означенныхъ произведеній, но и излагать съ полной легкостью значеніе каждой детали, самаго темнаго, повидимому, символа.

Результаты этихъ его изслѣдованій, напечатанные въ изданіяхъ Общества, могутъ быть теперь по достоинству оцѣнены всѣми, желающими съ ними ознакомиться. Объясненіе мозаики въ церкви Преображенія въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ, его мастерская экзегеза миниатюръ къ греч. кодексу Евангелія открытаго въ Россано и сирійскаго Евангелія Лаврентіевской бібліотеки во Флоренціи—чтобъ назвать только наиболѣе капитальные изъ этихъ напечатанныхъ докладовъ—одинаково даютъ доказательство и его блестящаго остроумія, и рѣдкой способности его къ объясненію самыхъ темныхъ произведеній стариннаго искусства. На эти доклады, поэтому, и самъ покойный смотрѣлъ какъ на изслѣдованія, заслуживающія, какъ онъ думалъ, нѣкотораго вниманія съ стороны историковъ искусства. Въ предисловіи къ послѣдней изъ названныхъ монографій, посвященной четвероевангелію, писанному Рабулой, онъ, вообще столь скромный цѣнитель своихъ заслугъ въ наукѣ археологій, не безъ нѣкотораго чувства удовлетворенія и гордости оглядывается на предложенныя до него попытки объяснить миниатюры и, хотя и въ мягкой, но рѣшительной формѣ позволяетъ себѣ высказать убѣжденіе въ невѣрности толкованій своихъ предшественниковъ. Въ послѣсловіи къ другому изъ этихъ докладовъ, посвященному миниатюрамъ греч. кодекса въ Россано, онъ рѣшается подвести и нѣкоторые результаты своихъ кропотливыхъ изслѣдованій въ положеніяхъ, къ полному разъясненію которыхъ собственно и клонились всѣ

означенныя его работы. Положенія эти, ясно характеризующія его взгляды на исторію ранней христіанской живописи, по моему мнѣнію, заслуживаютъ дѣйствительно особаго вниманія. Въ той сжатой формѣ, которая придана была имъ покойнымъ и въ которой я и позволяю себѣ напомнить ихъ, онѣ заключаются въ слѣдующемъ: «Древне-классическое греческое искусство, перенесенное на Римскую почву, породило древне-христіанское Римское искусство, образцы котораго мы видимъ частью въ катакомбахъ, частью въ мозаикахъ Рима, на первомъ мѣстѣ въ церкви Пуденціаны (этотъ потокъ характеризуется, по словамъ С. А., символизмомъ и олицетвореніями).—То же греч. искусство на почвѣ неевропейской—въ Антиохіи, Сиріи и Египтѣ (покойный въ этомъ отношеніи собралъ рядъ неоспоримыхъ данныхъ)—приняло иное направленіе, образцами котораго служатъ Синайскія мозаики и Россанскій кодексъ (оба памятника, по опредѣленію С. А., VI вѣка): это направленіе характеризуется отсутствіемъ символизма и полнѣйшей реальностью представленій.

Фрагментъ Вѣнскій книги Бытія какъ бы соединяетъ оба эти потока, которые сливаются въ византійскомъ искусствѣ, представленномъ въ Равеннскихъ и Константинопольскихъ памятникахъ, причемъ эллинское, виѣвропейское, направленіе выразилось сильнѣе въ Константинополѣ, а римское въ Равеннѣ.

Русская иконопись есть родное дѣтище Константинополя; Джіотто—потомокъ Равенны.

Позволяю себѣ особенно указать на эти положенія потому, что покойный самъ высказалъ ихъ только мимоходомъ и съ крайней осторожностью и оговорками. Тщательно избѣгая общихъ выводовъ тамъ, гдѣ недостатокъ памятниковъ не уполномочиваетъ насъ къ какому либо положительному и достовѣрному заключенію, С. А. сначала какъ будто съ нѣкоторой нерѣшительностью позволялъ себѣ указывать на это въ высшей степени цѣнное пріобрѣтеніе, сдѣланное имъ для ранней исторіи христіанскаго искусства. Только изъ позднѣе сдѣланныхъ имъ отмѣтокъ въ докладѣ о Рабулѣ и изъ краткаго отчета о докладѣ, представленномъ имъ о Миланской рукописи Иліады¹⁾, видно, что въ немъ постепенно все болѣе и болѣе складывалось убѣжденіе въ дѣйствительномъ значеніи предложеннаго имъ взгляда; а между тѣмъ можно мнѣ кажется, положительно утверждать, что такъ же точно, какъ то уже оказалось при разборѣ евангелія изъ Россано,—такъ точно и каждое новое открытіе изъ области искусства до VIII в. только вновь будетъ подтверждать справедливость первыхъ двухъ положеній. Точно также и касательно Джіотто, думаю, что самый поверхностный взглядъ на его произведенія можетъ убѣдить cadaго, съ какой основательностью судилъ

¹⁾ Древности т. XI, вып. 2, стр. 31 протоколовъ.

о характеристических особенностях его направленія С. А. въ первой части своего послѣдняго тезиса, такъ что развѣ только относительно русской иконописи возможны въ этомъ отношеніи колебанія и, быть можетъ, и сомнѣнія. При сознательномъ, какъ кажется, пренебреженіи, съ которымъ относятся русскіе мастера къ виѣшней формѣ, при ревности, съ которой они приносятъ ее въ жертву религіозному ученію и, наконецъ, при точномъ слѣдованіи ихъ преданію, различить здѣсь преобладающее теченіе должно помочь время и болѣе тщательное разсмотрѣніе сохранившихся памятниковъ, конечно при содѣйствіи столь же знающаго руководителя, какимъ былъ С. А.

Одно время мы считали себя въ правѣ думать, что онъ и самъ желаетъ сдѣлать нѣкоторыя изъ произведеній древнихъ русскихъ мастеровъ предметомъ особаго доклада и что онъ вернется къ пересмотру этихъ положеній съ новымъ запасомъ матеріала, который онъ терпѣливо подбиралъ для окончательнаго ихъ разясненія.

Случай хотѣлъ, чтобы ожиданію этому не суждено было сбыться также, какъ не суждено сбыться и столь многимъ упованіямъ, которыя возлагались на него его друзьями.

Я не могу однако не упомянуть, какъ много могли мы еще ждать, повидимому, отъ С. А. Всѣмъ, ближе знавшимъ покойнаго въ теченіи послѣднихъ лѣтъ его жизни, было очень хорошо извѣстно, что напечатанные имъ доклады составляютъ только незначительную часть изъ того запаса новыхъ мыслей и блестящихъ обобщеній, которыя добыты были имъ при его продолжительныхъ и упорныхъ занятіяхъ искусствомъ и его исторіей. Совершенно новые взгляды, напр., на исторію русской храмовой постройки, которая давно уже занимала покойнаго и къ которой уже подобраны были имъ всѣ необходимые рисунки, остроумныя изысканія относительно исторіи плотничнаго и столярнаго ремесла и цѣлый рядъ совершенно оригинальныхъ взглядовъ по поводу различныхъ вопросовъ эстетики,—всѣ эти работы, помимо многихъ другихъ предполагавшихся имъ трудовъ, были имъ почти отдѣланы и даже могли бы быть по устнымъ сообщеніямъ почти сполна восстановлены. Имѣя случай часто и по долгу бесѣдовать по поводу этихъ вопросовъ съ С. А., я и самъ имѣлъ мысль часть сдѣланныхъ имъ выводовъ напомнить вамъ въ сегодняшнемъ засѣданіи.

По нѣкоторомъ колебаніи, однако, я рѣшился не затрогивать этихъ его изслѣдованій.

Пользуясь выраженіемъ одного изъ великихъ историковъ древности, я опасался, чтобы для знавшихъ его такое воспроизведеніе въ слабой передачѣ всегда блестящихъ устныхъ бесѣдъ С. А. не показалось неполнымъ и недостаточнымъ, мало же знавшимъ его способности и дарованія не представилось желаніемъ во что бы то ни стало подыс-

каты для него большіхъ правъ на ваше вниманіе. Полная оцѣнка этого, во многихъ отношеніяхъ типическаго, представителя Университетской науки извѣстнаго времени во всякомъ случаѣ не можетъ быть предметомъ краткаго сообщенія; безпристрастное сужденіе о немъ, можетъ быть, явится только въ будущемъ; но для васъ, близко знавшихъ его, даже и этого краткаго напоминовенія о его заслугахъ хотя бы въ одной незначительной области науки будетъ, я полагаю, достаточно, чтобы сохранить о немъ воспоминаніе какъ о выдающемся представителѣ ея и какъ о видномъ дѣятелѣ вашего общества, который своимъ добросовѣстнымъ служеніемъ этой наукѣ имѣетъ право на особое съ вашей стороны почитаніе.

II.

Рѣчь В. Р. Ключевскаго.

Покойный С. А. Усовъ оставилъ немного работъ по русской археологіи; но ихъ долго будутъ помнить всѣ, желающіе русской археологіи дальнѣйшихъ успѣховъ. Эти работы представляютъ не только біографическій, но и серіозный научный интересъ, котораго не утратятъ даже въ томъ случаѣ, еслибы ученая критика разрушила доказываемыя въ нихъ положенія: останутся памятными и оставятъ по себѣ научный слѣдъ выборъ и постановка вопросовъ и способъ ихъ разрѣшенія.

Въ археологіи, какъ и во всякой наукѣ, работающей наблюденіемъ, есть два рода вопросовъ: одни разрѣшаются простымъ накопленіемъ данныхъ, на нихъ отвѣчающихъ; другіе таковы, что прямыхъ отвѣтовъ на нихъ не дадутъ никакія данныя, сколько бы ихъ ни накопилось. Въ археологическомъ изученіи вопросы втораго рода чаще всего возбуждаются памятниками старины, въ которыхъ отразились понятія, давно исчезнувшія въ умахъ, или обычаи и отношенія, вышедшіе изъ житейскаго оборота. Такіе памятники—своего рода культурные могильники, въ которыхъ замерли когда-то живые и всѣмъ понятные интересы, дѣятельные мотивы ума и общежитія, заставлявшіе людей мыслить, дѣйствовать и бороться. Какъ воскресить въ этихъ памятникахъ угасшую жизнь, воротить въ сухіе скелеты духъ, давно ихъ покинувшій? Передъ такими памятниками археологъ останавливается, какъ передъ нѣмыми свидѣтелями, не понимая, что они хотятъ сказать, и не зная, какъ ихъ допросить. Приходится читать по жестамъ, по сочетаніямъ фигуръ и линій, подобно тому, какъ дѣти и досужіе любители читаютъ ребусы.

Какъ ученый, умъ котораго получилъ строгую выправку на отчетливомъ методѣ естествовѣдѣнія, С. А. высоко цѣнилъ медленное и терпѣливое собраніе и осторожную разборку археологическаго матеріала,—ту работу, начало которой съ такимъ трудолюбіемъ и умѣньемъ было положено гр. А. С. Уваровымъ въ его Археологіи Россіи. Но самъ онъ чаще обращался къ вопросамъ втораго рода, любилъ разгадывать археологическія загадки, пользуясь преимущественно собраннымъ и разобраннымъ матеріаломъ. Въ этихъ работахъ онъ ставилъ

такія задачи и къ ихъ разрѣшенію прилагалъ такіе приемы изслѣдованія, которые не могутъ быть забыты безъ ущерба для историко-археологическаго изученія нашего отечества. Я напому присутствующимъ только два его опыта по русской археологіи—двѣ «замѣтки», какъ скромно назвалъ ихъ авторъ, въ которыхъ онъ обнаружилъ свое мастерство ставить задачи и разрѣшать ихъ.

Я едвали ошибусь, сказавъ, что въ археологіи Россіи загадочными явленіями, трудноразрѣшимыми вопросами особенно обильны нумизматика, церковное зодчество и церковная живопись. На эти отдѣлы археологіи и обращено было особенное вниманіе С. А. Усова, и нельзя было не удивляться чуткости и изобрѣтательности, съ какими онъ по темнымъ слѣдамъ выслѣживалъ научно-интересный фактъ и придумывалъ средства сдѣлать его достояніемъ науки,—тому ученому коварству, съ какимъ онъ подсиживалъ упрямый вопросъ, неговорчивое явленіе, высматривая, съ какой стороны удобнѣе напасть на него и овладѣть имъ. Прочитавъ одну почтенную диссертацию о русскихъ деньгахъ во времена Русской Правды ¹⁾, Сергій Алексѣевичъ замѣтилъ, что осталось необъясненнымъ одно странное явленіе. Однимъ и тѣмъ же терминомъ обозначались понятія, между которыми не было ничего общаго: гривной назывался металлическій обручъ, служившій шейнымъ украшеніемъ, а гривной кунъ, т. е. куньяго мѣха, называли слитокъ серебра, ходившій на Руси во времена Русской Правды съ значеніемъ мѣновой цѣнности, монеты. Этотъ археологическій ребусъ живо затронулъ пытливость Сергія Алексѣевича. Онъ двинулъ въ дѣло чрезвычайно сложный ученый аппаратъ—и западно-европейскую рыцарскую геральдику съ ея теоріей гербовыхъ цвѣтовъ, и географическое распространеніе пушныхъ звѣрей, и ихъ зоологическія особенности, и техническія подробности мѣховаго промысла съ его древней и новой русской терминологіей,—и путемъ сопоставленія столь разнообразныхъ данныхъ пришелъ къ заключенію, что первоначально гривной кунъ называлось оплечье изъ дорогихъ собольихъ мѣховъ, которыми украшались знатные у насъ и на Западѣ, какъ бы дѣлая себѣ изъ него красивую гриву, а такъ какъ мѣха служили въ то время и мѣновыми цѣнностями, деньгами, то гривна кунъ значила въ то же время и определенное количество собольихъ шкурокъ, какое шло на это оплечье; потомъ, когда мѣновыми цѣнностями сдѣлались у насъ драгоцѣнные металлы, гривной кунъ стали звать кусокъ золотого или серебрянаго прута, равнявшійся по цѣнѣ такому количеству собольихъ мѣховъ, а просто гривной—самый прутъ, согнутый въ видѣ кольца, который носили на шеѣ какъ украшеніе, подобно мѣховому оплечью. Точно также объяснены были и древнія русскія названія мелкихъ денежныхъ единицъ, на ко-

¹⁾ Изслѣдованія о Русской Правдѣ, П. Мрочекъ-Дроздовскаго, вып. I. М. 1881.

торыя дѣлилась серебряная гривна кунъ: ногаты, куны, рѣзаны. Можно поправить одну, другую подробность въ этомъ изслѣдованіи; еще легче пополнить его тѣмъ или другимъ соображеніемъ: но противъ высказанной въ немъ основной мысли—о происхожденіи древнѣйшей денежной системы въ Россіи съ ея терминологіей—до сихъ поръ въ литературѣ, если не ошибаемся, не появлялось возраженій. Мы всѣ помнимъ живой обмѣнъ догадокъ, соображеній и сомнѣній, вызванный въ нашемъ Археологическомъ Обществѣ въ 1882 г. открытыми на алтарной каменной преградѣ Московскаго Успенскаго собора фресками, изображавшими рядъ святыхъ, помѣщеніе которыхъ на иконостасѣ не было обычно въ древнерусской иконописи. Сергѣй Алексѣевичъ цѣпко ухватился и за этотъ вопросъ. Святые, о которыхъ шла рѣчь, не были ни пророки, ни апостолы, изображенія которыхъ православный русскій чело-вѣкъ привыкъ видѣть на иконостасѣ надъ мѣстными иконами. Предстояло объяснить неожиданное появленіе такихъ иконъ на непривычномъ для нихъ мѣстѣ, угадать, что хотѣли сказать люди древней Руси, помѣщая въ главномъ храмѣ своей столицы рядъ такихъ изображеній прямо передъ обращенными къ алтарю глазами молящихся. Сергѣй Алексѣевичъ тщательно изучилъ открытыя фрески, потомъ пересмотрѣлъ русскія лѣтописи за XIV и XV вѣка—и, опираясь на извѣстный обычай древней Руси укрѣплять воспоминаніе о важныхъ случаяхъ своей жизни изображеніями святыхъ, въ дни памяти которыхъ они совершались, сопоставилъ по мѣсяцеслову событія, отмѣченныя въ лѣтописяхъ точными датами, съ фресковыми иконами Успенскаго собора. Оказалось, что дни памяти этихъ святыхъ совпадаютъ съ событіями нашей церковной и государственной исторіи, которыми ознаменовался трудный, сопровождавшійся болѣзненными переломами національно-политическій ростъ Московскаго княжества въ XV вѣкѣ, каковы были: борьба великаго князя Василія Темнаго съ Шемякой, поставленіе св. Іоны въ митрополиты Россіи соборомъ русскихъ святителей въ 1448 году, торжество надъ Казанью въ 1469 году, паденіе Новгорода, бракъ Іоанна III съ Софіей, уходъ Татаръ съ береговъ Угры въ 1480 году, сопровождавшійся освобожденіемъ Московской Руси отъ татарскаго ига и т. п. И въ этомъ изслѣдованіи можно сдѣлать детальныя поправки; но что сказать противъ основной мысли и приемовъ, помощію которыхъ она доказывается?

Можетъ показаться досужей игрой остроумія эта наклонность къ археологическимъ загадкамъ и разгадкамъ. Но изъ сказаннаго достоуважаемымъ ученымъ, слово котораго о покойномъ мы только что выслушали, можно видѣть, что эта наклонность имѣла гораздо болѣе серьезный источникъ. Сергѣй Алексѣевичъ тонкимъ чутьемъ чуялъ въ такихъ загадочныхъ археологическихъ явленіяхъ скрытые слѣды наибо-

лѣе важныхъ историческихъ фактовъ. Исторія—что скромная женщина: глубочайшія движенія своей души она выражаетъ наиболѣе сдержанными жестами и наименѣ слышными уединенными вздохами. Это умѣнье уловить историческій намекъ, скрытый въ устарѣломъ техническомъ терминѣ, угадать мысль древнихъ людей, закрытую отъ насъ нѣкогда всѣмъ понятными художественными образами, и дѣлало работы Сергѣя Алексѣевича по русской археологіи особенно цѣнными опытами въ изученіи нашего прошедшаго. Онъ подносилъ изученныя, разгаданныя имъ археологическія данныя историку, говоря: «вотъ о чемъ повѣдаютъ эти некрасивыя и непонятныя, обветшалыя слова и вещи; остальное—твое дѣло». И историкъ видѣлъ, что обветшалыя слова и вещи повѣдаютъ важныя историческія дѣла; признавалъ въ археологѣ своего ближайшаго товарища и сотрудника, который изъ археологическаго камешка умѣетъ высѣкать искру историческаго знанія, даже не замѣчая, сколько темныхъ точекъ прошедшаго неожиданно освѣщается этой искрой. Посредствомъ геральдическихъ, зоологическихъ и даже ремесленныхъ—скорняжныхъ соображеній Сергѣю Алексѣевичу удалось восстановить бытовую связь термина, означавшаго шейное металлическое украшеніе, съ терминомъ, означавшимъ мѣховую и металлическую мѣновую цѣнность; но онъ повидимому и не подозревалъ, что его догадка помогаетъ объяснить не только происхожденіе терминологіи древнѣйшей русской денежной системы, не только прослѣдить переходъ отъ мѣховыхъ денежныхъ знаковъ къ металлическимъ, но и объяснить время, когда получили окончательную выработку разныя части Русской Правды, и прослѣдить нѣкоторые перевороты, испытанные русскимъ народнымъ хозяйствомъ въ XI и XII в. Въ заключеніи своей статьи о фрескахъ Успенскаго собора онъ писалъ, что этотъ соборъ въ 1483 г., послѣ того какъ были написаны эти фрески, представлялъ наглядную исторію Московскаго княжества, его возвышенія, обособленія Русской церкви и т. д. Но историкъ можетъ извлечь изъ его изслѣдованія и больше того: онъ увидитъ, какъ сами московскіе люди XV в. взвѣшивали и цѣнили совершавшіяся на ихъ глазахъ и при ихъ участіи событія, какимъ изъ нихъ придавали значеніе достопамятныхъ дѣяній и какія считали нужнымъ или простительнымъ забыть. Глубже всего врѣзались въ ихъ памяти и историческомъ сознаніи борьба Темнаго съ Шемякой и паденіе Новгорода Великаго, слабѣе—нападенія Татаръ, давно ставшія привычнымъ бѣдствіемъ, а отношенія къ Литвѣ и Польшѣ и судьба поглощенныхъ Москвой при Іоаннѣ III до 1482 г. ближайшихъ къ ней княжествъ Ярославскаго и Ростовскаго, какъ и столкновенія Іоанна съ родными братьями не оставили никакого слѣда въ томъ историческомъ русскомъ Пантеонѣ,—если позволительно такое сравненіе,—какимъ былъ московскій Успенскій соборъ. Это умѣнье въ архео-

логическихъ разысканіяхъ подходить такъ близко къ прямымъ задачамъ историческаго знанія было источникомъ того живаго интереса, какой пробуждали рефераты Сергѣя Алексѣевича. Вотъ почему слушать его сообщенія было наслажденіемъ, не смотря на торопливое, недостаточно обработанное и всегда слишкомъ сжатое ихъ изложеніе: каждая догадка возбуждала мысль даже тогда, когда не вполне ее убѣждала; каждый выводъ билъ прямо въ цѣль, мелкая техническая подробность, архитектурная или иконографическая, шла въ дѣло, являлась проблескомъ народнаго ума или чувства, той народной работы, которою создается историческая жизнь. Съ этой стороны можно глубоко пожалѣть о томъ, что Сергѣй Алексѣевичъ не успѣлъ кончить и издать большаго изслѣдованія о древнерусскихъ храмовыхъ постройкахъ, надъ которыми онъ много и съ любовью работалъ. Онъ любилъ дѣлиться результатами этой работы съ близкими своими знакомыми: въ потокъ сложныхъ техническихъ соображеній о церковныхъ пристройкахъ, о вѣнцахъ деревянныхъ церковныхъ стѣнъ, объ опорахъ купола выплывалъ передъ слушателемъ древнерусскій вѣрующій мастеръ—плотникъ, который, зная, что онъ дѣлаетъ дѣло во имя Божіе, съ ничтожными техническими средствами, съ дубовымъ бревномъ и топоромъ, напрягалъ все силы своего ума и эстетическаго творчества, чтобы воспроизвести и приспособить къ мѣстнымъ условіямъ архитектурную схему каменной греческой церкви. Это исканіе народной мысли, самороднаго творчества въ техническихъ сочетаніяхъ и фигурахъ и сообщало удивительную свѣжесть специальнымъ изслѣдованіямъ Сергѣя Алексѣевича. Этому направленію археологическихъ разысканій я и придаю большое значеніе. Ему несомнѣнно предстоитъ счастливая будущность, и слѣдовательно не можетъ быть и вопроса о томъ, какая участь ждетъ русскую археологію, подастъ ли она руку отечественной исторіографіи для дружнаго общаго дѣла и взаимной помощи, или, боязливо закопавшись въ свои руины, сама превратится въ сухой ученый костякъ.

Особенности, какими отличались работы Сергѣя Алексѣевича по русской археологіи, тѣсно связаны съ общимъ умственнымъ и нравственнымъ его складомъ и Археологическое Общество, надѣюсь, не постѣтуетъ на меня, если свое воспоминаніе объ археологическихъ трудахъ нашего покойнаго товарища и моего друга я закончу двумя, тремя чертами его характера,—только такими, которыми всего болѣе объясняется направленіе его работъ по русской археологіи. Если мнѣ будетъ позволено злоупотребить терминологіей любимой науки Сергѣя Алексѣевича, характеръ его былъ построенъ въ ироническомъ стилѣ. Это былъ цѣльный и крѣпкій характеръ; но его цѣльность и крѣпость выражалась въ гармоническомъ сочетаніи складныхъ противорѣчій. Его наружная манера мало походила на его внутреннія свойства и совер-

шенно невѣрное понятіе получалъ о немъ тотъ, кто привыкъ принимать манеру за характеръ, забывая или не умѣя понять, что иная манера не выдаетъ, а маскируетъ характеръ. Господствующими видимыми особенностями Сергѣя Алексѣевича были неистощимое веселое остроуміе и равнодушная, порой немножко придирчивая насмѣшка; но я не знавалъ человѣка болѣе задушевнаго, глубже чувствующаго, болѣе доброжелательнаго и снисходительнаго. Такими же видимыми противорѣчіями отличался и складъ его ума. Что онъ зналъ, то зналъ основательно и глубоко; но онъ всегда показывалъ видъ, что лишь на досугѣ интересуется этимъ: знатокъ прятался въ немъ подъ личиной любителя. По свойству своихъ научныхъ взглядовъ и интересовъ, онъ всего менѣе былъ специалистомъ; въ широкой объемъ своего міросозерцанія онъ вбиралъ все, что нужно знать человѣку, чтобы приблизиться къ истинѣ, умѣть найтись среди вѣчныхъ вопросовъ, которые тревожатъ его умъ и смущаютъ совѣсть. Но онъ брезгливо отворачивался отъ тѣхъ суетливыхъ разнощиковъ истины, которые на всѣхъ перекресткахъ пріемлютъ всеу ея имя. Обладая умомъ вдумчивымъ и требовательнымъ, искавшимъ отвѣтовъ на самые существенные вопросы знанія, онъ смѣло пускался въ самые безнадежные ученые поиски, погружался въ самыя тоскливыя научныя мелочи. Ему было противно то ученое сибаритство, которое по двумъ, тремъ готовымъ даннымъ комфортно строить уютную теорію. Эти особенности ума Сергѣя Алексѣевича отразились и въ его ученыхъ работахъ по археологіи. Онъ любилъ копаться въ микроскопическихъ мелочахъ, не общавшихъ ничего кромѣ маленькаго вывода,—и выносилъ изъ нихъ крупное научное положеніе. Зато на мудреные вопросы, которые онъ любилъ разрѣшать кропотливыми изысканіями, онъ давалъ такіе простые отвѣты, которые заставляли дивиться, какъ это прежде не догадывались, въ чемъ дѣло. У него во всемъ свѣтился удивительно зоркій взглядъ естествовѣда, привыкшій не пропускать мелочей, но умѣвшій не быть мелочнымъ.

Дѣло психолога объяснить происхожденіе такихъ характеровъ. Но я не удивлюсь, если въ моемъ неполномъ и тускломъ изображеніи ученой дѣятельности и характера Сергѣя Алексѣевича кто-нибудь усмотритъ неожиданныя черты, которыхъ онъ не замѣчалъ въ покойномъ при его жизни. Сергѣй Алексѣевичъ нелегко поддавался наблюдателю и совсѣмъ ускользалъ отъ наблюдателя равнодушнаго и разсѣяннаго. Благодаря этой неподатливости, онъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ, если можно такъ выразиться, узнаютъ заднимъ числомъ: когда замѣтишь, что ихъ ужъ нѣтъ, только тогда начинаешь понимать, чѣмъ они были.

III.

РѢчь Д. Н. Анучина.

Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ, какъ членъ Московскаго Археологическаго Общества и какъ археологъ-натуралистъ.

Въ лицѣ С. А. Усова русская археологическая наука понесла весьма чувствительную потерю. Умеръ человѣкъ, глубоко понимавшій искусство, живо интересовавшійся его историческимъ развитіемъ, изучавшій обстоятельно и съ любовью древности христіанскія и русскія. Не по обязанности, не въ какой либо официальной роли посвящалъ онъ свое время на изученіе искусства и древностей; онъ отдавался этому труду съ юношескимъ увлеченіемъ, находилъ въ немъ высшее удовлетвореніе потребностямъ своей художественной природы, лучшее наслажденіе для своего высоко-развитаго и въ то же время оригинальнаго, яснаго чисто русскаго ума. Такіе люди, если бы даже они ничего не написали въ своей жизни, дороги для науки и искусства: они поддерживаютъ и развиваютъ въ обществѣ уваженіе къ высшимъ идеаламъ знанія и красоты, они являются лучшими носителями и цѣнителями успѣховъ науки и откровеній искусства. Но С. А. не былъ только усвоителемъ результатовъ чужаго труда и мысли; благодаря своей талантливости, многосторонности своихъ свѣдѣній, ясности своего ума, своему художественному чутью и навыку, наконецъ—своей чисто русской, здоровой смѣткѣ, онъ вносилъ въ усвоиваемое имъ чужое—всегда свое, «Усовское»: и это «свое» было всегда нѣчто новое, умное, возбуждавшее интересъ и привлекавшее своею оригинальностью. Можно было иногда не соглашаться съ тѣмъ или другимъ изъ его выводовъ, можно было оспаривать нѣкоторые его взгляды и доводы, но нельзя было не отдавать должнаго широтѣ и остротѣ его ума, нельзя было не интересоваться затрогиваемыми имъ вопросами, развиваемыми взглядами, всегда остроумными замѣчаніями и соображеніями.

Покойный, какъ извѣстно, въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ своей жизни отдавался главнымъ образомъ изученію исторіи искусства. Въ это время онъ собралъ, съ большими затратами и хлопотами, драгоценное собраніе книгъ, гравюръ, фотографій, и приобрѣлъ обширныя свѣдѣнія по разнымъ вопросамъ искусства и древностей. Эти свѣдѣнія,

какъ и всѣ собранные имъ цѣнные матерьялы, онъ не тайлъ и не хранилъ эгоистически только для себя; онъ готовъ былъ дѣлиться ими со всѣми интересующимися и находилъ лучшее удовольствіе въ бесѣдахъ о предметахъ искусства. Мало по малу его познанія въ этой отрасли возрасли настолько, что онъ могъ выработать самостоятельные взгляды по многимъ вопросамъ, могъ изъ ученика-диллетанта сдѣлаться глубокимъ знатокомъ и учителемъ. По приглашенію г. Поливанова, онъ взялся прочесть нѣсколько лекцій по исторіи искусства двумъ старшимъ классамъ его гимназіи—и эти лекціи обратились въ пять лѣтъ постоянного, безвозмезднаго преподаванія исторіи образовательныхъ искусствъ. Лекціи Усова посѣщались многими его слушателями и по выходѣ ихъ изъ гимназіи, въ бытность ихъ уже студентами, и несомнѣнно имѣли для нихъ большое образовательное и воспитательное значеніе. Можно только сожалѣть, что эти чтенія ограничились лишь тѣснымъ, небольшимъ кружкомъ юношей и что покойный не находилъ возможнымъ или стѣснялся выступить передъ болѣе обширной аудиторіей, которая несомнѣнно бы составила и могла бы многому отъ покойнаго поучиться. Жаль вообще, что эти лекціи оставили по себѣ сравнительно малый слѣдъ, что покойному не удалось ихъ обработать и издать въ видѣ книги, что онѣ не были, повидимому, записаны и съ необходимыми исправленіями изданы, хотя бы въ формѣ литографированнаго конспекта. Мало у насъ людей, которые бы занимались съ такимъ увлеченіемъ исторіей искусствъ, такъ много бы знали въ этой области и обладали бы въ то же время такою способностью уловлять суть, излагать наглядно и интересно. Лекціи С. А. могли бы, несомнѣнно, принести большую пользу русскому обществу, въ которомъ еще такъ мало распространено основательное пониманіе искусства и къ услугамъ котораго имѣется такъ мало сочиненій, которыя бы знакомили съ исторіей развитія художествъ. Изучая искусство, его памятники въ различныя историческія эпохи, С. А. неизбежно долженъ былъ встрѣтиться съ вопросами археологіи, имѣющей съ исторіей искусствъ тѣсныя и многоразличныя связи. Впрочемъ, нѣкоторые отдѣлы археологіи интересовали покойнаго и сами по себѣ, безъ ближайшаго отношенія къ вопросамъ искусствъ. Припомнимъ, напримѣръ, его рефератъ о древнихъ русскихъ деньгахъ, о Саламинскомъ счетномъ столѣ, о значеніи древнихъ фресокъ Моск. Успенскаго собора и др. Можно сказать даже, что все, написанное С. А. въ послѣднія десять лѣтъ, относится къ области археологіи и нѣкоторыя изъ напечатанныхъ имъ статей представляютъ даже цѣнный въ нее вкладъ, освѣщая новымъ свѣтомъ темные вопросы или заключая въ себѣ весьма оригинальныя и интересныя соображенія.

Этой стороною своей дѣятельности С. А. былъ особенно близокъ и дорогъ нашему Археологическому обществу. Въ его засѣданіяхъ онъ

сообщать результаты своихъ изслѣдованій, въ его изданіяхъ помѣщены всѣ тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ болѣе оригинальнаго или которыя были имъ полнѣе обработаны. Въ теченіи многихъ лѣтъ, сообщенія С. А. служили украшеніемъ нашихъ собраній; они привлекали къ себѣ интересъ, касались любопытныхъ новыхъ вопросовъ, вызывали иногда пренія и дополнительные замѣчанія. Съ 1876 по 1886 г. С. А. сдѣлалъ въ Археологическомъ обществѣ 23 сообщенія, изъ коихъ большинство, именно 20, приходится на года съ 1879-го по 1885-й, такъ что въ эти годы С. А. дѣлалъ, среднимъ числомъ, по 3 сообщенія въ годъ. Едва ли между нашими сочленами найдется кто либо другой, столь же усердный въ этомъ отношеніи и котораго сообщенія при томъ были бы столь же обширны (нѣкоторыя изъ нихъ занимаютъ по 5—7 печатныхъ листовъ), представляли бы подобный же интересъ и носили бы на себѣ такой же отпечатокъ оригинальности.

Въ виду того, что не всѣмъ членамъ, вѣроятно, памятно всѣ указанныя мною 23 сообщенія, я позволю себѣ перечислить ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить передъ вами ходъ дѣятельности С. А. въ нашемъ Обществѣ. Въ засѣданіи 3 января 1876 г. д. членъ А. А. Котляревскій сдѣлалъ обзоръ только что вышедшаго тогда труда В. В. Стасова о фрескахъ катакомбы, открытой въ Керчи, въ 1872 г.; мѣсяца два послѣ того, въ годичномъ засѣданіи 9 марта 1876 г., нарочно приглашенный профессоръ С. А. Усовъ (тогда еще не членъ Общества) представилъ свое (1) объясненіе фресокъ Керченской катакомбы, напечатанное въ VI томѣ Трудовъ Общества («Древности» VI, вып. 2, стр. 27—34). Вскорѣ послѣ того, въ засѣданіи 14 марта того же года, С. А. былъ предложенъ гр. А. С. Уваровымъ и В. Е. Румянцовымъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества и избранъ въ первомъ послѣ лѣтнихъ каникулъ засѣданіи, состоявшемся 5 октября 1876 года. Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи 29 ноября С. А. уже присутствуетъ въ качествѣ члена и излагаетъ (2) свои соображенія о древне-русскихъ моноксилахъ или однодеревкахъ. Затѣмъ, въ теченіи почти всей зимы, Усовъ не посѣщалъ Общества; но въ засѣданіи 27 апрѣля 1877 г. снова сдѣлалъ сообщеніе (3) «О Саламинскомъ счетномъ столѣ». Оба эти сообщенія были устные, не были, повидимому, написаны—и въ «Труды» Общества поэтому не вошли. Послѣ того, С. А. въ теченіи двухъ лѣтъ не посѣщаетъ Общества, но въ засѣданіи 20 апрѣля 1879 г. выступаетъ съ большимъ сообщеніемъ (4) «о мозаикѣ въ церкви Преображенія, въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ» («Древности» т. VIII, стр. 105—122), а въ слѣдующемъ 1880-мъ году, въ засѣданіи 14 октября, съ неменѣе интереснымъ сообщеніемъ (5) «о миниатюрахъ новооткрытаго ученымъ Гарнакомъ въ одномъ изъ монастырей Калабріи греческаго евангелія VI вѣка» («Древности» т. VIII, стр. 105—122). Съ этого времени С. А. начинаетъ

принимать постоянное и живое участіе въ собраніяхъ Общества. 7 января 1881 г. онъ излагаетъ свои соображенія (6) о миниатюрахъ въ книгѣ Бытія, въ Вѣнской библіотекѣ; 6 ноября того же года дѣлаетъ интересное и важное сообщеніе (7) о древнихъ русскихъ деньгахъ по Русской Правдѣ («Древности», т. IX, стр. 89—104). Въ 1882 г., въ засѣданіи 17 февраля, С. А. сообщаетъ (8) о замѣчательномъ коврѣ Геронскаго собора («Древности», т. IX, стр. 105—114), а въ засѣданіи 12 марта, предлагаетъ (9) объясненіе миеологическаго изображенія на золотой бляхѣ, найденной въ станицѣ Сѣверской, Кубанской области, и за тѣмъ представляетъ, на основаніи новаго каталога Кенсингтонскаго Музея (10), объясненіе рѣзныхъ изображеній на черенкѣ ножа съ гербомъ Папы Юлія II, сдѣланныхъ художникомъ Палейоло. Въ годичномъ засѣданіи 12 апрѣля 1882 г., С. А. выступилъ съ интересными соображеніями (11) о значеніи древнихъ фресокъ, открытыхъ на стѣнѣ, за иконостасомъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, и 21 сентября того же года представилъ (12) болѣе подробное сообщеніе по тому же предмету, основанное на тщательномъ изученіи лѣтописей, и вызвавшее замѣчанія со стороны гг. А. С. Уварова, И. Д. Мансветова и А. С. Павлова (см. «Древности» т. X, стр. 73—94, и «Протоколы засѣданій» №№ 197 и 199, въ «Древностяхъ» т. IX). 15-го ноября того же года, С. А. представилъ (13) новое объясненіе золотой бляхи, найденной въ станицѣ Сѣверской, Кубанской области, а 12 декабря—изложилъ (14) мнѣніе Бреславльскаго профессора Гассе о реставраціи Венеры Милосской. На святкахъ 1883—84 гг., С. А., совместно съ И. Д. Мансветовымъ, ѣздилъ во Владиміръ для осмотра открытыхъ въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ древнихъ фресокъ и по возвращеніи, въ засѣданіи 11 января 1883 г., изложилъ (15) результаты своихъ археологическихъ наблюденій. Познакомивъ съ исторіею собора и его нынѣшнимъ состояніемъ, референтъ описалъ размѣщеніе открытыхъ фресокъ, объяснилъ ихъ содержаніе и особенно подробно остановился на изображеніи Страшнаго суда, занимающемъ часть западной и южной стѣны Андреевскаго собора (см. «Протоколы» № 205, въ X томѣ «Древностей»). При этомъ, въ виду проектированной реставраціи стѣнописи собора, С. А. внесъ предложеніе объ образованіи при Обществѣ особой комиссіи для руководства этимъ дѣломъ, каковое предложеніе и было принято. Въ томъ же засѣданіи С. А. прочиталъ (16) свой обстоятельный отвѣтъ А. С. Павлову по поводу его «разбора лѣтописныхъ извѣстій о времени первоначальнаго украшенія Московскаго Успенскаго собора стѣнными изображеніями» («Протоколы» № 205, приложение А). Въ засѣданіи 10 октября 1883 г. С. А. изложилъ (17) результаты своего обстоятельнаго изученія миниатюръ Сирійскаго евангелія Рабулы, хранящагося въ Лаврентіанской библіотекѣ во Флоренціи («Древности» XI, вып. 2, стр. 1—51) и представилъ

соображенія относительно происхожденія этой рукописи и ея иконографическихъ деталей, а въ засѣданіи 7 декабря того же года предложилъ (18) объясненіе уродливыхъ терракоттовыхъ статуэтокъ, найденныхъ въ Керченскихъ катакомбахъ и демонстрированныхъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій Общества А. М. Подшиваловымъ («Протоколы», № 211). Въ 1884 г., въ засѣданіи 3 декабря, С. А., представивъ фотографическій снимокъ съ древняго знамени—хоругви, хранящагося въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, что на Устьѣ близъ Ростова, сдѣлалъ (19) описаніе этого знамени и высказалъ соображенія о вѣроятномъ его происхожденіи («Протоколы», № 219). Въ 1885 г., въ годичномъ засѣданіи 30 апрѣля, С. А. сдѣлалъ сообщеніе (20) о миниатюрахъ къ Илиадѣ, хранящихся въ Амброзіанской библіотекѣ въ Миланѣ («Протоколы», № 224); въ засѣданіи 11 октября прочелъ рефератъ (21) «Объ иконѣ Сочествія Св. Духа», и наконецъ, въ засѣданіи 4-го апрѣля 1886 г.—сообщилъ (22) «о значеніи слова Деисусъ» и (23)—дополнительную замѣтку къ объясненію миниатюръ Сирійскаго евангелія Рабулы.

Большая часть перечисленныхъ мною сообщеній С. А. Усова несомнѣнно хорошо извѣстна членамъ Общества, присутствовавшимъ при ихъ докладѣ или читавшимъ ихъ въ «Древностяхъ». Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній представляютъ немалое значеніе для науки о русскихъ древностяхъ, другія—весьма интересны для исторіи древне-христіанскаго и античнаго искусства. Я не буду, впрочемъ, останавливаться на ихъ разборѣ, такъ какъ признаю себя для этого некомпетентнымъ и такъ какъ лица, гораздо болѣе меня свѣдущія, взяли на себя трудъ очертить передъ Обществомъ взгляды С. А. на искусство и значеніе его трудовъ для разработки русскихъ древностей. Я позволю себѣ остановиться только на нѣкоторыхъ работахъ покойнаго нашего сочлена, работахъ интересныхъ въ томъ отношеніи, что онѣ наглядно доказываютъ пользу, которую можетъ приносить для археологіи содѣйствіе естествознанія,—доказываютъ, какъ натуралистъ можетъ иногда разъяснять вопросы, представляющіеся темными для историка, и какимъ новымъ свѣтомъ вообще въ состояніи озаряться далекое прошлое подъ лучами естественно-историческаго знанія и метода.

Взаимное общеніе между науками, въ цѣляхъ разъясненія болѣе сложныхъ вопросовъ, уже вошло въ обычай на западѣ и ему обязаны, между прочимъ, въ значительной степени новѣйшіе успѣхи различныхъ отраслей естествознанія. Одинъ знаменитый ученый, англійскій физикъ Максвелль, опредѣлилъ даже нѣсколько рѣзко значеніе этой взаимной помощи наукъ, сказавъ, что наиболѣе важныхъ успѣховъ знанія въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать отъ взаимнаго скрещиванія наукъ. Но если такая взаимопомощь между науками въ состояніи быть

полезною для каждой отрасли знаний, то особенно плодотворною может она быть въ археологiи, въ дѣлѣ разъясненiя темнаго, отдаленнаго прошлаго. Труды специалистовъ-историковъ могутъ во многихъ случаяхъ получать значительное дополненiе въ трудахъ изслѣдователей литературы, искусствъ, религiй, юридическихъ древностей, вещественныхъ памятниковъ, наконецъ географовъ, этнографовъ и специалистовъ по различнымъ отраслямъ естествознанiя. Остановиваясь исключительно на содѣйствiи послѣднихъ, достаточно было бы указать на т. наз. первобытную или доисторическую археологiю, которая возникла лишь благодаря содѣйствiю геологовъ, антропологовъ, зоологовъ и которая можетъ разрабатываться далѣе лишь при дѣятельномъ совмѣстномъ участiи натуралистовъ и археологовъ. Но и обращаясь къ болѣе позднимъ эпохамъ, стоящимъ на границѣ или входящихъ вполнѣ въ предѣлы историческаго періода, можно указать на многіе случаи, когда натуралисты оказали существенную помощь археологiи и когда содѣйствiе естествознанiя было вообще весьма кстати. Укажу, напримѣръ, на гипотезу геолога Зюса—для объясненiя ассирійскаго эпоса Издубара и библейскаго сказанiя о потопѣ; на раскопки натуралиста Ботта въ развалинахъ Хорсабада; на изслѣдованiя геолога Рихтховена по древней исторiи и географiи Китая; на этюды академика Бэра по опредѣленiю нѣкоторыхъ мѣстностей, описываемыхъ въ Одиссее и по другимъ вопросамъ древностей; на работы Вирхова, связанные съ раскопками Шлимана; на работы зоологовъ и ботаниковъ, объяснившихъ намъ происхожденiе древняго пурпура,—природу растенiя *Silphium* (разведенiе котораго составляло одинъ изъ источниковъ богатства древней Киренаики); подробности земледѣлiя и скотоводства у древнихъ Египтянъ, наконецъ многія темныя мѣста у Геродота, Аристотеля и другихъ писателей древности. Напомню также рядъ антропологическихъ изслѣдованiй для выясненiя физическаго типа различныхъ народовъ древности и по изученiю географическаго распредѣленiя различныхъ расъ въ доисторическій и историческій періодъ и т. д. Самый методъ изслѣдованiя древности подвергся въ новѣйшее время измѣненiямъ, подъ влiянiемъ методовъ естествознанiя. По замѣчанiю профессора Курциуса, какъ естествознанiе освободилось отъ случайности открытiй, ставши во многихъ отрасляхъ экспериментальнымъ, т. е. выставляющимъ опредѣленные вопросы и разрѣшающимъ ихъ путемъ сознательнаго, цѣлесообразнаго метода, такъ и наука о древности не довольствуется теперь только разсмотрѣнiемъ того, что случайно сохранилось на классической почвѣ или случайно извлекается изъ ея нѣдръ, но также ставитъ точные вопросы и заставляетъ почву давать на нихъ отвѣты. Она достигаетъ этого правильными, систематическими раскопками въ такихъ мѣстностяхъ, которыя, по извѣстнымъ указанiямъ, обѣщаютъ дать богатый матеръ-

ялъ для рѣшенія опредѣленныхъ научныхъ проблемъ. Кромѣ того, археологія, подъ вліяніемъ естествознанія, начала обращать вниманіе на такіе остатки древности, которые ранѣе ею пренебрегались, напримѣръ, кости человѣка и животныхъ, остатки растительныхъ продуктовъ, свойства окружающаго грунта и т. д. Съ другой стороны, при изученіи древнихъ памятниковъ наука также не довольствуется теперь ихъ голымъ описаніемъ или сличеніемъ съ памятниками античной культуры, но подвергаетъ ихъ обстоятельному сравненію съ древностями различныхъ странъ и народовъ и анализируетъ ихъ при содѣйствіи этнографіи, антропологіи, лингвистики, геологіи, химіи (напр. анализъ бронзы) и т. д. Въ ряду этихъ пособниковъ археологіи немаловажную роль могутъ играть и зоологи. Они въ состояніи опредѣлить находимыя при раскопкахъ кости животныхъ, что иногда можетъ представлять важность для познанія обстановки и быта соотвѣтственной эпохи и народа; они же могутъ помочь въ изученіи изображеній животныхъ и т. наз. «животнаго орнамента», въ идентифицированіи древнихъ названій животныхъ или ихъ продуктовъ и т. д. Чѣмъ менѣе археологія будетъ замыкаться въ тѣсный кругъ, чѣмъ болѣе она будетъ пользоваться содѣйствіемъ разныхъ специалистовъ, тѣмъ богаче будутъ ея результаты и тѣмъ плодотворнѣе будетъ ея роль въ ряду другихъ отраслей знанія.

У насъ въ Россіи, однако, до послѣдняго времени археологія мало пользовалась содѣйствіемъ естествознанія. Гр. А. С. Уваровъ былъ едва ли не первый крупный дѣятель въ области археологіи, сознавшій необходимость болѣе широкой постановки науки и привлекавшій къ участию въ ней специалистовъ по различнымъ отраслямъ знанія и искусства. Въ прежнее время археологія держалась болѣе замкнутой, и какъ при раскопкахъ мало обращали вниманія на то, что не представляетъ интереса съ точки зрѣнія искусства, такъ и при описаніи древностей (напримѣръ въ отчетахъ Императорскаго Эрмитажа) преслѣдовались почти исключительно художественныя цѣли. Изслѣдованіе Стасова о фрескахъ Керченской катакомбы было однимъ изъ первыхъ, обратившимъ вниманіе, кромѣ художественной стороны, также на этнографическую и зоологическую. Встрѣтивъ на этихъ фрескахъ изображенія лошадей и разныхъ дикихъ животныхъ, Стасовъ не удовольствовался ихъ оцѣнкой съ художественной точки зрѣнія и ихъ сравненіемъ съ соотвѣтственными изображеніями въ греческомъ искусствѣ, но обратился за содѣйствіемъ къ зоологу, академику Миддендорфу, для того, чтобы опредѣлить точнѣе породы изображенныхъ животныхъ и получить отсюда указанія для опредѣленія самой народности, воздвигавшей Керченскія катакомбы. Миддендорфъ доставилъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній, особенно о типахъ лошадей и притомъ какъ встрѣчающихся на Керченскихъ фрескахъ, такъ и въ произведеніяхъ греческаго и

ассирийскаго искусствъ. Работа Стасова приобрѣла тѣмъ самымъ большій интересъ, который для насъ, въ данномъ случаѣ, усиливается еще тѣмъ, что она же послужила первымъ поводомъ къ выступленію покойнаго С. А. Усова на археологическое поприще.

Приглашенный (повидимому проф. Котляревскимъ и гр. Уваровымъ) сообщить, въ засѣданіи 9 марта 1876, свои замѣчанія по поводу означенныхъ фресокъ, С. А. отчасти дополнилъ указанія Миддендорфа, отчасти же пошелъ далѣе въ своихъ объясненіяхъ. Не ограничиваясь, подобно Миддендорфу, одними замѣчаніями относительно изображеній животныхъ, С. А. коснулся и изображеній растений, и пейзажа, и народностей, постарался уяснить самый смыслъ фресокъ и въ полу-серьезной, полу-шутливой формѣ представилъ даже подробное ихъ объясненіе въ стихахъ. Очевидно, что разсмотрѣніе этихъ фресокъ уже затронуло въ немъ археологическую струнку, заставивъ, между прочимъ, навести справки и въ нѣкоторыхъ археологическихъ сочиненіяхъ. Тѣмъ не менѣе, на эту первую свою археологическую работу С. А. смотрѣлъ скорѣе какъ на забаву, чѣмъ на дѣло, или по крайней мѣрѣ, какъ на дѣло совершенно случайное и постороннее. Заканчивая свои объясненія, онъ говоритъ: «а мнѣ и отдохнуть пора отъ дѣла и мало знакомаго, и не совсѣмъ сподручнаго». Можно думать, однако, что такое заключеніе было вызвано отчасти излишнею скромностью, или уступкою общественному мнѣнію: въ то время С. А. уже нѣсколько лѣтъ какъ занимался исторіей искусства, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и цитатахъ его объясненія уже проглядываютъ знакомство съ античною древностью и съ соотвѣтственною литературой.

Что С. А. въ это время уже интересовался археологіей, и притомъ не только античною, но и русскою, доказываютъ наглядно его рѣчь о Единорогахъ—на университетскомъ актѣ 12-го января 1877 г. и слѣдующія два его сообщенія въ Археолог. обществѣ, въ сезонъ 1876—77 г.—о монокилахъ и о Саламинскомъ счетѣ. Я однако не буду останавливаться на этихъ двухъ послѣднихъ рефератахъ, тѣмъ болѣе, что они не напечатаны и что самъ С. А., какъ кажется, не придавалъ имъ особеннаго значенія.

Но я позволю себѣ обратить вниманіе на сообщеніе, сдѣланное чрезъ три года послѣ перваго, именно въ засѣданіи 20 апрѣля 1879 г., о Синайской мозаикѣ въ церкви Преображенія. Въ немъ С. А. не только не находитъ уже надобности въ оправданіи своего занятія археологіей, выказываетъ себя не только любителемъ древностей, но заявляетъ о себѣ, какъ объ основательномъ знатокѣ древне-христіанскаго искусства, причемъ рядомъ основательныхъ доводовъ опровергаетъ мнѣніе Вѣртмана (въ учебникѣ живописи Вольтмана), приурочившаго означенную мозаику къ VII-VIII вѣкамъ, и доказываетъ, что она относится ко времени отъ

конца V-го до половины VI вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своему знакомству съ зоологіей, С. А. могъ точно опредѣлить 11 видовъ птицъ, изображенныхъ на мозаикѣ, и вывести заключеніе, что всѣ эти виды либо свойственны исключительно сѣверо-восточной Африкѣ, либо водятся тамъ, хотя прилетаютъ лѣтомъ и въ Европу, и что художникъ, составлявшій композицію мозаики, былъ, поэтому, по всей вѣроятности, жителемъ Александріи, выдавшимъ всѣхъ этихъ птицъ живыми.

Знакомство съ зоологіей помогло С. А. еще болѣе въ слѣдующемъ его изслѣдованіи, о миниатюрахъ къ греческому кодексу Евангелія, открытаго въ Россано (въ Калабріи). Здѣсь, послѣ обстоятельнаго описанія миниатюръ, изъясненія ихъ композиціи при помощи апокрифовъ, ихъ манеры рисовки и т. д., С. А. переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о мѣстѣ и времени ихъ изготовленія и высказываетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе. «Мнѣ кажется, что при подобныхъ изслѣдованіяхъ слишкомъ мало обращалось вниманія на пейзажъ, и въ особенности на изображенія растений и животныхъ. Художнику, по неволѣ, какъ бы онъ ни старался, приходится считаться съ окружающею его самою природою: другой онъ не знаетъ, чуждая ему природа непонятна ему самому. Придать характерный признакъ животному можетъ лишь тотъ, кто съ нимъ знакомъ, сжилъ». Сообразно съ этимъ, С. А. подвергъ внимательному анализу виды растений и животныхъ, изображенныхъ на миниатюрахъ Россанскаго кодекса, и пришелъ къ заключенію, что всѣ болѣе характерныя изъ нихъ, какъ-то: финиковая пальма, суданскій горбатый волъ (зебу) и нижнеегипетскіе вислоухіе козлы, съ завитыми, почти прямыми рогами, могутъ находиться лишь въ Нижнемъ Египтѣ, и что, слѣдовательно, будетъ логичнымъ заключеніе, что художникъ, рисовавшій миниатюры, былъ житель именно Нижняго Египта (Александріи). Подобнымъ же образомъ, для опредѣленія времени С. А. воспользовался изображеніями костюмовъ, чисто византійскихъ, а также знамени (labarum) съ двумя портретами безбородыхъ императоровъ, въ которыхъ онъ призналъ Юстина I и Юстиніана, царствовавшихъ въ 527 году, отъ 1-го апрѣля до 1-го августа, а соотвѣтственно тому отнесъ и изготовленіе миниатюръ именно къ этому времени. Насколько вѣрно это опредѣленіе времени, я судить не берусь; но опредѣленіе мѣста едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Въ томъ же изслѣдованіи С. А. коснулся и миниатюръ книги Бытія, хранящейся въ Вѣнской бібліотекѣ. Здѣсь также, изучая изображенія животныхъ, растений и пейзажъ, онъ могъ убѣдиться, что изъ 48 миниатюръ первыя 31—указываютъ на близкое знакомство художника съ Египтомъ, какъ это видно изъ изображенія египетскихъ долгоухихъ и вислоухихъ козловъ, египетскихъ долгоухихъ овецъ, зебу, египетскихъ бодрыхъ ословъ, съ стоячими ушами, одnogорбыхъ верблюдовъ, иногда съ употребляемымъ

еще и въ настоящее время въ Египтѣ головнымъ уборомъ, вѣтвящейся пальмы (*Nurphaene thebaica*) и др. Но, начиная съ 32 рисунка сценарій измѣняется: козлы, овцы, верблюды, пальма—исчезаютъ, ослы уже не прежніе, а лопоухіе—южной Европы; появляются римскія арки, дверь въ помпейскомъ вкусѣ, какая-то огнедышущая гора и т. п. Такимъ образомъ, подъ конецъ труда иная природа окружала живописца, нежели та, въ которой онъ жилъ при началѣ, или эти миниатюры исполнены двумя художниками, и именно первыя 31 уроженцемъ Египта, а остальные—жителемъ Италіи.

Зоологическія свѣдѣнія немало помогли С. А. Усову и въ его изслѣдованіи о древнихъ русскихъ деньгахъ по Русской Правдѣ,—изслѣдованіи, въ которомъ покойный выказалъ вообще большую находчивость и смѣтливость. Сообщение С. А. Усова было вызвано появленіемъ труда П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго о деньгахъ Русской Правды, въ которомъ, между прочимъ, была точно установлена относительная цѣнность древнихъ денегъ, т. е. гривны, ногаты, куны, рѣзаны и т. д. Но по отношенію къ происхожденію, генезису этихъ денегъ, г. Мрочекъ-Дроздовскій не былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, и убѣдившись, напримѣръ, что деньги «куна» и «бѣль»—не то, что животныя куница и бѣлка, не могъ однако объяснить, что же собственно обозначали первоначально всѣ эти куны, рѣзаны, ногаты, бѣли и т. д. Происходило это отчасти отъ того, что историки и юристы, занимавшіеся этимъ вопросомъ, не считали нужнымъ искать его разъясненія у зоологовъ, а зоологи игнорировали его или не интересовались имъ. Впрочемъ, какъ показало изслѣдованіе Усова, для разрѣшенія этого вопроса еще было недостаточно данныхъ письменныхъ памятниковъ съ одной стороны и данныхъ зоологіи—съ другой; требовалось принять еще въ соображеніе данныя западно-европейской геральдики, обычаи и цѣны мѣховой торговли, свидѣтельства языка, а главное, требовалась извѣстная находчивость, смѣтка, чтобы скомбинировать и согласовать эти разнородныя указанія и вывести изъ нихъ наиболѣе вѣроятное и удовлетворительное заключеніе. С. А., при своихъ многостороннихъ свѣдѣніяхъ и несомнѣнной талантливости, оказался способнымъ къ разрѣшенію затруднительной задачи и дѣйствительно разрѣшилъ ее, повидимому, вполне удовлетворительно.

Въ послѣдующихъ сообщеніяхъ С. А. также проглядываетъ иногда эта плодотворная комбинація данныхъ археологіи и естествознанія, напримѣръ, въ разборѣ мнѣнія Гассе о реставраціи Венеры Милосской. Но съ дальнѣйшимъ погруженіемъ, если можно такъ выразиться, въ изученіе исторіи искусства и археологіи, С. А. долженъ былъ встрѣтиться и съ такими вопросами, въ которыхъ для зоологіи и естествознанія вообще уже не было мѣста, и за разрѣшеніе которыхъ, тѣмъ не менѣе

онъ могъ смѣло взяться, при его постоянно возрастающихъ познаніяхъ и усиленіи въ немъ интереса къ изученію старины. Таковы, напримѣръ, вопросы о древнихъ фрескахъ, открытыхъ въ Московскомъ Успенскомъ и во Владимірскомъ Успенскомъ соборахъ, которымъ С. А. посвятилъ нѣсколько сообщеній (одно изъ нихъ помѣщено *in extenso* въ X томѣ «Древностей»), и которые подвинули его къ дальнѣйшему изученію древнѣйшихъ русскихъ церквей, съ результатами котораго, къ сожалѣнію, ему не удалось познакомить Археологическое Общество. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ С. А. оставался вѣренъ своей роли, какъ натуралиста, въ томъ, что пользовался въ широкой степени сравнительнымъ методомъ и доходилъ до выводовъ путемъ строгой, послѣдовательной индукціи, принимая во вниманіе самые мелкіе, повидимому, незначительные факты и подробности.

Мнѣ остается упомянуть еще объ одной работѣ С. А., именно объ его рѣчи о Единорогахъ, прочитанной имъ на Университетскомъ актѣ 1877 года. Рѣчь эта представляетъ также наглядное доказательство той пользы, которую можетъ приносить археологіи естественная исторія и этнографія. Во введеніи къ своей статьѣ С. А. такъ опредѣляетъ ея цѣль и методъ, которому онъ слѣдовалъ. «Цѣль выбранной задачи, говоритъ онъ, скорѣе культурно-археологическая, чѣмъ естественно-историческая; средства въ ея разрѣшенію отчасти филологическія, главнымъ образомъ—зоологическія и этнографическія. Послѣдующее изложеніе наглядно покажетъ, что разрѣшеніе вопроса, какія животныя послужили основой мифа, сложившагося о единорогахъ, не подъ силу одному человѣку-специалисту въ строгомъ смыслѣ этого слова. Наука развѣтвилась, разрослась въ настоящее время до такой степени, что теперь невозможно даже быть энциклопедистомъ, безъ крайней поверхностности. Безъ помощи филологовъ, путешественниковъ, этнографовъ (или ихъ сочиненій) зоологу нѣтъ средства рѣшить и такую маленькую задачу, какъ задача объ единорогахъ. Часто слышимъ мы о всемогуществѣ науки. Да, это безспорно, но лишь тогда, когда подъ словомъ наука мы разумѣемъ не одно какое либо развѣтвленіе человѣческихъ знаній, а ихъ совокупность. Въ специальной школѣ моя тема была бы просто-напросто неумѣстна; въ *Universitate litterarum*, гдѣ бокъ-о-бокъ преподаются главные отрасли человѣческаго вѣдѣнія, гдѣ ежедневно сталкиваются медикъ съ астрономомъ, филологъ съ зоологомъ, юристъ съ математикомъ,—иное дѣло». Въ своемъ изслѣдованіи С. А. воспользовался, дѣйствительно, и данными зоологіи, и археологіи; сличилъ описанія Кювье, Ласепада, Палласа съ разсказами Ктезія, Аристотеля, Плинія, Оппіана; просмотрѣлъ Библию и средне-вѣковые бестіаріи, и принялъ во вниманіе изображенія на древне-египетскихъ, ассирійскихъ и персидскихъ памятникахъ; выбралъ изъ Голубиной книги, изъ былинъ, изъ лѣтописи—мѣста, въ

которыхъ говорится о рыбьемъ зубѣ и объ индричь-звѣрѣ, и сопоставилъ съ ними народныя—русскія, финскія и китайскія—преданія о мамонтѣ. Въ результатѣ получился выводъ, что «для образованія легендарныхъ сказаній о единорогахъ послужили: кафрскій быкъ (*Bos saffer*), индійскій носорогъ (*Rhinoceros indicus*), одна антилопа сѣверо-восточной Африки (*Oryx Beisa*), рогозубъ (*Monodon monoceros*) и мамонтъ (*Elephas primigenius*), т. е. четыре еще живущихъ нынѣ звѣря и одинъ ископаемый; изъ этихъ животныхъ только носорогъ индійскій имѣетъ одинъ рогъ, два животныхъ двуроги и два вовсе не имѣютъ роговъ. Ошибки происходили лишь отъ малаго знакомства съ міромъ животныхъ, по недостаточному или, вѣрнѣе, ошибочному толкованію фактовъ естественно-историческихъ, но тѣмъ не менѣе фактовъ дѣйствительныхъ, истекающихъ изъ наблюдений, но непосредственныхъ. Непосредственныя же наблюденія и выводы изъ нихъ,—замѣчаетъ С. А.,—становятся фактами научными только тогда, когда освѣтитъ ихъ научная критика».

Заканчивая настоящій очеркъ дѣятельности С. А. Усова, какъ археолога-натуралиста, я позволю себѣ отъ лица Общества выразить глубокую благодарность и уваженіе къ его памяти, которая сохранится, несомнѣнно, не въ однихъ нашихъ мемуарахъ, но займетъ мѣсто въ ряду лучшихъ нашихъ воспоминаній о дѣятельности Общества за послѣдніе 8 лѣтъ. Пожелаемъ, чтобы примѣръ Сергѣя Алексѣевича не прошелъ безслѣднымъ, чтобы его горячая любовь къ искусству и древностямъ и неутомимая дѣятельность въ ихъ разработкѣ нашли себѣ послѣдователей; чтобы подобная же многосторонность, талантливость, даръ комбинированія данныхъ встрѣчались чаще у нашихъ изслѣдователей старины; чтобы археологія, наконецъ, избѣгала односторонности, пользовалась бы въ большей степени содѣйствіемъ естествознанія и въ особенности того сравнительнаго, индуктивнаго метода, который привелъ уже къ такимъ плодотворнымъ результатамъ въ изученіи явленій природы и который можетъ быть не менѣе полезнымъ и въ области науки о древностяхъ.

Фото-Гравюра Шереръ Наболицы № 12 Москвѣ.

Мозаика Кієво-Софійскаго Собора.

Фото-Гравюра Шереръ. Набогильтъжнѣ въ Москвѣ.

МОЗАИКА КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОВОРА.

Фото-Гравюра Шереръ Набогльцьки въ Москвѣ.

Фото Гравюра Шереръ, Набѣльцы въ Москвѣ

ФРЕСКА КИРИЛЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ КІЕВѢ.

Фото-Гравюра Шерера, Набислицъ № 2 въ Москвѣ.

ФРЕСКА КИРИЛЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ КІЕВѢ.

